

НИКОЛАЙ ЖИВОТОВ

УБИЙЦА

СЛОВО СЫЩИКА

НИКОЛАЙ ЖИВОТОВ

УБИЙЦА

«Public Domain»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Животов Н. Н.

Убийца / Н. Н. Животов — «Public Domain», — (Слово сыщика)

ISBN 978-5-17-112342-0

Макарка-душегуб в очередной раз сбегает от правосудия и исчезает. Зато вскоре в Петербурге появляется некий зажиточный купец Куликов, который открывает питейное заведение... Там, где Куликов, — интриги, разбой, шантаж, убийства... Перед ним пасуют даже самые жестокие представители уголовного мира. Лютые злодеяния, пороки, разгул сопровождают жизнь опустившихся обитателей столичных трущоб... В романе известного петербургского писателя Николая Животова (1858–1900) описываются жестокие тайны уголовного мира Петербурга в конце XIX века.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-112342-0

© Животов Н. Н.

© Public Domain

Содержание

Пролог	5
Часть первая	9
1	9
2	13
3	17
4	21
5	25
6	29
7	32
8	36
9	40
10	43
11	47
12	51
13	55
14	59
15	62
16	66
17	70
18	74
19	78
20	82
21	86
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Николай Николаевич Животов

Убийца

Пролог

В полторацком флигеле знаменитой Вяземской лавры, в квартире без окон, никогда не выдавшей дневного света, занимал угол молодой еще парень, лет двадцати шести, с рябым от оспы лицом, широкими раздутыми ноздрями, круглыми навывкате глазами и всклокоченной войлоком головой. Огромного роста, косая сажень в плечах и плотного телосложения, он славился геркулесовой силой и без труда разгибал и ломал подковы. Кто он, как и когда появился в Петербурге, никто не знал, но среди товарищей его прозвище было Макарка-душегуб. Он иногда на собаках или кошках показывал опыты вскрытия живота и черепа и проделывал это с такою ловкостью и искусством, что мог бы поспорить с любым профессором-хирургом. Он сам хвастался, что может в тридцать секунд резать и вынуть внутренности у самого большого быка.

– А что, Макарка, много ты на своем веку загубил душ? – спрашивали его иногда товарищи.

Макарка искривит рот, посмотрит пристально на спрашивающего – и у того самого поджилки затрясутся:

– Ты мне товару не поставлял, так нечего тебе и спрашивать.

«Товаром» на их жаргоне назывались жертвы.

– А все-таки?

– А вот пойдем за Обводный канал, я тебе «панораму» покажу.

– Спасибо.

– Рук только марать не стоит! Разве ты «душа»?! Ха-ха...

Обитатели полторацкого флигеля боялись и не любили Макарку, но никто не смел этого обнаружить. Макарка требовал полного себе повиновения и известного почтения. Если иногда кто-нибудь проявлял непослушание, то стоило Макарке искривить рот и уставить глаза, как непокорный превращался сейчас же в овечку и беспрекословно исполнял приказания Макарки.

Так прожил Макарка в своем углу около года, никогда не бывая дома днем и редко ночью. Где он проводил время и чем занимался – никто не знал, хотя, разумеется, не работой, потому что у него и паспорта вовсе не было, так что, если б он и хотел наняться куда-нибудь, то не мог.

Не один раз Макарка приходил весь в крови, обмывал руки, застирывал пятна на белье, чистил сапоги и затем опять уходил. Никто не думал его спросить, чья это кровь и чью душу он опять загубил.

Во всем полторацком флигеле был только один человек, осмеливавшийся иногда противоречить Макарке и уличать его в нехороших делах. Это была Алёнка-поденщица, красивая женщина, лет двадцати пяти, но горькая пьяница, зарабатывавшая себе хлеб поденной работой, стирая белье в разных домах. Алёнка сошлась с Макаркою вскоре после его появления в полторацком флигеле и перешла жить в соседний с ним угол, но, несмотря на любовь, они часто ссорились, и Алёнка говорила своему приятелю в глаза такие вещи, что посторонним становилось за нее страшно.

Однажды – это было в начале осени – Алёнка вернулась позже обыкновенного. Она стирала белье у богатого купца Смирнова и хотела кончить стирку. Купец Смирнов занимал небольшую квартиру при своей лавке. Сам он уехал в деревню, так что в квартире оставалась только жена с грудным ребенком и подручный мальчик; приказчик жил отдельно. Макарка очень заинтересовался этой семьей и все расспрашивал Алёнку о подробностях.

– Да что это, не собрался ли к ним с визитом? – испугалась Алёнка.

– Собрался и через час буду у них! – На слове «буду» он сделал такое ударение, что соседи вздрогнули.

– А я тебя не пущу! Слышишь, не пущу! Полиции донесу!

Макарка усмехнулся, ничего не ответил и, взяв с печки свой картуз, вышел.

Купец Смирнов и его лавка занимали нижний этаж большого каменного дома. Окна выходили в глухой переулок. Когда Макарка подошел к дому, все нижние окна были темны и только в одном отсвечивала лампада, горевшая у образов. Макарка несколько раз прошелся по тротуару и внимательно осмотрел все рамы, форточки и задвижки. Наконец, он остановился на окне, соседнем с дверью. Опытной рукой, вооруженной долотом, он открыл форточку и пошел по переулку удостовериться, нет ли где бодрствующего стража в лице городского или дворника. Все было тихо, темень непроглядная и сон в это время самый крепкий. Осторожно Макарка открыл форточку, отодвинул задвижки окна и легко влез в окно, после чего плотно его прикрыл. Очутившись в лавке, Макарка стал внимательно присматриваться. В темноте он рассмотрел шкафы, прилавок. Всматриваясь ближе, он увидел на полу спавшего подручного мальчика. Дверь из лавки в квартиру была приотворена. Макарка на цыпочках вошел в небольшую чистенькую гостиную, из которой была настежь открыта дверь в спальню. На широкой двухспальной кровати спала молодая женщина, которую крепко обнял грудной ребенок. С минуту Макарка любовался ими. Лицо его нахмурилось, и какие-то воспоминания роились в голове. Затем губы искривились, появилась та ужасная усмешка, которая пугала даже его сотоварищей. Он ощупал за пазухой большой финский нож, на цыпочках подошел к кровати. При слабом мерцании лампадного огонька сверкнуло лезвие ножа. Два паса, и голова молодой женщины почти отделилась от туловища. Кровь потоком полилась на ребенка, который проснулся и заплакал. Макарка нетерпеливо схватил малютку за ножки и, размахнувшись в воздухе, размозил головку о стену. Ни крика, ни стоны – только один глухой удар, похожий на падение чего-то на пол. Оставался еще подручный мальчик, спавший в лавке. Совершенно спокойно Макарка пошел обратно в лавку. Он нагнулся над спавшим. Мальчик лежал на боку. Макарка опустил левую руку ему на голову и правой нанес удар в шею. Лезвие ножа вошло по самую рукоятку. Никакого звука.

Отерев нож об одеяло, Макарка спрятал его за пазуху и пошел к выручке. Он был в игривом настроении. Как профессионал своего дела, он был доволен полным успехом. Никакой ошибки, фальши или промаха. Все как по нотам. Собрав выручку, он пошел искать в столах, шкафах. Взгляд его упал на кивот с лампадой, из-за которого торчал угол белой бумаги. Достав бумагу и развернув ее, он увидел целую пачку акций, билетов и крупных кредиток.

Он даже щелкнул языком от удовольствия.

– Bravo! Вот это я понимаю. По крайней мере, не даром работал. Недурно!..

Уложив деньги в карманы, он тем же ходом вышел в окно и быстрыми шагами направился домой.

Был третий час утра, когда он подошел к Вяземской лавре. Дежурный дворник спал у ворот. Он перешагнул его и скрылся в воротах.

– Макарка, ты? – окликнула его Алёнка, когда он начал возиться в своем углу.

– Я.

– Где был?

– Не твое дело!..

– Скажи! Неужели ходил к Смирновым?

– Молчи, я тебе говорю!

– Ты горло не дери, я не из пугливых! Отвечай, когда у тебя спрашивают!

– Ну, у Смирновых, а тебе какое дело?

– Врешь! – почти вскрикнула она и приподнялась на постели.

- Шучу, шучу, так просто погулял.
- Ну, то-то. Я даже испугалась!

Через несколько минут водворилась тишина. Все спали. В комнате ночевало, кроме восьми постоянных угловых жильцов, еще человек пятнадцать ночлежников, так что дышать приходилось не воздухом, а одними испарениями. Однако обитатели безоконной квартиры спали богатырским сном, не замечая даже мириадов всех пород насекомых, двигавшихся по полу и по стенам целыми полчищами.

Не спалось только Алёнке. Ей было жутко за Смирновых, и она боялась, не был ли Макарка у них. Неужели?! Воображение рисовало ей одну картину за другой, и одну другой ужаснее. Спрашивать его не стоило. Все равно не скажет. Не дождавшись рассвета, Алёнка тихонько встала, оделась и неслышно вышла из квартиры. Бегом пустилась она к Обводному каналу и скоро достигла знакомого переуллка. Вот и лавка. Все тихо. Темно. Она разбудила дворника. Тот знал ее.

- Чего в рань такую?

– Пора прачечную топить.

Она начала стучать в заднее окно. Ответа нет. Стучала громче, еще громче.

- Чего барабанишь? Окна перебьешь, – огрызнулся дворник.

– Голубчик, Степан, посмотри, чего они не открывают.

– Спят, стало быть.

– Да Петрушка-то не спит крепко. Он открыл бы.

Они стали стучать вместе. Ответа не было. Обошли кругом с улицы.

– Степан! Голубчик, – закричала Алёнка, – смотри-ка, окно отворено!

– И впрямь открыто! Ох, ты напасть! Верно грех какой-нибудь! Надо полиции дать знать.

Дворник побежал к местному околоточному надзирателю. Через четверть часа собрались понятые, городской с поста. Решили ломать двери. На Алёнке лица не было. Она предчувствовала роковую истину. Когда двери были открыты и присутствовавшие увидели страшную картину, Алёна закричала:

– Он, он подлец! Это он их перерезал, Макарка-душегуб проклятый! Я вам выдам его головой! Пойдемте со мной скорее, скорее.

Все смотрели на Алёнку подозрительно, недоверчиво.

– Или она с ума спятила, или... это дело не миновало ее рук. Верно, кто-нибудь из ее приятелей!

Идти всем было нельзя. Сообщили сыскной полиции, прокурору. А Алёнка все повторяла:

– Пойдемте, пойдемте скорей, а то он исчезнет.

Только через час с ней отрядили двух сыщиков, околоточного и нескольких городских.

– Скорее, скорее, – торопила Алёнка. Ее глаза горели, щеки пылали, весь хмель из головы улетучился.

Уже начинало светать, когда они подошли к Вяземской лавре. Дежурный дворник побежал за другими товарищами, и облава целой толпой направилась к полторацкому флигелю.

– Вот, вот он, ловите, хватайте! – закричала Алёнка.

У дверей флигеля стоял Макарка, совсем готовый уходить. Он, вероятно, и уходил уже, но не успел миновать ворот. Все бросились к нему, но Макарка скрылся позади во флигеле.

Флигель окружили, расставили дежурных и начали самый тщательный, подробный осмотр. Обошли все квартиры, коридоры, углы, чердаки и подвалы – нигде нет! Точно провалился или обратился в невидимку. Бились до самого вечера, перерывали все вещи, выворачивали чуланы, обходили по несколько раз одни и те же углы – ничего.

– Куда же мог он деваться? Ведь он вернулся во флигель!

– Вернулся! Все видели. А найти невозможно.

Приехало еще несколько высших полицейских чинов, прокурор. Все пожимали плечами, советовали еще поискать, искали сами, но результатов никаких. Макарка бесследно исчез.

Больше всех беспокоилась Алёнка.

– Если вы его не найдете, то возьмите меня под арест, – просила она.

– Почему? Разве вы принимали участие в убийстве?

– Боже, сохрани! Но мне нельзя остаться на свободе: он убьет меня!

– Пустяки! Не убьет, а мы арестовать вас не можем... Против вас нет никаких подозрений и улик.

– Да это все равно. Ведь я сама вас прошу!

– Никак нельзя.

Алёнка махнула рукой. Вечером хотели прекратить облаву во флигеле и начать розыски общим порядком.

– Верно, это вовсе не он был. Алёнка издала могла ошибиться.

– Вероятно, так и есть! Напрасно день потеряли!

– Господа, поищите еще, – умоляла Алёнка, – он наверняка здесь! Ищите хорошенько!

– Нет, уж довольно!

«Осада» с полторацкого флигеля была снята.

Алёнка с замиранием сердца пошла в свой угол и прилегла на свою койку. Каков же был ее ужас, когда она над самым ухом услышала голос Макарки:

– Что, взяла? Предала? Помни, ты заплатишь мне головой за этот донос!

Алёнка что-то сказала в свое оправдание и оглянулась. Никого не было. Что это? Не привидение ли? Нет, его голос.

Опять все стихло в квартире. Наступила ночь. Алёнка сначала не спала, но потом утомление взяло верх, и она уснула.

На следующее утро Алёнку нашли в своей постели с... перерезанным горлом. Кто и когда совершил это новое преступление – неизвестно, хотя в сильном подозрении остался тот же мифический Макарка-душегуб.

Но где его искать, когда никто не знает даже его настоящего имени.

Часть первая

1

«Красный кабачок»

У одной из городских застав только что открылся хорошенький и чистенький трактирчик средней руки, с уютными кабинетами и двумя половинами: купеческой и черной. Хозяин заведения, названного «Красный кабачок», петербургский второй гильдии купец Иван Степанович Куликов, солидный человек, лет сорока, с окладистой русской бородой. Он устроил помпезное открытие, пригласил всех окрестных торговцев, заводчиков, фабрикантов, домовладельцев и устроил угощение на славу. Почти все «именитые граждане» околотка откликнулись на приглашение и пожаловали самолично или прислали Ивану Степановичу хлеб-соль на новоселье, с пожеланием всего лучшего. По распоряжению хозяина, на черной половине всем рабочим и простолюдинам подавали бесплатно по большому стакану водки и куску кулебяки. Обед для приглашенных был из шести блюд и представлял изобилие всевозможных вин, не исключая ликеров и шампанского.

С утра и до позднего вечера пировали дорогие гости. Иван Степанович зарекомендовал себя таким радушным, хлебосольным и гостеприимным хозяином, что многие коммерсанты просили его бывать у них и выразили искреннее желание познакомиться с ним поближе.

На следующий день «Красный кабачок» открылся для публики и стал торговать очень бойко. Хороший оркестр, свежая, лучшая провизия, недорогие цены, а главное, новенькая, приличная обстановка собирали постоянно массу посетителей, и «Красный кабачок» отбил торговлю у всех соседних трактиров. Иван Степанович поставил за буфет ответственного приказчика, но сам первое время почти постоянно находился тут же. Он знакомился с каждым посетителем, беседовал, расспрашивал, интересовался всем и охотно выпивал по рюмочке с каждым гостем своего заведения. Неудивительно, что Иван Степанович очень скоро сделался популярен и приобрел обширнейшие знакомства. Особенно близко он сошелся с местным кожевненным фабрикантом Петуховым, почтенным, белым, как лунь, стариком-раскольником. У Петухова было огромное состояние и единственная дочь Ганя, которой минуло 22 года. Несмотря на многочисленность женихов, Ганя не спешила выходить замуж.

Куликов сделался большим приятелем старика Петухова. Они часто просиживали целые вечера или в «Красном кабачке», или в конторе завода. Разговор носил чаще всего оживленный характер.

– Что за народ нынче стал! Пьяницы, гуляки. Хорошего работника днем с огнем не сыщешь. Никто работать не хочет!

– И не говорите, Иван Степанович, вон у меня на заводе мальчишки тринадцати-четырнадцати лет уже пьянствуют и путаются! Верите ли, ни одного мастера сносного нет: или пьяница горький, или не умеет ничего, лентяй, тупица. Поневоле приходится иностранцев брать.

– Ваши единовверцы-беспоповцы много порядочнее, трудолюбивее!

– Ох, и наши начинают портиться, забывать советы стариков. Посмотрите на нашу молодежь: пиджаки носят, сигарки курят, в клубы ходят.

– А все-таки по старой вере лучше!

– Да лучше-то оно лучше, а все прежде не то было!

– Вот, к примеру, ваша дочь, Ганя. Разве много таких скромных, трудолюбивых, нравственных девушек?

– Да, моя Ганя неиспорченная девушка.

- Вы думаете, отчего я холостым остался? Все не мог найти подходящую невесту.
- Трудно, трудно. А вы давно в купечестве состоите?
- В петербургском – первый год. Раньше я в Орловской губернии подрядами занимался.
- Т-а-а-к. Что же это вы надумали сюда приехать, трактир открывать?
- Да ведь что-нибудь надо же делать. Говорили – это дело прибыльное.
- Было, а теперь нет. Теперь в Петербурге все в упадке, все сбито, вот и наше дело упало.
- И странно. Отчего это? Кажется, причин нет.
- Причина все та же: людей нет, люди избалованы, мазуриков развелось множество, а людей с трудом, знанием – нетути! Ну, что ж поделаешь? Коли вон с двенадцати-тринадцати лет парни уже от рук отбиваются, так чего же вы хотите?!
- Ваша речь справедлива. Только я вам доложу, и у нас в Орловской губернии не лучше.
- Что ж делать! Может быть! Как-нибудь тянуться надо.
- Именно тянуться... Не жить, а тянуться!..
- Нынче вот, кто успел в былые годы скопить – тот и капитал имеет, а не сумел – теперь уже не наживешь! Дай бог только концы с концами свести.
- Справедливо... Ну, я, благодаря бога, малую толику имею.
- Да ведь и я не жалуясь... Так, к примеру говорится...
Иногда Петухов советовался с Куликовым.
- Как вы полагаете, Иван Степанович, насчет этой самой куверции.
- То есть какой «куверции»?
- Да вот что пропечатано от банка... У меня, видите ли, серий пятипроцентных тысяч на сорок будет, а теперь предлагает банк или деньги получи обратно, или прими четыре процента. Это говорят «куверция» пришла, теперь все ведь по-новому. На людей флюенция, а на капиталы куверция. Совсем туго...
- Да, ведь вам придется взять четыре процента, а то после эту четырехпроцентную будете у менял покупать, дороже заплатите...
- Расчет ведь, Иван Степанович, пятую часть дохода терять приходится!
- Говорят, вон скоро три процента будут давать! Денег много.
- И старик Петухов, кряхтя и сетуя, собирался делать «куверцию».
- В числе других посетителей Куликова, с которыми он сошелся ближе, был богатый лавочник Коркин, женившийся на вдове с приданным сто тысяч. Коркин был одних лет с Куликовым, но веселый и добродушный малый, отрастивший на воле солидное брюшко. Он был не промах выпить и даже кутнуть, но вообще пил мало, и дома у него водка и вино имелись только для гостей. Куликов редкий день с ним не видался.
- О, дружище, – встречал его Коркин, – ну как твой кабачок, поди, на славу торгуешь.
- Ничего, жаловаться грех, да ведь, поди, и вы на хлебце насущном не без убытка... Хе-хе-хе...
- Ну, наш барыш не вашему чета! Мы рупь на рупь не берем!..
- Где вам рупь на рупь! Вы, если копеечку на копеечку наживете, вам и довольно... Хе-хе-хе...
- Ишь, ты острый какой! Ладно, давай графинчик.
- А закусить что?
- Сам выбирай, только проворней, а то моя благоверная распеканцию мне задаст, коли долгое время домой не вернусь.
- Ваша Елена Никитишна – ангел, а не женщина! Таких женщин поискать днем с огнем!
- А все ж разрешения от нее нет по кабакам таскаться.
- Извините, у меня не кабак, а ресторан. Во как!
- Ну, наливайте, Иван Степанович.
- Тороплюсь, тороплюсь!

- За здоровье вашей супруги!
- Спасибо. Да что ты хоть бы зашел к нам как-нибудь. Стуколку устроим.
- С полным удовольствием! Хоть сегодня!
- Заходи сегодня. Кое-кто навернется, а не хватит для стуколки – пошлем за соседом другим. Далеко ли тут! Все равно что в деревне.
- А правда! Совсем большое село! У нас в Мышкинском уезде есть, пожалуй, и побольше торговые села. Вы не бывали у нас?
- Да что вы то тыкаете, то выкаете. Давайте выпьем на брудершафт.
- Выпьем.
- Вот так! Ну теперь поцелуемся! Важно! А теперь продолжай. Что ты спрашивал?
- А я и забыл уж! Ну ладно в другой раз. Наливай, наливай, бежать надо.
- Успеешь, еще графинчик раздавим.
- Довольно! Тяжело будет!
- Не свалишься! Не ребенок!

И Коркин выходил из трактира Куликова обыкновенно нализавшись до чертиков.

Куликов совершенно отделил черную половину своего трактира и поставил там отдельно буфетчика, которому дал широкие полномочия и обещал вовсе не заглядывать к нему, если только он будет приносить хороший доход. Куликова предупреждали, что он берет в буфетчики человека с плохой репутацией, который якшается с ворами, но Куликов хладнокровно отвечал:

– А мне какое дело? Он и отвечать будет, если попадетсЯ. Зато у меня торговля удвоится. Без воров и мазуриков черные половины трактиров, да еще на окраинах, не могут существовать.

Очевидно, Куликов хорошо знал свое дело, потому что расчет его оказался верным. В короткое время его черная половина сделалась центром всех громил окрестностей заставы и притом разных бродяг и рецидивистов, скрывающихся за городской заставой. Мало того, здесь образовалась биржа ворованных вещей, так что в определенные дни и часы сюда съезжались маклаки с нескольких рынков. Бриллиантовый перстень, брошь с алмазами, гайка от колеса, ручка от дверей, кастрюля, мокрое белье, серебряные ложки – все это продавалось вместе одним владельцем, и никто не спрашивал этого владельца, где и как он приобрел все эти вещи. Способ приобретения вещей был виден уже из того, что продавец отдавал свой товар прямо за предложенную цену, хотя бы эта цена была, например, двугривенный за серебряную ложку или полтинник за кольцо с бриллиантом. Нечто похожее на настоящую цену дают продавцам только в том случае, когда между маклаками не достигнуто почему-нибудь «соглашение» на условиях «вязки». Однако маклаки не жалеют угощения, и в дни закупок ими «слепого товара» в трактире Куликова происходило море разлитое. Перепивались все, и продававшие, и не продававшие перепивались до того, что многие сваливались на пол и тут же мертвецки спали до утра. Буфетчик Куликова не стеснялся в таких случаях обсчитывать и приписывать, елико возможно, и маклаки платили без проверки счета.

– Как нам проверять? Ведь и он участие принимал не последнее! У него часто хранятся ворованные вещи, он случается посредником между ворами и маклаками. Вообще буфетчик не оставляет желать лучшего.

– Смотри, Иван Степаныч, неладное у тебя творится на черной половине, – говорил несколько раз Коркин.

– Ни-че-го, – махал он рукой, – поверь, все грязные трактиры делают то же самое. Без участия постоянных дворов, чайных, кабаков и черных половин трактиров не существовало бы и половины всех петербургских воров, мазуриков, громил и душегубов. На одном рабочем народе далеко не уйдешь, а эти мазурики – аристократы черных половин. Они проживают больше нас с вами.

– Каким же это образом?

– А очень просто. Все, что он зарабатывает – он пропивает. Ему деньги ни на что больше не нужны; у него ни квартиры, ни кола, ни двора – ничего! Что добыл, то и пропил. А добыть им иногда удается десятки, а то и сотни рублей! Вот в чем разница между честным работником с мозолистыми руками и старым опытным громиллой! Поверь, все кабатчики дорожат последними и уважают их гораздо больше первых. Бродяга не только пропивает во много раз больше всякого мастерового, но он еще гораздо тише, покладистее; безответнее. Мастерской заведет скандал и кричит «зови полицию», а громилла не только не позовет сам полицию, но удерет, если речь пойдет о ней.

– Но вот что меня удивляет, – протянул Коркин, – откуда ты, Куликов, постиг в таких тонкостях все трактирные секреты. Ты в первый раз в Питере, раньше занимался подрядами. Откуда ты изучил черные половины наших трактиров?!

Куликов отмолчался и отшутился.

– Ну, и коммерсант же, брат, ты ловкий! Торговать будешь, не проторгуешься!

2

Ганя

Широко раскинулся за заставой кожевенный завод Тимофея Тимофеевича Петухова, маститого 65-летнего купца, жившего уединенно и скромно со своею взрослою дочерью Ганей. Завод Петухова славился далеко за пределами Петербурга и по обороту был один из крупнейших. Старик жил с дочерью душа в душу, передав в ее руки все хозяйство дома. Однажды Тимофей Тимофеевич позвал дочь раньше обыкновенного.

– Ганя, ты сегодня приберись пораньше – сказал он. – К нам приедет обедать Иван Степанович Куликов.

– Это, папенька, трактирщик?

– Да, мой приятель... Хороший он человек и умен.

– Я видела его на заводе несколько раз. Не нравится он мне, папенька. В его лице есть что-то нехорошее, отталкивающее. Я и теперь вздрагиваю, когда вспомню, как он на меня посмотрел. Точно зверь, который съест меня хотел! Брр!..

– Полно тебе, дурочка, – засмеялся старик и погладил девушку по густой русой косе.

Ганя была настоящая русская красавица: белая, розовая, полная, с пунцовыми губами и большими голубыми глазами. Она в детстве лишилась матери и сделалась единственным другом и помощницей отца. Веселая, довольная, счастливая, отличная хозяйка, работница с утра до ночи, Ганя наполняла отцу всю жизнь.

– Знаешь, дочка, пора тебе замуж, – говорил иногда старик Петухов. – Я стар стал, не сегодня-завтра помру, и останешься ты непристроенной, одна-одинешенька на свете!

– Полно, папенька, зачем вам себя расстраивать и меня в слезы вводить. Поживем еще, а там, что Бог пошлет! Я не хочу пережить вас! Не хочу замуж!

– Глупенькая! У тебя еще целая жизнь впереди. Одной нельзя век прожить! С мужем легче будет. Состояние у тебя хорошее, на век хватит, а человека можно найти.

Ганя вскакивала, целовала старика отца и зажимала ему рот рукой.

– Не хочу, не хочу и не хочу!.. Довольно. Скажите мне лучше, зачем вы пригласили этого кабатчика к нам обедать? Боюсь я его пуще зверя какого. Предчувствие чего-то недоброго томит. Нехороший он, папенька, человек.

– Перестань ты, Ганяша! Не знаешь человека и говоришь так. Поверь мне, он прекрасный человек. Не сошелся бы я с ним, если б он сомнительный мужичонка был! Слава богу, умею ведь людей понимать.

Ганя замолчала, понурила головку, печать уныния легла у нее на лице.

– Ваша воля, папенька, нравится вам, так и мне понравится.

Она побежала на кухню – распорядиться обедом. Какая-то тоска, злое предчувствие защемило ей душу.

– И почему в самом деле я так боюсь его, так он неприятен мне? Он мне не жених, не родственник, шут с ним! Мало ли на свете людей, которые не нравятся!

И она успокоилась.

Иван Степанович Куликов пожаловал за целый час до обеда.

– Слышали вы, новый закон о фабричных рабочих выходит. Моложе семнадцати лет ребят нельзя будет заставлять ночами работать. У вас много ребят?

– Да, порядочно. Всё льготы, облегчение дают...

– Это хорошо.

– Ох, хорошо-то, хорошо, только надо бы о деле подумать. Теперь все об отдыхе толкуют, а о работе ничего; народ избалованный, ни к чему не приучен, распущенный. Нет, в старину не так мы жили! Меня мальчиком к кожевнику отдали, так я и отдыха не знал. Семь потов,

бывало, сойдет; с пяти часов утра и до глубокой ночи. А ничего! Здоров был, духом бодр и телом крепок. До старости не знал, что такое усталость! До сорока лет не имел понятия о трактирах. И вот, благодаря Бога, шестой десяток доживаю, а еще хоть жениться впору! Так-то. А нынешняя молодежь? Куда она годится? Трактиры да отдых, да гулянки.

– Справедливо, Тимофей Тимофеевич, а как здоровье дочери вашей?

– Спасибо, здорова. Она вся в меня. Хлопочет с утра до ночи и краснощекая, веселая.

– Замечательная девица! На редкость, можно сказать.

– И характер ангельский, всегда всем довольна, счастлива. Меня, старика, любит, бережет. Всем женихам отказала!

– А замуж-то красотке следовало бы выйти. Пора старику отцу и покой дать. Поберечь. Ведь с заводом-то да с делом хлопот не оберешься, а женское дело маленькое. Зятек-то и подмогой был бы! Право слово!

– Да, верно, Иван Степанович, верно, кто спорит, а только что ж поделаешь с девкой, коли не хочет и слышать!

В комнату впрорхнула Ганя. Две большие косы спускались ниже колен. На ней было светлое платье, плотно облегавшее пышный бюст. Грациозные движения, легкая походка, добродушное выражение симпатичного личика – все делало ее более чем привлекательной. При виде гостя девушка сделала такую испуганную мину, что Куликов даже засмеялся.

– Неужели я такой страшный, что вы испугались?!

– Нет, нет, я ничего... Папенька, обед готов. Прикажете подавать?

– Подавай, Ганя, да что же ты не поздоровалась с гостем? Это наш сосед Куликов, торговец.

– Ах, извините, – произнесла она, не глядя на гостя и протягивая ему свою крошечную ручку.

Куликов крепко и выразительно пожал ручку, стараясь встретиться с девушкой глазами, но она, так и не взглянув на него, выбежала из комнаты.

– Видите, какая вертушка! Точно ветром ее носит! И так готова день и ночь летать!

– Хлопочите, Тимофей Тимофеевич, ей жениха! Не ровен час, все под богом ходим! Загубите вы дочь свою!

– Да вы уж не собираетесь ли предложение сделать? Ха-ха-ха!

– А вы думаете не сделал бы! Не пойдет только Ганя за меня, а то лучшей жены и во сне не увидишь! Золото, сокровище, а не жена! На руках носить бы стал.

– Что ж, пробуйте: может, и пойдет. Я, со своей стороны, готов благословить. Вы человек серьезный, степенный.

– Где мне! Гане нужно жениха молодого, красивого, а я уж старик для нее.

– Папенька, суп на столе, – послышался голос Гани. Она приотворила дверь и просунула голову.

– Идем, идем. Пожалуйте, Иван Степанович.

В столовой было многочисленное общество. Все холостые главные мастера завода, конторщики, несколько человек соседей, знакомых. Тимофей Тимофеевич представил им нового гостя, и Куликов пошел со всеми здороваться за руку.

«Удивительный чудак, чего это он мастеров насажал», – подумал Куликов.

Наконец все уселись. Куликов хотел сесть рядом с Ганей, но ему приготовили место на противоположном конце стола, подле хозяина. Ганя всем разливала, поминутно вскакивала и бегала в кухню. Выпили по рюмочке, по другой. Разговор не вязался. Большинство молча ели и не умели вовсе поддерживать праздную беседу.

Куликов был не в духе. Он рассчитывал, что у старого Петухова никого не бывает и Ганя ведет затворническую жизнь, а между тем тут целое общество. Правда, общество не из особенно интересных, но все-таки кавалеры есть молодые и недурные, во всяком случае не хуже

его. Может быть, она уже занята? Любит? Он пристально следил за обращением девушки со всеми сидящими и не мог подметить ни малейшей разницы. Если было исключение, то только по отношению к нему. К нему Ганя относилась явно нелюбезно и во весь обед не обращалась ни с одним вопросом или замечанием. Это его коробило и злило. Он готов был наговорить молодой хозяйке грубостей.

– Что вы ничего не кушаете? – обратился к нему Петухов.

– Благодарю, я ем.

– Может, не нравится наш стол?

– Что вы, что вы, отличный стол.

Иван Степанович был рад, когда начали вставать. Он сейчас же попрощался с хозяином и ушел, даже не поклонившись Гане и остальным гостям. Впрочем, гости сами сейчас же разошлись.

– Ну, что, Ганя, понравился тебе Куликов?

– Ах, папенька, чем больше я смотрю на него, тем больше он мне противен! Нет, воля ваша, а он дурной, злой человек.

– Наружность бывает обманчива. Напротив, он очень хороший и добрый человек, а главное – умный и толковый.

– Оставим мы его, папенька, в покое! Пусть он себе будет какой есть.

– А знаешь ли ты, что он тобой интересуется?

– Что вы, что вы! Благодарю покорно! Он для меня противнее нашего дворника.

– Какая ты глупенькая, Ганя! Неужели ты всю жизнь думаешь так порхать?! Куликов человек с положением, солидный, серьезный; он и мне хорошим помощником был бы: я стар становлюсь, мне тяжело уже управлять одному заводом.

Ганя опустила голову, и на глазах ее появились слезы.

– Ну, что ты, дурочка, чего нахмурилась. Пойди, я тебя поцелую, перестань, я ведь так только. Я тебя неволить не буду.

– Отчего вы, папенька, не приучите меня к своим делам, чтобы я могла помогать вам?

– Дурочка ты! У тебя своего дела по горло. Ты не можешь разорваться, да если бы и хотела, многое ты не можешь сделать. Это мужское дело, требуется мужчина.

– Отчего я не родилась мальчиком! Господи, какая я несчастная!

И у нее опять выступили на глазах слезы.

– Никак в толк не возьму, что тебе так не нравится в Иване Степановиче.

– Я и сама не могу сказать. Только страшен он мне и противен, как никто еще! Ни одной-то черточки у него нет хорошей, ни одного слова приятного! Брр!..

– А я думаю, что это пустяки! Ну, как может человек не нравится так, без причины! Вот, если бы он сделал что-нибудь худое или у него недостатки были бы...

– А почему вы знаете, что он делал? Кто он? Откуда? Чем занимался? У нас он первый год! Мы ничего о нем не знаем!

– Как не знаем? Слухами земля полнится. Он в Орловской губернии подрядами занимался, деньги имеет, хочет теперь семьей обзавестись. Все это в порядке вещей. Ничего нет ни подозрительного, ни удивительного.

– Того, что мы знаем, слишком мало для того, чтобы идти за него замуж, связать с ним свою жизнь. Я не знаю почему, но мне он кажется человеком гадким, злым.

– Кажется... Не говори ты этого глупого слова. Нужно знать, а не «казаться»!

– Оставьте, папенька, его в покое. Неужели вы серьезно хотите выдать меня за первого встречного?

– Не хочу, но только ты не говори зря худого про людей. Это грех тяжкий. Он ничего нам не сделал злого, и мы отзываться о нем, как ты отзываешься, не имеем права.

Ганя не могла не заметить, что отец сердится и недоволен. Он никогда не говорил с ней таким тоном. Что бы это могло значить? Господи! Неужели, в самом деле, он ее сватает?! Нет, этого быть не может!

Ганя тихонько вышла из комнаты и ушла в свою светелку. Тяжело ей было на душе. Она не помнила, чтобы ей когда-нибудь было так грустно! Точно пропасть какая-то разверзлась под ее ногами и в эту пропасть ее толкают... Кто же? Отец!!

Она закрыла лицо руками и зарыдала. Слезы несколько облегчили ее. Она вытерла глаза и пошла в комнаты. Отец, против обыкновения, не пошел после обеда на завод и сидел у себя в кабинете. Ганя заглянула к нему. Он посмотрел и ничего не сказал. Этого тоже никогда не было. Не приласкал, не подозвал к себе. Точно чужой.

Какая-то роковая стена стала расти между ними.

Ганя опять зарыдала.

3

На черной половине

Седьмой час утра... Черная половина трактира Куликова «Красный кабачок» переполнена до тесноты. Все столы заняты, и многие ждут своей очереди потребовать пару чаю. Говор, шум и оживленная беседа сливаются в один общий хаос, в котором ничего нельзя уловить и разобрать. Преобладающий элемент посетителей – рабочие соседних фабрик, заводов, лесных бирж и ремесленных мастерских. Они пришли из дому напиться чаю перед работой. Ночуют они по углам и приютам, где никто самоваров им не ставит, да если бы и захотели ставить, негде было бы напиться. Необходимость заставляет тружеников целыми артелями посещать чайные три раза в день: утром, в обед и вечером, после работы. Но не одни рабочие пополняют черную половину трактира Куликова. Она уже давно сделалась излюбленным пунктом большинства петербургских громил, бродяжек и разных жуликов. Они здесь как дома: их все знают и относятся к ним, как к хорошим покупателям с большим почетом и уважением, предоставляя лучшие столы, расторопнейших слуг и всякого рода льготы и преимущества.

– Мотри, Мишуха, – говорит один каменщик другому, – как Митрич ухаживает за мазуриками. Поди-ка, вот, мы шестнадцать лет работаем без усталости и не нажили ничего, а они грабежами да кражами одними занимаются, и к ним с почтением, точно к купцам первогильдейским.

– Да! Зато мы с тобой больше одиннадцати копеек никогда не потратим, а они иной раз две-три сотенные бумажки швыряют! Во как!

– И точно! Эх, Мишуха, хорошо им живется! Как птицы небесные. Зимой в остроге, на казенных харчах, а с весной на подножный корм, гуляют, кутят, охотятся.

– Не завидую я, брат, такому житью! Упаси, Господи!

Громилы и бродяжки заняли почти половину чайной и держали себя «аристократами», с пренебрежением третируя остальных посетителей. По внешнему виду они мало отличались от рабочих. Такой же приблизительно костюм, такие же манеры, только физиономии их как-то одутловатые, припухшие.

– Что это Гусь долго нет? – громко заметил рослый, рыжий детина в картузе и с ручищами мясника.

– Обещал прийти, видно не проспался еще со вчерашнего.

– Не забрали ли его при обходе? – вставил черный субъект, с кудлатой головой и огромным синяком под правым глазом.

– Не заберут! Гусь не так легко дастся, – воскликнул кривой парень лет восемнадцати, с рябым лицом и атлетическими плечами.

– Так, стало быть, он с «французинкой» где-нибудь застрял.

– А разве вчера у него тоже дело было? – спросил сидевший в стороне оборванец.

– Гусь без дела не сидит.

Минут через десять двери распахнулись, и в трактир с шумом вошел худощавый, высокий оборванец в фуражке с околышем и с густыми баками, скрывавшими лицо.

– А! Гусь! Наконец-то! – произнесло несколько голосов. – А то мы хотели объявку в полицию подавать о розыске пропавшего.

– Ха-ха-ха! Здорово, братцы! Ну, докладывайте живей, у кого что нового есть?

– Нового масса. Лабазник Туров получил несколько тысяч и запер их в выручке лабаза.

– Умник, спасибо ему.

– Чиновник Долин, молодожен, уехал вчера с женой прокатиться в Лугу. Квартира и все обнови брошены на попечение кухарки.

– И это дело! Надо ему урок дать! А где Рябчик?

– Рябчик не был.

– Ага, он, значит, в сливочной лавке в Почтамтской улице! Вот тоже народ. Оставляют в выручке по несколько тысяч и вводят только нас в искушение! Ну, судите сами: благодаря вот таким ротозеям, я совершил двести сорок одну кражу, из которых попался только в двух и отсидел по пяти-восемь месяцев. А сколько было неудавшихся покушений? Тьма! И все сами потерпевшие виноваты! Ведь не пойдем мы красть, где хорошие запоры, стража или приняты меры предосторожности! Однако, ребята, надо выпить... Эй, Митрич!

Буфетчик подбежал.

– Пошли-ка сюда самого хозяина.

– Их нет дома.

– Ну, ладно, скажи, что я хочу лично его видеть. Пусть завтра подождет меня. А теперь дай нам водки хорошей да закусочки.

– Сколько прикажете?

– Сколько выпьем! Тебе, чай, не жалко!

– Помилуйте, чего же жалеть, да еще для таких дорогих гостей, как вы!

– Ну, ладно, пей да дело делай...

Началось огульное пьянство. Бутылка сменялась бутылкой.

Когда уже все были хорошо заложивши, вошел новый гость, встреченный общим гоготанием. Он тащил огромный узел, оказавшийся с мокрым бельем.

– Рябчику почет и уважение. Наше вам глубочайшее с кисточкой!.. Тебя, кажется, спрыснуть надо.

– И так спрыснут. Насилу приволок проклятое: мокрое, хоть выжимай.

– Митрич, забирай узел да раскинь просохнуть.

– Слушаю-с! Водки еще прикажете?

– Давай, давай! Больных только спрашивают, а мы все, кажется, в добром здравии.

Оргия продолжалась.

– Ну, братцы, на бильярде сыграем?

– Сгоняем партию.

– Постойте, – остановил Гусь. – Надо сначала дело обсудить. Как же мы условимся насчет лабаза и молодоженов?

– Да что же условливаться? Сегодня, ночью, обоим посетить надо, – ответил Рябчик. – К чиновнику я пойду с Архипом, Степаном и Ильей, а ты иди в лабаз с Дмитрием, Иваном и Павлом. Зевать не следует.

– Идет! А теперь можно пока сыграть в пирамидку.

Нетвердой походкой компания перешла в бильярдную. Подали шары. Рябчик с Гусем поставили по три рубля и взяли кий. Остальные держали «мазу». На столах выстроили батарею пивных бутылок. День клонился уже к вечеру. Начинало смеркаться. Некоторые из упившихся уснули на столах, другие еще брызжали заплетающимся языком. Рябчик был в проигрыше. Последнюю партию играли по 10 рублей, и Гусь опять выиграл.

– Кончено! Ставь угощение! – вскричал Рябчик, бросая кий.

– Не много ли будет? Ведь нам на работу сегодня!

– Успеем. Заказывай кофе с бенедиктином.

– Ладно! Эй, Митрич, командуй!

– Артамон Ильич, – шепнул Гусю на ухо буфетчик, – хозяин приехал, прикажете доложить?

– Конечно! Живо!

Через несколько минут мальчик прибежал:

– Пожалуйста. Просит наверх.

Не без труда Гусь поднялся со стула и, тяжело переваливаясь, поплелся за мальчиком.

Совсем уже стемнело. На черной половине «Красного кабачка» раздавался богатырский храп. Не спали только Рябчик и Андрюшка Тумба, занимавший среди громил пост «подводчика», то есть караульного и сыщика.

– Андрюшка! – окликнул его Рябчик.

– Чего.

– Ты видел?

– Што?

– А куда Гусь пошел?

– Видел. Ну?

– Что у него за дело с хозяином?

– А кто его знает?

– Смотри. Ухо держи востро.

– Ты думаешь, они продать нас полиции хотят?

– А ты думаешь нет?

– Ни в жисть! Гусь на это не пойдет!

– Ой, смотри!

– Полно дурака валять! С какой стати?! Мы ведь мирные громилы, мы крови не проливаем! Чем мы рискуем? Посидеть несколько месяцев?! Эка важность. Стоит ли из-за этого заговор делать?! Нет, пустое.

– Чего же Гусь постоянно таскается к хозяину?

– Тогда бы он нам сказал. Нет, тут есть какая-то тайна. Надо разнюхать.

– Что-то есть, только нам не все ли равно?

– Извини. Гусь играет у нас слишком видную роль, чтобы для нас было безразлично его поведение. Мы не имеем от него секретов, и он не должен иметь от нас!

– А не спросить ли прямо его?

– Спрашивал я, а он ответил «не суй свой нос, куда тебя не зовут». Так ничего больше и не сказал!

– Что Гусь преданный нам товарищ и простой человек, в этом мы имеем тысячу доказательств. Стыдно было бы подозревать его в чем-нибудь.

– Ах, как ты не понимаешь, что иногда обстоятельства заставляют делать то, чего и сам не хотел бы. Ты тоже хороший товарищ, а прижмут тебя и выдашь брата родного.

– Что он застрял там? Митрич, пошли мальчика узнать, скоро ли Гусь вернется?

Буфетчик побежал сам.

– Однако одиннадцатый час. Пора нам будить наших да трогаться в путь. Надо ведь еще предварительную разведку сделать.

– Эй, молодцы! По-ли-ция!..

Все разом вскочили и, протирая глаза, бросились к выходу.

– Стойте, стойте! Ха-ха-ха... Никакой полиции нет, это мы пошутили, чтобы разбудить вас. Пора в путь собираться. Кто с кем?

– А где же Гусь?.. Митрич! Ты посылал за Гусем?.

– Сейчас мальчик ходил. Хозяин сказали, что Артамон Ильич давно уж ушли от них. Иван Степанович уж спать ложатся!..

– Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! – произнес Рябчик. – А что я говорил? Есть тут какая-то тайна! Неспроста это! Куда же он мог уйти, не простившись? Ему сегодня нужно было работать с другими. Куда же он мог пойти?

– Рябчик, сходи к хозяину, узнай, – предложил Тумба.

– Митрич, пошли-ка за хозяином, скажи – очень нужно.

– Они легли спать и не велели никого принимать.

– Пошли! Скажи, очень нужно. Куда делся Гусь?

– Никак не могу беспокоить хозяина, когда они легли. Извините... Артамон Ильич давно ушли, хозяин сказал...

– Ты слушай, ослиная голова, что тебе говорят, а то мы сами пойдем! Живо...

Митрич побежал сам и через минуту вернулся.

– Спит... Не могут принять...

Товарищи переглянулись.

– Плохо, ребята! Надо грозы ждать. Собирайтесь-ка скорей, – заявил Тумба.

– Чего собираться? Гуся нельзя так оставить. Может, хозяин ловушку ему устроил. Пойдемте-ка все к нему на квартиру.

– Господа, – откликнулся Митрич, – хозяин велел за полицией послать, если вы его тревожить станете.

– Слышите? Что я говорил, – произнес Рябчик, – значит, Гуся он предал! Ах ты ракалия! Ну, постой же, мы тебе покажем! Митрич, говори правду, или сейчас тебе капут!

– Ей-ей, господа, я ничего не знаю. Ведь я все время здесь был, вы сами видели.

– Идемте искать Гуся! Придется работу на сегодня отложить! Вот оказия-то, спишь да выспишь.

У громил весь хмель пропал. Положение осложнилось.

– Западня, западня, – говорили они.

4 У Коркина

Богатый купеческий особняк у самой заставы занимал Илья Ильич Коркин, женившийся недавно на владелице этого дома, вдове Елене Никитишне Смулевой. Оба они молодые еще люди, лет тридцати с небольшим, казались довольными и счастливыми. У Елены Никитишны, кроме дома, был кругленький капиталец, а у Ильи Ильича несколько мелочных лавок и пекарня. Они, по-видимому, были счастливы в своей семейной жизни, хотя редко случается, чтобы супруги не сходились так характерами, привычками, вкусами и взглядами на жизнь. Илья Ильич веселый, разбитной, любил в приятельской компании подвыпить, а Елена Никитишна серьезная, сосредоточенная, сумрачная. Она любила мужа, но не понимала его поведения, когда он спешил пьяненький скорее домой, тихонько пробирался спать в свой кабинет и на утро выпрашивал прощение у своей благоверной.

Однажды после такого «покаяния» Илья Ильич прибавил:

– Сегодня, Леночка, я пригласил вечером на стучолку Куликова, содержателя «Красного кабачка». Хороший малый.

– Разве ты сегодня стучолку устраиваешь? Кто же еще будет? Ты мне ничего и не сказал!

– Да никого нового не будет, кроме Куликова. Все свои, церемониться нечего!

– Надо же все-таки холодный ужин приготовить! А я собиралась сегодня в оперу. И к чему ты все это выдумываешь?! Ты знаешь, как я не люблю карт; только смотри, по-крупному не играй, а то опять продуешься! Тебе не везет ведь в карты!

– А в любовь? Вишь какая у меня жена красотка! Ну, дай я тебя обниму! Ты на меня не сердисься?

– Не сержусь, только ты не думаешь никогда обо мне... Пусти, я пойду распорядиться на кухню.

– А я поеду лавки осмотреть, да, кстати, проеду на Калашниковскую пристань, муки надо купить, к концу подходит... Вели заложить шарабан.

– Только не пей, пожалуйста, с ними, не ходи в трактир! Скажи, что тебе доктор запретил! Тебе ведь в самом деле вредно!.. Я ненавижу, когда ты пьян. Не будешь пить? Обещаешь?

– Обещаю, обещаю... Сегодня вечером придется еще выпить несколько рюмок...

Илья Ильич строго держал свои обещания, и как господа калашниковцы ни тащили его в трактир, он ни за что не пошел... На него даже обиделись и нашли, что он «не коммерческий человек» и с ним «нельзя дела делать».

К 8 часам вечера стали собираться гости. Куликов пожаловал в числе первых. Он был в отличном расположении духа. Илья Ильич представил его жене.

– Я так давно хотел с вами познакомиться, – произнес он, целуя ручку хозяйки.

– Очень приятно, – ответила Елена Никитишна и мило улыбнулась. Куликов завязал разговор сначала о погоде, потом о торговле и не отходил от хозяйки. Видимо, она не тяготилась этим разговором и охотно беседовала с новым знакомым. Гости продолжали собираться. Елена Никитишна извинилась и ушла распорядиться по хозяйству, а Илья Ильич составил стол для стучолки. Все уселись, кроме Куликова.

– Я после, господа, мне что-то не хочется...

– Садитесь, что ж вам зевать! Полно ломаться!..

– Нет, не хочу... Играйте... Еще время будет... Успею вам проиграть!

Куликов умышленно не сел. Он хотел продолжить прерванную беседу с хозяйкой, но она не появлялась. Пришлось заняться рассмотрением картин, альбомов. Перелистывая большой альбом, Куликов увидел карточку седого господина и вдруг, страшно побледнев, чуть не вырвал альбома из рук.

– Что с вами, – удивилась Елена Никитишна, появившаяся в зале. – Отчего вы не играете?
– Так, не хочется. Я сегодня не совсем здоров. Скажите, Елена Никитишна, чья это карточка, – указал он на седого господина.

– Это мой первый муж. Отчего вы спрашиваете?

– Очень умное, выразительное лицо; он напомнил мне одного знакомого. – Куликов положил альбом в сторону. – Скажите, Елена Никитишна, вы ведь не в Петербурге жили с первым мужем?

– Нет, в Саратове. Я там первый раз вышла замуж, но после смерти мужа переехала в Петербург и купила вот этот дом.

– Извините за нескромный вопрос. Ваш муж чем занимался?

– Он был агентом американских машин.

– И умер в одну из поездок в Нью-Йорк?

– Вы почему знаете?! – воскликнула Елена Никитишна.

– Слышал. Это было лет восемь тому назад. Тогда писали, кажется, в газетах.

– Но что же вы могли слышать? Корабль «Свифт», на котором он находился, погиб в открытом океане, и никто из пассажиров не спасся. Спустя шесть лет я вышла второй раз замуж за теперешнего своего мужа.

– Если память мне не изменяет, вашего первого мужа звали Онуфрий.

– Да, но как вы могли все это запомнить?! Вы что-то не договариваете!

– Помилуйте, Елена Никитишна, смею ли я! Уверю вас...

Коркина слегка побледнела.

– Вы бывали когда-нибудь в Саратове?

– Я, собственно, уроженец Орловской губернии, но бывал и в Саратове...

– Вы, может быть, знали моего мужа или встречали его? – произнесла она, и голос ее дрогнул.

– Нет, не имел удовольствия. Даже фамилию не помню.

– Откуда же вы знаете, что его звали Онуфрием?

– Тогда, при крушении, подробный список погибших был приведен, и я запомнил это имя, потому что оно стояло отдельно. Присутствие его в числе пассажиров никем не было констатировано... Так, кажется?

Елена Никитишна тряслась точно в лихорадке.

– Да, но после это было удостоверено русскими властями... Простите, я не понимаю, к чему весь этот разговор?

– Ах, извините, я так только к слову. Я никак не думал, что эти воспоминания могут быть вам неприятны.

– Они вовсе не неприятны, но мне странно слышать их от человека, которого я в первый раз в жизни вижу. – И она встала, чтобы выйти из комнаты.

– Позвольте еще один только вопрос... Не знавали ли вы там, в Саратове, некоего Серикова?

Елена Никитишна побледнела, как полотно, и чуть не упала.

– Нет, – резко произнесла она и вышла из комнаты. Куликов пристально посмотрел ей в глаза, усмехнулся и прошептал:

– Ага. Я не ошибся! Наконец-то...

– Иван Степанович, – послышался голос хозяина, – что ж, вы так и не будете играть?

– Иду, иду...

– Вы почему играете?

– По шести гривен обязательных.

– Ну, наживайте деньги! Я ведь плохо играю!

– А я отлично, – засмеялся Илья Ильич, – только жена не хвалит.

– У него нет жены, некому журить, – вставил кто-то.

Куликов был рассеян и играл невнимательно. То стучал на простого короля, которого принял за козырного, то брал второго «гольца» за первого. Над ним смеялись, но он нехотя только улыбался и выглядел очень расстроенным.

– Что с вами, Иван Степанович, – удивлялся Илья Ильич, – я не узнаю вас сегодня. Неприятность какая-нибудь?

– Нет, ничего, так, не совсем здоровится.

– Пойдемте, господа, по маленькой пропустим, веселее будет.

Все поднялись. Куликов искал глазами хозяйку, но ее не было. Выпили в столовой, закусили и опять уселись.

Игра поднялась до 3 рублей и сделалась азартной. Куликов сильно проигрывал, но никак не мог сосредоточиться. Поминутно он смотрел на дверь, то и дело ошибался.

– Уж вы не влюбились ли, Иван Степанович, – заметил ему один из партнеров. – Говорят, вы к Петухову зачастили, за его Ганей волочитесь.

– А-а-а... Вот вам и разгадка! Ну, батюшка, влюбленные в карты не могут играть! Понятно, что вы все путаете.

– И охота людям сплетнями заниматься, – почти зло ответил Куликов, – я у Петухова всего один раз обедал и единственный раз видел его дочку.

– Можно и раз видеть, да влюбиться. Без огня, батюшка, дыму не бывает!

Куликов ничего не ответил и насутился еще больше.

– Господа, когда ужинать хотите? – вошла в комнату и спросила Елена Никитишна.

– Рано еще, рано. Пойдите, у нас ремиз восемьдесят рублей, надо разыграть.

– Попролам?

– Нет сразу, не стоит.

Куликов взял второго гольца и поставил 160 рублей.

– Молодец! Почаще так!

– На то и игра.

Елена Никитишна встала за стулом мужа и посмотрела на Куликова. Глаза их встретились. Коркина смотрела гневно и решительно, так что Куликов даже смутился и опять поставил 160 рублей ремизу.

– Однако! Не разделить ли ремиз, – предложил Илья Ильич.

– Мне решительно все равно, – хладнокровно произнес Куликов.

– Пойдемте ужинать, – предложила хозяйка.

– В самом деле, приостановим игру... ремиз Ивана Степановича.

– Нет, ремиз лучше разыграть, – заметил Куликов.

– Ну, разыгрывайте!

Сдали. Куликов взял гольца.

– Опять ремиз! Но это чересчур! Бросьте, Иван Степанович.

– Как же я брошу! Ведь я на первой руке был!

– Пойдемте ужинать, после доиграете!

– Ну, идем.

Все встали. Куликов подошел было к Елене Никитишне, но она взяла мужа под руку и пошла с ним впереди. За столом Куликов сидел на противоположном конце от хозяйки. Он наблюдал ее и не мог не заметить, что Елена Никитишна сильно менялась в лице, хотя старалась сохранить внешнее спокойствие. Она избегала смотреть в сторону Куликова, но несколько раз бросила на него молниеносные взгляды. Никто из посторонних не заметил этих взглядов.

Когда все встали из-за стола, Куликов подошел благодарить хозяйку и успел шепнуть ей:

– Дело серьезное. Мне необходимо с вами поговорить наедине.

Елена Никитишна гордо откинула голову и также шепотом ответила:

- У меня не может быть с вами секретов!
- Как вам угодно! Я в ваших интересах...
- Прошу о моих интересах не заботиться.

Куликов молча поклонился и пошел разыгрывать свой ремиз. Игра затянулась до трех часов ночи. Куликов первый отказался играть и встал. Он прошелся в гостиную, где неожиданно столкнулся с Еленой Никитишной. Они помолчали.

- Не угодно ли вам прямо сказать, о чем вы желаете говорить со мной?

– Сударыня, я имею основание думать, что вы уже догадались об этом и, если продолжаете отказывать мне в аудиенции, то совершенно напрасно.

- Я ничего не догадываюсь и не могу догадаться!
- Дело ваше, но я опасаясь, что скоро вы об этом пожалеете.

Елена Никитишна помолчала и потом, стиснув зубы, произнесла:

- Хорошо. Завтра в три часа я буду дома одна.
- Извините. Я не могу к вам прийти.
- А что же вы хотите?
- Я живу совершенно одиноко. У меня никого не бывает, и если бы вы...
- Как вы смеете мне это предлагать?
- Я ничего не предлагаю, потому что лично мне совершенно безразлично.

– Вы... вы... – Елена Никитишна прошептала какие-то слова и вышла. Куликов отклонился хозяину и ушел.

5

Снова Ганя

Отношения Петухова с дочерью начали портиться с каждым днем, и жизнь Гани все более становилась невыносимой. Объяснения у них никакого не было. Да, собственно, объяснения и не могло быть: ничего существенного не произошло. Куликов предложения не делал, Петухов ничего от дочери не требовал, и сама Ганя ничего не хотела и не просила. А между тем что-то произошло, что-то неясное, неопределенное, даже непонятное, а есть. Старик не звал к себе, не ласкал Гани, не толковал с ней долгими часами. Целыми днями они теперь не говорили друг другу ни слова. Ганя несколько похудела, побледнела, улыбка исчезла у нее с лица. Она все о чем-то задумывалась, и печаль легла у нее складками на лбу. Куликов бывал у них часто, но не оставался обедать и с Ганей почти не виделся. Можно было подумать, что любовь и привязанность старика перешли с дочери на Куликова. С ним Петухов был безгранично ласков, любезен и выражал даже радость, когда он приходил. Они толковали о делах, и Петухов почти ничего не предпринимал теперь без совета Куликова.

– Иван Степанович, а я думаю уволить Гесенера.

– Это ваш младший мастер, который недавно поступил?

– Да, он служил раньше у Брускина.

– Ненадежный малый, да и дело плохо знает. Не бережет хозяйского добра! Это уж не слуга.

– Намедни испортил мне три шкуры, а вчера совсем на работу не вышел; жена у него, видите ли, именинница.

– У него жена именинница, а вы машины остановите по этому случаю! Вот они как к хозяйскому интересу относятся! Нет уж, таких работников гнать следует! Они разорить завод могут.

– Я думаю совсем сократить эту должность. Надо уменьшать производство. Теперь коженый товар подешевел. Чуть что не в убыток работать приходится.

– А разве за границу не идут ваши выделки?

– Куда там. Мы у себя-то, дома, с заграничными кожами не можем конкурировать, а где тут думать о заграничах!

– И совсем напрасно вы так думаете. У нас из Орла огромные партии разных товаров шли за границу и очень выгодно сбывались! Все дело в предприимчивости. Наши купцы не хотят шевелиться, сидят дома и довольствуются тем, что есть.

– Да, – протянул Петухов, – если бы все купцы были так образованы, ловки и энергичны, как вы, Иван Степанович.

– Я имел дело с Гамбургом. Из Орла поставлял им лесные изделия, а из Петербурга-то рукой подать. Вы подумайте, право, Тимофей Тимофеевич, насчет этого. Вам легко открыть себе сбыт. Я готов помочь, если хотите.

– Потолкуем, потолкуем, Иван Степанович. Теперь надо не сокращать, а развивать производство, потому что капитал все меньше и меньше приносит. Вон новая, говорят, «куверция» будет. Мы считаем, что почитай в убыток работаем, когда четыре-пять процентов не наживем... Хорошее дело легко и без риска дает двенадцать, а понатужишься, рискнешь, мозгами пошевелишь, так и двадцать схватишь... А с капиталом далеко не ускачешь!..

– Совершенно верно. Давно пора нашему купечеству сознать это!

– Сознаем! Вы думаете, не сознаем! Обстоятельства принуждают! Вот, к примеру, мое дело... Сам стар, сына нет, близкого человека тоже... Одна дочка... что ж дочь может? Ее дело женское... Вот зятя бы хорошего Бог послал, да нет... дочь и слышать не хочет.

– Странно... Девушке двадцать два года минуло и не хочет подумать об устройстве судьбы своей и отца своего... Ведь, храни бог, осиротеет она... И пропала! Все прахом пойдет.

– Вот это-то меня и кручинит! Спать не могу покойно... Сон и аппетит теряю!

– А вы воздействуйте! Урезоньте! Проявите власть свою, волю. Она ведь девушка, много ли она понимает? Растолкуйте, что она поступает легкомысленно и каяться будет потом, страдать...

– Ох, больно прибегать к крутым мерам, а придется, видно... ведь характерная какая! Ни с одним мужчиной говорить не хочет!

– Смотрите, не приглянулся ли ей какой-нибудь работник или мальчик соседский... Это случается!

– Что вы, что вы! Да я ее с глаз не спускаю...

– На что другое, а на это у девушек много ума и хитрости!

– Нет, этого быть не может!

– А если нет, так вам, Тимофей Тимофеевич, жениха не искать. Всякий сосед, всякий, кто видел Ганю, с руками и ногами возьмет без всякого приданого. Я, Тимофей Тимофеевич, если не делаю предложения, то потому, что уверен в отказе. А если бы я мог надеяться, я был бы счастливейший человек в мире! Я полюбил вашу дочь, как увидел, не смею только признаваться. Да и Ганя не хочет на меня смотреть, а не только разговаривать.

– Откровенно говоря, я очень рад был бы иметь вас своим зятем... Надо будет поговорить с Ганей...

Тимофей Тимофеевич позвонил.

– Попросите сюда дочь, – сказал он вошедшей служанке.

Через минуту вошла Ганя, по обыкновению теперь скучная, побледневшая. Даже о туалете своем она перестала заботиться и вошла в какой-то старенькой кофточке.

– Вы меня звали, папенька?

– Да. Иван Степаныч хочет с тобой поздороваться и побеседовать. Ты точно прячешься.

– Мне не совсем здоровится, – произнесла она, посмотрев исподлобья на Куликова и протянув ему руку.

– У вас лихорадка, кажется. Ручка горячая такая, – заметил Куликов, не выпуская из рук протянутой руки девушки.

Ганя почти насильно выдернула руку и отвернулась.

– Я вам нужна, папенька? – спросила она упавшим голосом.

– Сядь с нами, посиди. Я тебя не вижу теперь целыми днями.

– Я никуда не выхожу из дому, папенька, и всегда около вас.

– Ты никогда ничего не говоришь. Разве тебе не о чем со мной потолковать?

– Вы все заняты, папенька, я не хочу вам мешать, у вас так много дел. Помочь вам я не могу.

– Правда, правда, но что ж делать! Не хочешь ты сына и помощника мне дать!

Девушка покраснела и потупилась.

– Пора, Агафья Тимофеевна, подумать вам о супружестве, в самом деле, папеньке тяжело.

Да и вам покойнее будет.

– Я и так покойна была, – Ганя сделала сильное ударение на последнем слове.

– Это не то. Весь век за отцовской спиной нельзя прожить. Папенька стареет, ему тяжело нести бремя.

Все замолчали.

– Ганя! Иван Степанович говорит, что он был бы счастливейшим человеком, если бы ты пошла за него замуж.

Девушка нагнулась еще ниже, плечи стали вздрагивать, на глазах выступили слезы, и она зарыдала.

– Ну, вот и слезы! Чего же ты плачешь? Я тебя не неволю, я только так говорю.
Девушка порывисто встала и вышла из комнаты.

– Видите. Ну, что ж вы поделаете?

– Всякая девушка так. Без слез нельзя. Это ничего... Обойдется... Сразу нельзя.

– Вы думаете обойдется?

– Беспременно. Поплакать необходимо. А все-таки следует воздействовать. Убеждать, уговаривать. Женский ум короток, а девичий еще короче. После ведь сама благодарить будет. Это – как дети, которых насильно надо заставлять принимать лекарство. А не заставь их? Помрут...

– Вы справедливо говорите, только...

– Что только?

– Не могу понять, почему она так к вам не расположена.

Когда Куликов ушел, старик Петухов позвал к себе дочь.

Ганя явилась с распухшими от слез глазами и с поникшей головой.

– Что это, дочь моя? Что значит твое поведение! Я не узнаю тебя!

– Папенька! Что я вам сделала? За что вы на меня сердитесь? – произнесла девушка упавшим голосом.

– За глупость твою! Возможно ли относиться так к человеку, как ты относишься к Ивану Степановичу? Вспомни, что он заслуженный, почтенный и солидный человек, имеющий право на уважение...

– Господи! Да что же мне до Иван Степановича?! Я не трогаю его, ничего ему не говорю... Пусть он оставит меня в покое? Какое он имеет право читать мне нотации, делать выговоры?! Я не девочка ему, и он никакого права не имеет.

– Имеет, – возвысил голос Тимофей Тимофеевич, – имеет, потому что я дал ему это право! Он друг мой, и ты, как дочь моя, должна считать его также и своим другом! Понимаешь?!

– Не могу, папенька! Хоть убивайте, не могу! Ваша воля, делайте со мной что хотите!..

– Не заставляй меня, Ганя, принимать такие меры, которые я не хотел бы принимать! Вспомни, что я был тебе не злым отцом...

Ганя вдруг разрыдалась, всхлипывая, она повторила:

– Был, был, да был и нет!.. За что, за что, боже милосердный! Что я сделала, в чем провинилась?! Ты, Господи, свидетель, как я любила отца, и вдруг... за что, за что...

Старик Петухов сидел молча; у него не находилось слов, чтоб утешить дочь, хотя раньше, если его Ганя задумается, бывало, он спешил разогнать ее печаль ласками и увещаниями.

«Блажь, дурь одна, – думал он, смотря на рыдающую дочь. – Не понимает счастья своего, бежит от радостей и покоя. Бежит по глупости, и меня старика тащит за собой, не жалеет, не подумает, что мне и отдохнуть пора. Правду говорит Иван Степанович, что девичий ум короток, а уступи вот ей, позволь упустить такого редкостного жениха, и после сама упрекать будет».

– Папенька, – простонала Ганя, – неужели вы стали чужим мне, не жаль вам меня, за что вы меня изводите!

– Не смей говорить мне глупостей, – строго произнес старик. – Думай о том, что говоришь! Уж если я тебя не любил, не жалел, так что же после этого и говорить!

– Любил, жалел... Отчего вы не говорите «люблю», «жалею». Неужели в самом деле вы перестали меня и любить, и жалеть! Вспомните, говорили ли вы когда-нибудь со мной так, как теперь? Относились ли вы ко мне так безучастно? Вспомните, когда я стала ходить в школу, вы не отпустили меня ни разу из дому, не проверив все мои уроки! Вы не дали мне ни разу уснуть, не получив вашего благословения! Не проходило дня в нашей жизни, чтобы вы меня не приласкали, не справились, здорова ли я, о чем думаю, чего хочу. А теперь?

– Теперь, теперь, – нетерпеливо перебил старик, – теперь ты не ребенок! Теперь ты сама могла бы позаботиться об отце и дать ему отдохнуть.

И он вышел из комнаты, не взглянув на дочь.

6

Замыслы громил

Вьон, Рябчик, Тумба и до двадцати других громил и заставных бродяг, в рубище и с подбитыми физиономиями собрались на черной половине «Красного кабачка».

Компания носила какой-то удрученный характер. Все были точно упавши духом, обездолены, сокрушены. Говорили неуверенно, тихо и боязливо озирались, как дети, внезапно лишившиеся матери, или воины, только что потерявшие своего полководца.

– Рассказывай, Тумба, что тебе сказал Куликов?

– Да что сказал? Заорал, как я смею обращаться к нему, пригрозил полицией и выгнал вон, прибавив: «Если ты, каналья, еще посмеешь подойти ко мне, то я тебя запрячу куда Макар телят не гонял».

– Видишь! Какой важный!! А наш Гусь к нему всегда ходил без доклада, – произнес Рябчик. – Нет, что-то тут совершилось загадочное! Он с нашим Гусем что-нибудь сотворил недоброе! Однако, ребята, во всяком случае, нам надо что-нибудь предпринимать. Надо выбрать вместо Гуся вожакого и начинать дела. Помните, что нас никто не кормит и никто не заботится о нас. Положим зубы на полку и насидимся голодными; хоть помирай – никому дела нет. Убогим да нищим хоть копеечку подадут, а нам кто подаст?

Вьон вытянул громадный кулачище и сострил:

– Этакую ручку и протягивать совестно.

Все засмеялись.

– Нечего и протягивать такую ручку, когда она сама может взять за пятью висячими запорами и пятью внутренними!

– Митрич, – скомандовал Рябчик, – выстрой-ка нам две банки сивушного зелья да дюжину пива...

Буфетчик засуетился.

– Ну, ребята, так как же? Я предложил бы Тумбу в вожалые, конечно, на время, пока не отыщется Гусь... Тумба бывалый... Два раза из Сибири пришел. Два куля руками поднимает, пятаки гнет пальцами... И опять же большой знаток слесарной премудрости... При случае, когда надо, не церемонится и перышко запустить!.. Вожалый хоть куда. Далеко ему до Гуся, но по пословице, на безрыбье и рак рыба.

– Согласны, согласны, – загудели голоса.

– Что же, Тумба? Согласен, што ли? Пить спрыски?

– Согласен! Наливай...

Тумба, молодой еще мужчина, лет тридцати, среднего роста, коренастый, с густыми волосами. Его лицо с узким высоким лбом, узенькими прищуренными глазами, приплюснутым носом и безгубым ртом производило отталкивающее впечатление. Прошлое его покрыто мраком неизвестности. Неразговорчивый и необщительный от природы, он терпеть не мог говорить о себе самом, так что даже подруга его жизни не знала ничего из его биографии. Даже имя его составляло тайну. Среди товарищей его всегда называли Тумбой, а паспорта у него или не было вовсе, или был чужой, так что настоящее имя и фамилия его никому не были известны. Он сам острил иногда: переменял столько разных имен и фамилий, что сбился в конце концов и сам – как меня зовут на самом деле...

До исчезновения Гуся Тумба занимал среди заставных бродяг и громил амплуа зачинщика. По указанию или под предводительством Гуся он всегда первый шел на дело, какие бы трудности оно ни представляло. Судился и высылался он несчетное число раз, но каждый раз, как только переходил за пределы столицы, ему удавалось бежать и благополучно возвращаться на Горячее поле или к заставе...

Когда Митрич подал водку и пиво, стаканы были налиты, Рябчик обратился к Тумбе с речью:

– По нашему обычаю, Тумба, мы даем тебе клятву свято исполнять все твои приказания и беречь тебя пуще наших собственных спин. Если будет опасность, то мы обязуемся спасать тебя, рискуя сами, и грудью защищать твою свободу! Тот, кто ослушается тебя, делается нашим общим врагом и выключается из нашей среды, а кто предаст тебя, рискует собственной жизнью. Мы же ждем от тебя, Тумба, таких же забот и попечений о всех нас, какими пользовались мы при Гусе. Мы надеемся, что ты поможешь нам разыскать нашего бедного Гуся, а если понадобится, то и выручить его. За здоровье, ребята, нашего нового вожалого. Ура!

Все залпом осушили стаканы и потянулись целоваться с Тумбой. Когда бокалы опять были налиты, стал говорить Тумба:

– Братцы, я не учен, как Рябчик. Спасибо вам на добром слове! Помогу, а вот насчет Гуся это точно: надо постараться. Ваше здоровье!

Он опрокинул стакан и низко поклонился. Воцарилась тишина; налили опять стаканы, выпили и снова налили. У всех было тяжело на душе, и даже хмель плохо одушевлял. Незнание хуже всякой неприятности. Когда в прошлом году Гусь попался в обходе кобызевского ночлежного приюта и его забрали, все хотя и были огорчены, но не унывали и не падали духом. Теперь же их вожалый исчез как-то таинственно, неожиданно и неизвестно куда. Ни у кого не явилось мысли, что Гусь мог бросить их или продать. Нет, такого коварства не могло быть! Но, несомненно, что с ним приключилось несчастье, потому что иначе ему негде было бы найти себе приюта, пропитания и прикрытия от сыщиков.

Общее молчание прервал Вьон.

– Однако наши молодцы заснули. Не развлечься ли нам, ребяташки, в винном погребе в Можайской улице. Я облюбывал его. В сторонке, одинок, лавок в доме других нет, жилья в погребе – тоже. Если выручка окажется слаба, так запасемся хоть выпивкой основательной. Как ваше мнение, вожалый?

– Отчего же? Только там многим делать нечего, – отвечал Тумба: – возьми себе подвodka, да и действуй; а то прибавь еще караульного для поста – все равно теперь дел немного. А я, вы знаете, братцы, не любитель городских взломов. Тут риск велик, всегда спешить надо и сплошь и рядом приходится впустую играть. То ли дело на окраинах, за городом или даже в пригородах. Помните, в Колпино, мы завод грабили, так на возах увозили, свои подводы имели. А здесь что? В выручке три алтына да пару бутылок. Много бутылей не унесешь! Так стоит ли пачкаться?! А риску-то сколько. То дворник соседский, то прохожий, то запоздалый жилец. А коли и все по-хорошему удалось, так смотри городской на посту задержит «по сомнению», подозрительны они к нашему брату! Нет, за городом, на воле, на просторе куда лучше! У меня, братцы, несколько планов уже есть.

– Что же? Давай, давай! Мы постараемся!

– Во-первых, – продолжал Тумба, – церкви на отдаленных кладбищах, в деревнях пригорода. Не дурно? Во-вторых, мастерские и заводские кладовые на окраинах. В-третьих, дачи, где живут зимой сами владельцы или зажиточные больные. Кто охраняет их? Где там дворники, городские? А поживиться есть чем, да и забраться гораздо легче, не спеша, на досуге; можно в несколько приемов взломы сделать.

– И впрямь! Как это только раньше нам в голову не приходило! Ай, Тумба! Молодчина!

– Но раньше чем действовать нам надо себе сбыт обеспечить, ведь наши маклаки, братцы, хуже обкрадывают нас, чем мы чужие квартиры! Мы ведь рискуем, идем на опасность и часто платим животами и свободой, а они чужими руками жар загребают и львиную долю себе берут. Прошлый раз они за серебряные ложки нам по тридцать копеек отвалили, а две лисьи ротонды оценили в три с половиной. Ну, разве не грабеж это? Вон Петьке-буравчику тогда дворники ребро сломали каблучищами, так били, а опосля в полицию отправили, шесть месяцев в тюрьме

продержали да на родину выслали, пришлось оттуда пешком возвратиться, и за все за это три с полтиной. А татарин Хабибуло Дарохман за ротонды рублей двести выручил и не почесался! Это не по совести! Ну, дай нам хоть третью, четвертую часть того, что стоит! А то гроши дают и богатеют нашими животами! Поди ведь и нам не всегда сладко!..

– Верно, Тумба, верно, пробовали мы, да ничего не поделаешь! Пойдешь сам закладывать или продавать – рискуешь, что заберут. А они сами приезжают к нам, забирают, и мы знать ничего больше не знаем!

– Понимаю! Все это так, только в цене-то мы не сходимся. Нельзя же для них только работать! Ведь иной раз они нам только и отпускают, чтобы с Митричем за батарею расплатиться. Положим, тут нам не дорого стоит, а все же...

– Действуй, действуй, Тумба! Как хочешь распоряжайся! Твое дело, а все-таки погребок-то почистить сегодня следует!

– Так что ж! Трое идите на погребок, а остальные двинемся за город, – произнес Тумба.

– Двинемся... Как? Все вместе?!

– С ума вы сошли? Разделимся на партии. Трое пойдут на Выборгскую, трое – за Невскую заставу, трое – за Московскую, а трое – за Нарвскую, а остальные – на Голодай и в Чекуши. Сегодня действовать не будем, только хорошенько все осмотрим, облюбует. А коли случай подвернется – отчего же! На молочишко годится. Только, пожалуйста, осторожнее! Не рискуйте, смотрите в оба и поодиночке не суйтесь. Теперь без Гуся нам плохо.

– А ночевать где? Сюда, к заставе, тащиться?

– Ночуйте там, в приютах, где будете. Паспорта у кого есть?

– Ни у кого почти. Только у троих-четверых, и то чужие.

– Тогда лучше собирайтесь сюда. Завтра спать можно до вечера, успеете выспаться. В приютах плохо то, что в семь часов утра вставать заставляют, а тут можно спать до восьми вечера.

– Да и обходов днем не бывает. Спокойно спи.

– Так трогаемся, братцы?

– Митрич, разгонную порцию давай.

Стол компании, составленный из нескольких столов, сдвинутых рядом, весь был уставлен бутылками.

«Разгонной порцией» называется выпить по большому стакану каждый. Митрич сам принес поднос со стаканами и тарелкой клюквы, посыпанной мелким сахаром. Это угощение только для хороших гостей.

– За успех, братцы, мир, согласие и дружбу!..

– Ура! – проревели все.

– Сколько с нас, Митрич? – спросил Тумба. – Сегодня я всех угощаю.

– Восемь с полтиной-с!..

– Получай!

Тумба вынул из кармана красненькую депозитку и небрежно бросил ее на стол.

Компания встала. Все поблагодарили Тумбу, разделились на группы и вышли.

7

Иван Степанович Куликов

Иван Степанович сидел запершись совершенно один в своей небольшой, но уютной квартирке в том же доме, где помещался «Красный кабачок». Его квартирка имела отдельный подъезд с противоположной стороны и в то же время внутри сообщалась с трактиром, что имело для него большое удобство. Дом был устроен так, что под полом находилось несколько погребов и подвалов для хранения провизии, причем погреба соединялись подземным коридором, выходящим к надворным ледникам и упиравшимся в отдаленную часть двора.

В подвалы и погреба был также вход из кухни квартиры Ивана Степановича. Квартирка состояла из трех комнат: кабинета, залы и столовой. Так как Иван Степанович получал обед из своего трактира, то кухня ему была не нужна и он превратил ее в спальню. Обстановка квартиры была довольно комфортабельна, хотя не отличалась вкусом или изяществом.

Прислуги личной он не держал, а у него поочередно дежурили слуги трактира. Это тоже большое удобство, потому что, имея все готовым и исполненным, он мог в то же время уединиться, когда это требовалось обстоятельствами. Например, теперь он ждал тайного визита Елены Никитишны и присутствие прислуги было бы более чем нежелательно. А он был уверен, что супруга Коркина, под густой вуалью, непременно к нему явится. Она должна прийти. Куликов потирал руки от удовольствия.

Елена Никитишна – бесспорно, красивая женщина и, хотя она старше несколько Гани, но все-таки, пожалуй, интереснее ее. Полная, румяная, высокая, она отлично сложена и в довершение обладает премиленькой физиономией. Она вся в его власти, она теперь раба его, и он может приказывать ей, что ему угодно. Она не посмеет ни в чем ему противоречить.

Куликов был в отличном расположении духа. Его дела идут блестяще. Почти без гроша он арендовал «Красный кабачок», произвел за свой счет ремонт, отделку и торговал теперь на славу. Никто не подозревает, что он вовсе не хозяин «Красного кабачка», а только случайный арендатор и притом человек никому неведомый, с прошлым, покрытым мраком неизвестности. Его приняли в этом краю очень радушно, совсем не справляясь о его происхождении, прожитой жизни и т. д. Кожевенный фабрикант даже навязывает ему свою хорошенькую дочку, а более чем интересная жена другого соседа должна прийти к нему на тайное свидание... Худо ли ему?

«Другой на моем месте мог бы успокоиться, счастливо прожить век, но я, – мечтал Куликов, – не привык к такой жизни и не создан для тихой пристани у семейного очага. Мне не то нужно».

Он посмотрел в окно, не видно ли закутанной дамы. Нет, идут только два пьяных мужика и, видимо, держат путь к дверям его кабачка. А там вдаль едет кто-то на извозчике. Кто это?

Куликов всматривался пристально, и лоб его покрылся морщинами. Да, это он. Наверно, ко мне... Сказать – дома нет! Нельзя... Будет ждать... Ну, все равно... А как же Коркина? Где я приму ее?.. Вот не во время гость хуже татарина!

Он подавил пуговку электрического звонка. Извозчик между тем подъехал к трактиру, и господин скрылся в двери.

– Сейчас подъехал господин, проведите его ко мне, – приказал он вошедшему слуге.

– Слушаю-с...

Через минуту в гостиную входил молодой еще человек, почти лысый, блондин, с длинным выдающимся носом и большими, круглыми совиными глазами.

– Здравствуйте, – приветствовал его хозяин, – прошу садиться, что нового?

– Нового, Иван Степанович, ничего. Граф вернется из-за границы не ранее будущего месяца. Дома, кроме камердинера и кухарки, никого... Семья его находится в имении.

– Что ж! Чудесно! Вы подружились с камердинером?

– Распрекрасно... Почти приятели...

Куликов наклонился почти к уху гостя и стал ему тихо что-то говорить. Он боялся, чтобы стены его не услышали.

– Поняли? – спросил он наконец громко.

– Понял, только...

– Что только?

– Я не знаю, удастся ли мне все приготовить и устроить так скоро.

– Рассчитывайте на мою помощь.

– Буду стараться!

– Деньги есть у вас?

– Очень немного.

– Вот вам сто рублей, я жду вас на днях с новостями. Сообщайте мне обо всем, что произойдет нового.

– Ах, я забыл вам сообщить. Сейчас, когда я к вам ехал, мне попались навстречу супруги Коркины. Он такой взволнованный, размахивает руками. Разве что-нибудь случилось?

Куликов закусил губу и, стараясь сохранить хладнокровие, отвечал:

– Не знаю, право, я их не видал.

Гость удалился, и Куликов остался один.

– Что же это значит? Неужели она предпочла рассказать все мужу? Нет этого быть не может! Здесь или случайность какая-нибудь, или...

Куликов начал шагать по комнате. Мысли роем носились в его голове. Он начал большую и рискованную игру. Удастся ему выйти победителем – он пан, провалится – пропал.

– Что ж! Не первый раз я захожу такую игру, и не привыкать мне к риску! Бывали риски и почище, да ничего, живу ведь, да еще как! Не хуже многих других.

В дверь кто-то тихо постучался. Куликов вздрогнул от неожиданности и крикнул:

– Войдите!

Появился буфетчик.

– Иван Степанович, я к вашей милости. У нас в погребе что-то не ладно.

– Что такое?

– Шум какой-то, возня и слышатся какие-то крики, стоны.

– Глупости! Что у нас домовые, что ли? Ерунда. С пустяками ко мне лезешь!

– Никак нет-с, Иван Степанович, вчера вечером сам околоточный надзиратель слышал и пришел теперь с понятыми осмотр сделать.

– Околоточный?! Что ж ты, болван, мне раньше не сказал ничего?!

– Я утром хотел доложить вам, но вы изволили с утра не принимать никого.

– Позови их сюда!

Куликов еще больше взволновался.

– Полиция! Осмотр! Коркина не пришла! Ну, и денек сегодня выдался! На редкость! Что-то дальше будет?

В прихожей раздались шаги нескольких человек. Куликов пошел навстречу. Впереди шел местный околоточный надзиратель.

– Извините, господин Куликов, нам необходимо осмотреть ваши подвалы. Вчера слышались оттуда какие-то стоны и крики.

– Ха-ха-ха! Уж не думаете ли вы, что у нас привидения завелись в подвалах или домовые какие-нибудь?! Вот это забавно! Вы не ошиблись ли, милейший! У меня на черной половине другой раз такие стоны и крики слышны, что чище всяких леших или домовых! Впрочем, я весь к вашим услугам. Можете осматривать все, что хотите, если у вас есть поручение господина пристава.

- Извините, я приставу не докладывал, пока сам еще ничего не узнал положительного.
- Значит, вы на свой риск и страх решаетесь производить повальный обыск в торговом помещении и частной квартире?
- Это не обыск вовсе, господин Куликов. Это, если вы ничего не имеете против, я хотел только удостовериться...
- Да я ровно ничего не имею. Только обыск-то сам по себе бессмысленный! Посудите сами, откуда же и какие черти возьмутся в подвале?
- Простите, господин Куликов, но, может быть, там вовсе не черти, а попал как-нибудь нечаянно человек.
- Ха-ха-ха! Вот это мило! Во-первых, «попасть» туда невозможно, потому что ледники и погреба на замках и ключи у моих буфетчиков, а во-вторых, все наши жильцы, обитатели и соседи, благодаря бога, живы и здоровы! А впрочем, я прикажу вам дать ключи от всех ледников и подвалов.
- Крики слышались, собственно, не из подвалов, а под землю, рядом с буфетом, Нет ли у вас там какого подземного хода или коридора?
- Это вы, батенька, у архитектора, строившего дом, узнайте или еще лучше разнесите дом по щепочкам и увидите! Ах, я вам и сесть пригласить забыл, так вы меня чертями напугали. Ну, садитесь. Митрич, принеси нам красненького старого бутылочку; мы выпьем да и пойдем с вами, посмотрим.
- Нет, благодарю вас, мне некогда. Если позволите...
- Как хотите! Что же вам позволить?
- Удостовериться. Посетители ваши говорят, что они и сегодня утром слышали стоны.
- Удостоверьтесь, пожалуйста. Митрич! Веди господина околоточного куда ему угодно. Хотите, и я с вами пойду.
- Если это не затруднит вас. У нас и понятия с собой; спокойнее, знаете ли. Вы давно изволите жить в этом доме?
- Очень недавно. Всего несколько месяцев. Признаться, я и сам хорошенько дома не знаю.
- Вот то-то и оно. Здесь, рассказывают, когда-то завод был старинный, с подземными ходами и галереями.
- Это любопытно. Пойдемте, пойдемте.
- На дворе начинало смеркаться. Шел мокрый, осенний дождь. Завывал ветер.
- Не взять ли фонарей нам? Так ведь ничего не увидим.
- Разумеется. Пусть они нам и освещают.
- Процессия тронулась.
- Где же вход? Откуда попасть?
- Пойдемте в первый погреб.
- Буфетчик открыл тяжелый висячий замок и распахнул двери. Пахнуло затхлой сыростью. Несколько ступенек вниз... Все спустились в такую духоту, что невозможно было дышать. Куликов первый выскочил назад. Наваленные груды хлама на деревянном помосте мешали сделать тщательный осмотр, да к тому же оставаться в этой атмосфере становилось нестерпимым.
- Они хотели уже выходить, как вдруг полицейский вскрикнул:
- Слышите?
- Все напрягли слух, и действительно, где-то в отдалении послышался слабый стон, перемишивающийся со стуком. Точно кто-то хотел выйти и не мог.
- Господин Куликов, пожалуйста сюда.
- Куликов спустился, стал слушать.
- Да поверьте, это у меня на кухне повар котлеты рубит, а вам в духоте кажутся стоны. Вы побудьте здесь еще, так совсем в обморок упадете.

- Воля ваша – отчетливые стоны!
- Пойдемте в другие погреба. Может быть, найдем.
- Положительно человеческие стоны и стук...
- Не смею с вами спорить... Ищите...
- Мудрено найти! Если бы мы знали все ходы и выходы, можно было бы осмотреть, а тут не найдешь ничего.
- Стоны в той стороне, около нашей кухни; посмотрите в леднике налево.
- Пойдемте.
- Они спустились в ледник, набитый до крыши снегом.
- Ничего... Да здесь и не может быть слышно...
- Не хотите ли кухню осмотреть? Спросите повара, что он сейчас делал?
- Когда они подходили к дверям кухни, то отчетливо услышали барабанный стук повара, готовившего битки и мурлыкавшего «Во поле береза стояла...».
- Ну, что я вам говорил! – рассмеялся Иван Степанович. – Послушай, любезный, – обратился Куликов к повару, – скажи нам по совести: у тебя эти дни не было земляка или землячки?
- Повар замялся и запустил руки под фартук.
- Говори правду, я тебе ничего не сделаю, – настаивал Куликов.
- Была-с...
- Ночевала?
- Ночевала-с...
- А ты с ней не дрался?!
- Что вы, что вы, хозяин...
- Правду говори!
- Поучил малость, только она меня ни... ни...
- А она кричала?
- Раза два крикнула, подлая...
- Торжествующий Куликов рассмеялся.
- Довольны вы, господин полицейский?
- Тот молчал.
- Удовлетворились вы? Или желаете продолжать обыск?
- Помилуйте! Извините, что я вас побеспокоил!
- Вперед с подземными духами не воюйте, а то себе лишь хлопоты причиняете и людей беспокоите напрасно.
- Извините, пожалуйста!.. Наша обязанность...

8

Елена Коркина

Елена Никитишна не спала всю ночь после загадочного разговора с Куликовым и вообще почувствовала себя нездоровой. На вопрос мужа, что с ней приключилось, она отвечала уклончиво и ушла к себе в спальню. Здесь она дала волю своим чувствам и нервно бегала по комнате из угла в угол. Уже начинало светать, а она все не могла прийти в себя. Картины одна мрачней другой рисовались ее воспаленному воображению, и все прошлое воскресало в памяти.

Вспоминалось ей, как еще ребенком она жила в доме родителей. Отец имел торговлю в Саратове, и они жили в собственном доме. Мать баловала ее, любила, но отец имел крутой характер и часто бил их с матерью. Жизнь их текла однообразно, уединенно. Ее посылали в школу, но успехов она не показала и с трудом выучилась читать и писать. Когда ей минуло 16 лет, она была совсем развитой, полной и красивой девушкой. Отец сосватал ее за своего приятеля, пожилого человека, имевшего торговлю с Америкой. Она совсем еще не понимала жизни и не только не любила будущего мужа, но даже пугалась его. Никто не спрашивал ни ее согласия, ни желания, и через месяц сыграли свадьбу. Старый муж был противен ей, и жизнь с ним сделалась для нее невыносимой. Тянулись тяжелые дни, месяцы, годы. Она чувствовала облегчение только когда муж уезжал в Америку, но случалось это в год раз.

В одну из таких долгих отлучек мужа она познакомилась с молодым, красивым саратовским чиновником Сериковым. Они встретились в театре, потом на балу в купеческом собрании. Сериков не отходил от нее, они танцевали, болтали. Он просил позволения быть у нее с визитом. На другой день он приехал. С тех пор они стали часто видеться. Мало-помалу отношения их перешли в дружеские, но совершенно чистые, товарищеские. Обращение Серикова было самое утонченно-вежливое, предупредительное и почтительное. Однако в городе стали говорить о его посещениях «соломенной вдовы». Суровый отец запретил ей принимать Серикова. Это послужило началом рокового конца. Они стали видеться тайно. Скоро Сериков стал пробираться к ней по ночам, через забор сада и по веревке подниматься на балкон. Отношения само собой изменились, и она привязалась к молодому человеку всей душой. Возвратился муж. Свидания затруднились. Деспотизм и суровость мужа чувствовались ею еще тяжелее, чем прежде. Раньше она, по крайней мере, не знала иной жизни, не видела выхода, а теперь счастье казалось ей так близко. Опять потянулись долгие, скучные месяцы.

Однажды она получила записку от Серикова.

«Постарайтесь выйти в час ночи к трем соснам в конце парка.

Необходимо вас видеть».

Они не виделись уже около месяца, и она беспокоилась. Но почему записка такая лаконичная? Он не писал никогда так кратко и настойчиво.

И почему он назначает сегодня ночью, когда завтра муж уезжает в Петербург, и они могли бы свободно видеться. В этот вечер было много дела с уборкой и приготовлениями к отъезду мужа. Только в двенадцатом часу все улеглись спать. Не легла одна она... Ее волновало предстоящее свидание и загадочная таинственность его. Ровно в час она заглянула в кабинет мужа. Он крепко спал. Тихонько вышла она в сад и пошла поспешно к трем соснам. Сериков был уже там. Он пошел навстречу и крепко стиснул ее руку.

– Дорогая моя, я принес тебе свободу!..

– Свободу? – изумилась она.

– Да, свободу. Другого выхода нет.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Слушай, Леля! Так жить, как ты живешь, невозможно больше.

– Ах, милый, но что же делать?!

– Я нашел исход.

– Какой?

– Сегодня ночью твой тиран исчезнет. Как и куда, я тебе не скажу. Ты завтра объявишь всем, что он уехал, как собирался, в Петербург. Я начну хлопотать о переводе в Петербург. Ты скажешь после родителям, что получила письмо от мужа, который зовет тебя в Петербург, и мы вместе уедем. Согласна?

Она вся дрожала и не могла ответить.

– Но, но что ж с ним сделают, куда его денут?

– Это не мое и не твое дело. Нужно будет только заплатить за это пятьсот рублей. У тебя есть деньги?

– Дорогой мой, я не в силах.

– Тогда, Леля, мы расстанемся навек! Так жить я больше не могу, я уеду в Петербург, а ты... ты живи со своим стариком.

И он хотел идти.

– Постой, постой. Ради бога, нельзя ли иначе как-нибудь. Погоди, он уедет. Подумаем.

– Уже все готово, Леля. Через час Макарка-душегуб будет здесь. Это известный разбойник, бежавший из Сибири; он был здесь пойман, но вчера скрылся из нашего острога.

– Неужели ты сговорился с ним?

– Да... Ты можешь ничего не знать, только не помешай ему. Никаких следов не останется. Он заранее приготовил уже могилу на берегу Волги под тремя березами и стащит туда труп. Никто ничего не будет знать.

– Ах, такой ужасной ценой покупать себе счастье?!

– Как хочешь! Еще есть время отказаться. Решай.

Она зарыдала и, вся трясаясь как в лихорадке, упала к нему на руки. Он потащил ее в беседку.

– Убийцы, убийцы, – прошептала она. – Нет, нет не хочу, не хочу.

Она потеряла сознание.

Когда она очнулась, было совершенно светло, около нее был ее дядя и несколько человек. Она все сразу вспомнила и снова грохнулась без чувств. У нее сделалась горячка, и целый месяц Елена была при смерти. Во время бреда она кричала и звала мужа, просила прощения, рвалась на его могилу, на берега Волги. Окружающие слышали этот бред и, когда она приходила в сознание, старались ее успокоить.

– Ваш муж скоро вернется из Петербурга. Он писал, спрашивал о вашем здоровье.

Когда она стала поправляться, то настойчиво потребовала к себе Серикова.

– Скажите мне, – умоляла она, – что ваш план не удался, что он жив.

– Не знаю. Может быть, Макарка обманул меня.

– Ах, если бы это было так.

– Поправляйтесь и не волнуйте себя.

– А где этот Макарка?

– Кто ж его знает? Он давно покинул Саратов. Никакая полиция не в силах его сыскать.

– Отчего вы не узнали от него?

– Я не видал его больше.

Елена Никитишна поправлялась быстро. Молодой, сильный, здоровый организм взял верх над болезнью, и вскоре она могла уже ходить. Первым визитом ее был кабинет мужа. Чемоданы, приготовленные к поездке, платье, вещи – все исчезло. Очень может быть, что в самом деле он уехал с первым пароходом и, не найдя жены в доме, не мог проститься с ней. Может быть, он рассердился на нее за ночные похождения и потому не пишет ей. О! Если бы это оправдалось! С какой радостью встретила бы она его!

Но он не возвращался. Однажды Сериков пришел веселый, довольный.

– Я устроил перевод в Петербург.

– Что вы? А мой муж?!

– Мы его там поищем. Кстати, я послал вам письмо от его имени. Будто он вам приказывает ехать к нему. Покажите это письмо родителям, знакомым и соберитесь. Там мы постараемся узнать, что с ним случилось.

Она в тот же день получила по почте письмо и решила ехать. У мужа оказалось состояние около 100 тысяч. Они вместе с Сериковым устроили все дела и уехали в Петербург, не возбуждив никакого подозрения. Здесь, на первых порах они поселились в хорошем отеле. Сериков целыми днями хлопотал, устраивал и разыскивал ее мужа. Наконец, месяца через два, он приносит ей газету, в которой описывалась гибель в Атлантике корабля с пассажирами. В списке пассажиров упоминался и ее муж. Она была поражена и в то же время страшно обрадовалась. Точно у нее камень свалился с груди! Значит, действительно, он уехал тогда! Немедленно они выдали доверенность адвокату и послали его в Марсель достать свидетельство о смерти мужа и затем в Саратов, для ввода во владение на правах вдовы. Через полгода все было готово. Некоторое затруднение встретилось в Марселе, где никто не мог подтвердить присутствие ее мужа в числе пассажиров погибшего корабля, но с деньгами удалось устранить это препятствие, и все бумаги были получены.

Теперь Елена Никитишна формальная вдова, с солидным приданым, готовилась сочетаться законными узами брака с давно любимым человеком. Она готовила уже приданое. Купила хорошенький домик-особнячок у заставы. Был назначен уже день свадьбы, как вдруг Сериков захворал. Простая простуда осложнилась воспалением легких, и больной через несколько дней скончался, не приходя в сознание. Новое горе поразило Елену Никитишну. Похоронив Серикова, она хотела ехать обратно в Саратов к родителям, но получила известие, что родители несколько месяцев как уже умерли.

Она осталась одинокой на всем белом свете. Ехать в Саратов не имело смысла. Жить одной в малознакомой столице тоже не представляло интереса. Елена Никитишна была близка к отчаянию, несмотря на довольно крупное состояние и вполне независимое положение. Как-то случайно познакомилась она с содержателем соседних лавок, молодым веселым Коркиным, и последний стал у нее бывать. Вместе с ним она выезжала кое-куда, появилась на гуляниях, в общественных собраниях. Елена Никитишна, которой только что минуло 30 лет, была безусловно красива, высока, стройна и привлекательна. Пережитое горе хотя и оставило свои следы в виде нескольких морщин на лбу и пары седых волос, но следы эти сглаживались постепенно, по мере того как Елена Никитишна начинала жить нормальной жизнью и пользоваться развлечениями.

Как-то незаметно Илья Ильич сделался вечным спутником Елены Никитишны, и его веселый, оживленный вид действовал на нее ободряюще, воодушевляюще. Если Илья Ильич уезжал куда-нибудь по делам и Елена Никитишна не видала его несколько дней, то она скучала, начинала хандрить...

В один прекрасный день Илья Ильич, вернувшись после недельной отлучки и увидев, как Елена Никитишна обрадовалась его приезду, приступил прямо к делу:

– Елена Никитишна, хотите выйти за меня замуж?

Она приняла это за шутку.

– Нет! Серьезно!.. Вы молоды, хороши собой, свободны... Я тоже еще не старик, имею обеспеченное положение. Почему же нам с вами не соединиться по гроб жизни?..

– Право, Илья Ильич, это так неожиданно...

– Полноте, Елена Никитишна, чего там неожиданно! Неужели вам никогда это не приходило в голову?

– Может, и приходило, только...

– Ну, вот и отвечайте! Я не уйду отсюда, пока вы не скажете «да»...

Он встал на колени, взял ее руки и смотрел в глаза.

Она как-то невольно произнесла «да».

Все это воскресло теперь в памяти Елены Никитишны, когда она шагала ночью по комнате.

– Боже мой! Что бы это могло быть? Что это за человек, этот Куликов?! Что значат его намеки?!

9

Решение Гани

Старик Петухов, чем больше думал об упорстве дочери, тем больше озлоблялся на нее, и временами ему казалось, что он почти ненавидит Ганю.

– Возможно ли так мало думать об отце, который посвятил ей всю жизнь, отдал ей лучшие свои годы, полные сил, любил ее, заботился, лелеял... И почему? Разве Куликов дурной человек или старик?! Нет! Просто каприз один, своеволие, нежелание даже подумать об отце, ведь я мог бы и не спрашивать ее согласия, просто приказать и только. Но я не хочу! Не хочу прибегать к насилию, а она не ценит этого, не видит, не хочет признавать! Вот наши современные детки! Заботьтесь о них, хольте их, чтобы они после над вами же издевались! И не дура ли? Такой умный, серьезный человек с состоянием делает ей предложение – радоваться должна, Бога благодарить!.. А она «не нравится». Слышите ли, принцесса какая?! Не нравит-ся!.. А почему «не нравится», и сама не может объяснить! Что же, нос велик или борода коротка, что ли?! Нет! Я должен поступить строго! Потакать таким глупостям невозможно!

Старик не переставал размышлять на эту тему и укреплялся все более в необходимости сломить упорство Гани и заставить ее исполнить волю отца... Болезненный вид измучившейся дочери не только не трогал его, но, напротив, еще более ожесточал... От прежних дружеских отношений отца с дочерью почти не осталось и следа. Целыми днями старик выискивал только случая, чтобы придрататься к Гане и сделать ей выговор. То обед не вовремя, то суп пересолен, то комнаты не убраны или прислуга не на месте. Если Ганя пробовала оправдываться, то старик накидывался на нее с бранью, упрекая в недостаточности почтения, в своеволии, эгоизме и прочем. Ганя теперь не слышала от отца никогда ласкового слова, и если он звал ее или обращался с каким-нибудь вопросом, то непременно для выговора, замечания или выражения своего неудовольствия. Бедная девушка решительно не знала, что ей делать; чем больше она старалась за всем уследить и все предусмотреть, тем более оказывалось разных промахов или неисправностей, за которыми неизбежно следовали выговоры.

Куликов по-прежнему часто ходил к ним в дом и постепенно начал вмешиваться во все мелочи их хозяйства и жизни. Неприязнь старика к дочери росла в той же пропорции, как его расположение к Куликову. Чем больше привязывался он к последнему, тем резче выражался его гнев против непокорной дочери.

А между тем у Гани, кроме отца, не было никакого близкого ей человека, не с кем было поделиться своим горем, излить измучившуюся душу. Она страдала ужасно. Инстинктивная неприязнь к противному ей Куликову усилилась теперь сознанием, что из-за него она потеряла горячо любимого отца, потеряла семью, покой и здоровье. У нее теперь не было отца. Старик сделался для нее не только чужим, но явным врагом, с которым она не могла по-прежнему делить свои мысли и чувства, не могла даже и говорить о чем-нибудь. Предоставленная сама себе, Ганя не в состоянии была разобраться в том, что происходило кругом, и еще менее могла найти себе выход.

– Если бы я знала, чего они хотят от меня! – рыдала она по вечерам, уткнув голову в подушки. – На все, на все я согласна, только, только... не сделаться женой этого человека! У него светится в глазах огонь дикого зверя, и я лучше готова умереть, чем остаться с ним наедине. И как мог он околдовать так папеньку? Неужели отец не видит его так, как я вижу?! Боже, боже, что мне делать?! У кого искать помощи, защиты?! Отец, который так любил меня, который был единственным близким мне существом, сделался его союзником. Кто же, кто защитит меня?!

Случалось, что всю ночь Ганя не могла сомкнуть глаз, дрожала вся от страха и одиночества, ломала руки в отчаянии и под утро засыпала, сидя на стуле, или впадала в какое-то забытие.

Шли дни за днями, и Ганя ясно видела, что опутавшие ее сети сжимались все больше и больше. Куликов перестал уже обращаться с ней деликатно и довольно грубо давал ей чувствовать «опалу», в которой она находилась. Он делал ей выговоры, игнорировал ее присутствие и даже перед прислугой и рабочими ставил в неловкое положение. Ганя не решалась протестовать или вступать в борьбу, потому что хорошо понимала, что все это делается с ведома и согласия отца. Первое время она пробовала защищать свои права, если не хозяйки, то дочери хозяина, но старик Петухов резко объявил ей, что он просил Ивана Степановича распорядиться и она должна слушать его так же, как и отца. После этого она должна была смириться, но все еще не думала сдаваться.

Однажды Петухов сидел у себя в кабинете, разбирая какие-то счета. Ганя осторожно вошла и встала у дверей.

– Что ты? – спросил он, не отрывая головы от бумаг.

– Папенька, я хотела с вами поговорить, – тихо начала она.

– Говори, что тебе.

– Я, папенька, так не могу больше. – И она зарыдала.

– Что не можешь?

– Не могу жить так больше. Отпустите меня.

– Что?! Не можешь жить?! Отпустить! Куда отпустить? – Старик привстал со стула и повернулся к дочери.

– Отпустите на место. Я служить пойду. В горничные, прачки, судомойки, куда угодно пойду.

– Да ты в полном уме?! Или в самом деле ты хочешь, чтобы я тебя в двадцать два года кнутом выдрал?! Ты что, дурище, белены объелась?! Что тебе худо? Ты сама себе худое делаешь! Сама хочешь отца в гроб уложить! Говори! Что это значит?

Рыдания душили девушку. Она в изнеможении опустилась на диван и не могла говорить. Старик дрожал от гнева и стоял перед ней со стиснутыми кулаками.

– Вот что значит распустить девку, волю дать! Правда, говорили мне наставники наши, что гублю я девку баловством. на пагубу воспитываю тебя! Не волю тебе давать следовало, а драть! Тогда ты не стала бы перечить отцу! Не смела бы говорить старику, что он ничего не знает, что ты лучше людей понимаешь и знаешь! Твоего ли это ума дела? Неужели отец меньше тебя смыслит? Смеешь ли ты рассуждать, когда отец говорит? Вот до чего доводит своеволие и баловство! Ты в прачки, в судомойки собралась?! Да разве мало у отца места для тебя? Или не хватит прокормить тебя?! Говори, зачем тебе идти на место?!

– Папенька!.. Я... я... из-му-чи-лась, – произнесла девушка сквозь рыдания.

– Измучилась? Да кто же тебя мучает? Кто тебя пальцем трогает? Что тебе делают? Ты сама себя мучаешь! Дури набрала в голову! Да как ты смеешь отцу говорить такие вещи? Что ж, я тебя мучаю? Я? Говори, я?

В эту минуту в кабинет вошел Куликов. Он не считал нужным даже виду сделать, что не решается быть свидетелем семейной сцены. Напротив, он на правах своего человека, присутствие которого не может быть лишним, развязно заметил:

– Что, Тимофей Тимофеевич, опять блажит ваша доченька?

И, не здороваясь с Ганей, как с ребенком, который капризничает, он уселся в кресло и уставил на девушку насмешливый взгляд.

– Представьте, Иван Степанович, дочь пришла мне объявить, что она не может больше жить со мной, что ее здесь мучают и она надумалась искать место судомойки. Слышали, как вам это нравится?

Куликов пожал плечами.

– Признаюсь, этого я не ожидал от Агафьи Тимофеевны! Не оценить такого благодетеля-отца, всю жизнь отдавшего воспитанию дочери, грех тяжкий, да и перед людьми дико-винно! Все ведь знают, как вы, Тимофей Тимофеевич, надышаться не можете на дочь, и вдруг... Непонятно! Право не понятно! Нет ли тут чего-нибудь недоговоренного... Может быть, Агафья Тимофеевна по другой какой-нибудь причине мучается?.. Может быть, у нее тайна есть какая-нибудь... Я давно вам об этом говорил.

Девушка гордо выпрямилась и, смотря в упор на Куликова, произнесла:

– У меня не было и нет от отца никаких тайн! Волю отца я до сих пор чтю свято во всем и до появления вашего в нашем доме я считала себя счастливейшим человеком.

– Вот что? Значит, я помешал вашему спокойствию и счастью. Что же? Если Тимофей Тимофеевич разделяет ваше мнение, то я готов сейчас же удалиться и никогда больше не переступать порога вашего дома, Агафья Тимофеевна.

Он встал.

– Не говори глупостей, Ганя, и не смей оскорблять моего друга. – произнес, повысив голос, Петухов, – ты сама не знаешь, что говоришь, и я уверен, будешь после жалеть.

– Простите, Агафья Тимофеевна, – начал опять Куликов, усаживаясь, – но я никак не могу понять, чем, собственно, я мог причинить вам огорчение. Если насчет моего сватовства, то ведь я вам насильно не навязываюсь. Точно, я люблю вас и готов жениться, но до сих пор я вам этого даже не высказывал. А затем... затем я не понимаю, что вы против меня имеете? Может быть, что папенька ваш ко мне расположен. Но согласитесь, смешно требовать, чтобы пожилой человек справлялся у своих собственных детей, кого ему можно принимать и кого следует гнать в шею. Если отец не может дочь свою заставить любить или уважать кого-нибудь, то как же дочь может заставить отца прогнать человека, к которому он расположен?! Это что-то совсем несуразное.

– Бросьте, Иван Степанович, стоит ли с дурой разговаривать! Ведь она сама не понимает, что говорит!

И, обращаясь к Гане, старик прибавил:

– Я предупреждаю тебя, чтобы ты никогда не осмеливалась больше говорить мне подобных вещей! Ты дочь мне, и я не посмотрю на твои лета... Лучше видеть дочь мертвой, чем слушать на старости лет подобные обвинения, которые я заслужил меньше, чем какой-нибудь другой отец!.. Ступай и подумай о своем поведении!..

Ганя вышла. Несколько минут длилось молчание.

Старик Петухов сидел погруженный в свои мысли. Горе дочери не трогало его, он даже не признавал его, но поведение ее казалось ему каким-то ужасным. И он все больше и больше ожесточался против дочери. Он никак не мог найти никаких смягчающих для нее обстоятельств и не мог стать в ее положение.

А Куликов ловко пользовался этими условиями.

– Да, Тимофей Тимофеевич, от нынешних деток мало утешения для родителей, не жди от них толку! Отдай им все, а сам попроси корку сухого хлеба – и сейчас тиран, враг, злодей...

– Нет! Но такой выходки я от нее никак не ожидал! Ну, не хочет за вас выходить, я ее пока не принуждаю, и вдруг... в судомойки!

– Знай наших! Вот мы каковы! Вздумай-ка приневолить – так я и в полицию пойду, прокурору пожалуюсь! Я совершеннолетняя! Знать вас не хочу!

– Ну, извините! Я ведь тоже шутить не позволю с собой, срамить мои седины! Сумею справиться!

– Слышали вот – в судомойки пойду. Ну, и справляйтесь!

– Пусть еще раз осмелится – я покажу ей! – И старик стиснул кулаки. Глаза его заблестели недобрый огнем.

10

Тумба у себя дома

Новый вожалый громил принадлежал к числу давнишних обитателей Горячего поля. Это поле начинается за Новодевичьим монастырем и Громовским кладбищем и тянется около полотна царскосельской и балтийской железных дорог на далекое расстояние. Горячее поле, давно излюбленная громилами местность, представляет для них хорошо защищенную засаду, где они могут скрываться годами, делая вылазки к заставе. Поле за Громовским кладбищем почти непроходимо. Оно все болотисто, покрыто кочками и кустами, изрыто канавами и совершенно необитаемо. Не только весной и осенью, но в жаркое лето или суровую зиму дебри Горячего поля непроходимы. Нужно хорошо знать все тайные тропинки и условные вехи, чтобы не заблудиться в этих дебрях и не завязнуть в топком болотистом грунте. После своего избрания вожалым Тумба пригласил своих новых товарищей к себе в гости на стакан водки.

День был праздничный, летний, погода стояла отличная. Собираться было назначено к 11 часам вечера. Куца Тумбы, в которой он жил зиму и лето и жил не один, а с семейством, находилась на четвертой версте Горячего поля, на девятой тропе левой половины, по прямой линии со Средней Рогаткой, в тридцати верстах от последней. Половины, тропы и версты Горячего поля размечены громилами вехами, так что для них найти место жительства товарища легче, чем нам известный номер дома и квартиры данной улицы.

Рябчик и Вьюн пошли на званую ночь вместе. Они вышли из-под мостков кладбища, где отдыхали после тяжелой, подвижнической ночи, полной приключений. В эту ночь они покушались ограбить Невский стеариновый завод и были застигнуты рабочими на месте преступления. Удирать им приходилось от преследований целой толпы рабочих, сторожей и дворников. Скачка была головоломная. Они отстреливались камнями, комками грязи и мчались по полям несколько верст, пока им удалось залечь в ямах и скрыться из виду преследователей. Прележали они в воде несколько часов, пока измученная погоня бродила по полю, осматривая все кустики. Уже рассвело, когда они вышли из своих мокрых засад. Вода текла ручьями с их платья, волос. В таком виде они побрели к Громовскому кладбищу, сняли здесь с себя мокрую одежду, развесили ее сохнуть и, завернувшись в рогожки, забрались под мостки и уснули богатырским сном. Солнце давно село, когда они проснулись.

– Пора вставать, – произнес Рябчик, – верно, часов девять уже. До Тумбы час ходу. Надо ко времени поспеть.

– Выползай, – ответил, зевая, Вьюн и сладко потянулся.

Товарищи полезли, облачились в свои высохшие ветоши и протерли глаза.

– А что, брат, ведь холодно, – заметил Рябчик.

– Ничего, до Тумбы доберемся, там будет угощение.

– Ну, в путь!

Они обогнули кладбищенские мостки, по направлению к глухому забору заднего фасада кладбища: здесь под забором была выкопана земля, так что получалось отверстие, в которое свободно можно было проползти по-собачьи. Привычные громилы ловко юркнули поочередно в проход и очутились на свободе. Вечер был тёплый, с болота поднимался туман и окутывал пустынное болото, густо поросшее кустарником. Идти рядом было невозможно. Вьюн скакал по кочкам впереди, а Рябчик не отставал от него. Они держались левее, где местами торчали палки с перевязями из рогож. Чем дальше, тем кустарник становился гуще и прыжки приходилось делать крупнее.

В отдалении послышался резкий свист, повторившийся два раза. Рябчик остановился.

– Что это, тревога?

– Сигналист свищет. Нет ли сегодня обхода?

– Мы-то уж в безопасности!

Свист повторился. Рябчик сунул в рот два пальца и ответил таким же протяжным свистом с двумя перерывами. Послышался ответный свист справа.

– Постой! Да ведь это наши свищут! Нет ли здесь чьей-нибудь куши.

– И то правда! Вон у того леска вяземские летом живут.

Свист повторился на близком расстоянии, и через две-три минуты Рябчик с Вьюном увидели несколько голов. Головы быстро выросли, и человек восемь-десять оказались в нескольких шагах.

– Эх, вы напугали нас, а мы думали уже, не обход ли забрался к нам в гости, – приветствовал их шедший впереди.

– Здорово вяземцы! Как живете?

– Спасибо. А вы куда путь держите?

– К Тумбе. Он у нас теперь вожалый всех заставных. Пригласил на стакан водки.

– Кланяйтесь ему. Вы идите теперь прямо. Тут просохло, можно перейти и путь гораздо ближе.

– Спасибо.

Вяземцы опять разбились по кустам, и головы исчезли в траве. Рябчик с Вьюном продолжали путь. Идти было легче по сухой тропинке, расчищенной от кустарников и насыпанной в низких болотистых местах. Очевидно, что тропинку эту устроили человеческие руки. Товарищи шли молча. Тропинка кончилась, и пошли опять кочки.

– Кто идет, – раздался голос в стороне. Рябчик осмотрелся и увидел на одной из кочек крытую будку, немного больше сторожевой собачьей. Из будки смотрели две кудлатые головы.

– А!.. Пузан! Ты опять разве вернулся? – ответил Вьюн, кивая головой в сторону будки.

– Куда путь держите?

– К Тумбе.

– Постойте, и я с вами пойду.

Голова вылезла и выросла в здоровенную фигуру оборванца. Теперь можно было рассмотреть, что другая голова, лежавшая в будке, принадлежала женщине.

– Ты, Маланья, жди, не вылезай, я скоро вернусь, – произнес Пузан.

– Вернешься! Надрыгаешься! Лучше бы в город сходил. Жрать нечего...

– Молчи!

– Чего «молчи»?! Возьму да уйду. Чего мне тут лежать, не жравши. – Женщина продолжала брюзжать, но ее не слышали. Они втроем теперь скакали по кочкам, пробираясь к левому леску.

– Давно ли вернулся? – спросил Рябчик Пузана.

– На прошлой неделе. Ох, грехи... Семь месяцев шел!

– Тебя куда доставили?

– Доставили в Колу и пустили. Осень, погода страшная, добычи нигде, ни куска хлеба, в кармане ни гроша, делай, что хочешь. А пригнали нас человек шестьдесят.

– Ну?

– Ну и пошли в тот же день обратно. Из шестидесяти дотащилось до Горячего поля одиннадцать. Из них шесть уж опять сидят, опять в Колу пойдут.

– Неужто одиннадцать? А остальные?

– Кто подох, кто отстал. Сил, братцы, ведь не хватало. Верите ли, мхом да падалью питаться приходилось! Хорошо, как попался кто на пути, но это за редкость! Там и дорог-то нет настоящих, путники – одни мужички местные. Ну, попадались кто – ау!

– Од-на-че...

– На седьмой месяц только добрались. И вспомнить-то жутко!

– Что же, почин был здесь-то?!

– В тот же день часы сорвал, а на другой – лабаз разнес!.. Натерпелся ведь...
Они пошли молча. Совсем стемнело. Ночь была тихая, теплая. В воздухе не слышалось шелеста, только кваканье лягушек да треск насекомых нарушали могильную тишину.

– Один работаешь? – спросил Вьюн.

– Один, – отвечал Пузан, – хочу вот к Гусю проситься!

– Тю-тю! Гусь в воду канул! Исчез бесследно. Теперь у нас Тумба вожалым.

– Вот и чудесно! Попрошусь к Тумбе.

– Отчего ж? Мы тебя примем! Ты мужик хороший, слаб только.

– Нет, теперь ау! Спуску не даю!

– Что? Прэкзаменовали?! Попробовал Мурмана, так покладистее стал! В нашем ремесле нельзя, брат, миндальничать! Чуть оплошал и пиши письмо в деревню.

Опять все замолчали.

Кочки миновали. Пошла тропа влево, и минут через десять вдали показалась лужайка, переполненная людьми.

– Вон уж наших сколько, – воскликнул Вьюн. – Верно мы с тобой, Рябчик, проспали.

– Да, опоздали.

Приблизившихся увидели с лужайки, и несколько человек пошли к ним навстречу. Это был сам Тумба с двумя своими старыми товарищами.

– Добро пожаловать, – произнес хозяин, прикладывая руку к козырьку, – что поздно? Али на деле были? А это что за гость? Ба... ба... ба! Да никак Пузан?!

– Он самый, мурманский! – отвечал Пузан, кланяясь и протягивая руку.

– Ну, не ожидал тебя видеть! Все равно что с того света! Здорово! Здорово. Пойдемте.

Они вместе все подошли к площадке. Здесь, на траве, лежало человек пятнадцать. В глубине площадки, около самого леса, была устроена большая палатка, сложенная из глины и хвороста, с двумя окнами и входной дверью. Около палатки стояла высокая женщина с грудным ребенком на руках. Женщине на вид было под 30 лет, и на лице сохранились еще следы красоты.

– Моя Настенька с наследником, – представил ее Тумба новым гостям.

Гости поклонились.

– Шельмец весь в отца. Седьмой месяц пошел. Здесь родился и выйдет верно атаман Горячего поля.

Тумба взял ребенка у женщины и, развернув пеленки, с гордостью стал ласкать малютку. Ребенок действительно крупный, большой; очутившись на руках отца перед многочисленным обществом, с любопытством всех разглядывал и сложил ручонки в кулаки.

– Ишь каким воином смотрит. У-у-у...

Тумба отдал мальчугана матери и обратился к гостям:

– Ну, господа, выпить с дорожки. Наливайте, братцы, выпьем за прибывших. Валяйте.

В стороне разложен был костер, и в чугуне кипятилась похлебка. Все выпили, закусили. Прибывшие тоже разлеглись на траве, разговор происходил оживленный. Все чувствовали себя отлично и были веселы. Здесь они совершенно на свободе, в полной безопасности и в гостях у радушного хозяина.

– Погодите, гости дорогие, сейчас похлебка поспеет, поедем как следует и в картишки засядем, а хозяйка самоварчик согреет да чайком нас побалуует.

– Стуколка – дело хорошее. Только не по большой, тридцать копеек обязательная, – произнес Вьюн.

– Там видно будет. Можно две стуколки устроить: одну покрупнее, а другую для мелочей.

– Настенька, посмотри, не упрела ли похлебка? А пока, ребятушки, налейте-ка еще по стаканчику, – суетился радушный хозяин.

Налили. Выпили.

– Ночь-то, ночь, какая благодатная! Это ли не жисть!

11

Визит

Куликов целую неделю ждал Елену Никитишну.

– Не может быть, чтобы она решилась не прийти! На ее совести слишком большое пятно, и она не может быть спокойна после моих прозрачных намеков. Ну, а если? Если она ответит молчаливым презрением?! О! Тогда я сначала ей, а потом ее супругу напомню анонимными письмами обстоятельства, при которых она овдовела. Если анонимки не подействуют, можно будет написать кое-кому из сильных мира сего. Впрочем, до этого не дойдет. Я убежден, что она явится.

И Куликов бегал по своим комнатам, как зверь в клетке. Коркины поглотили в это время все его внимание. Он даже мало думал о своей невесте Гане, о торговле в кабачке и о тех странных человеческих звуках, которые доносились из подвала. Все его внимание было сосредоточено теперь на Елене Никитишне. Это для него теперь вопрос личного самолюбия. Он заставит ее покориться!

И на его толстых губах играла злая усмешка. Глаза метали молнии. Он походил на кошку, боящуюся упустить мышонка.

В дверь тихо постучались.

– Кто там? – грубо окликнул он. Просунулась голова слуги.

– Иван Степанович, вас какая-то барыня спрашивает.

Куликов весь вздрогнул от неожиданности и засуетился.

– Ага! То-то! Я знал это! Проси, проси, проведи через парадную дверь и никого больше не принимать! Слышал! Говори всем: дома нет!

– Слушаюсь.

Голова скрылась.

Куликов наскоро оправил перед зеркалом туалет, волосы и стал против дверей в ожидании гостя. Двери распахнулись. Слуга пропустил вперед высокую, стройную даму под густой вуалью и, закрыв двери, удалился. Куликов сделал несколько шагов вперед и остановился в недоумении. Перед ним стояла Ганя.

– Агафья Тимофеевна?! Вы как здесь?! Чему я обязан вашим посещением? Здоров ли папенька?!

– Иван Степанович, оставьте этот тон! Я пришла к вам, разумеется, без ведома папеньки. Я пришла вас просить...

– Просить? О чем? Я вас не понимаю! Но войдите, пожалуйста, присядьте, побеседуем. Вот неожиданный визит!

Они вошли в гостиную. Ганя опустилась на первый попавшийся стул. Она была бледна, имела измученный вид, но красивые черты лица с кротким выражением чудных глаз казались еще прекраснее. Гордо откинутаая назад хорошенькая головка на роскошном бюсте делала ее настоящей красавицей в полном смысле слова, и Куликов невольно любовался ею.

С минуту они оба молчали. Ганя не могла собраться с духом, чтобы начать, а Куликов умышленно тянул паузу, чтобы любоваться девушкой. Теперь, когда в ней природная скромность боролась с решимостью и отвагой, когда она совершила целый подвиг рискованного визита и вдруг начала трусить, очутившись лицом к лицу с последствиями своего подвига, она поминутно то бледнела, то краснела, то глаза сверкали огнем, то вдруг потухали, и она как-то ежилась, уходила в себя, готова была провалиться сквозь землю и бежать назад без оглядки. Куликов следил за этими переменами и, любуясь внешним их эффектом, все хотел угадать, какое состояние возьмет верх.

Наконец Ганя заговорила:

– Иван Степанович, я устала вести эту безгласную, тайную борьбу... Я признаю себя побежденной. Пришла просить пощады. Не добивайте меня. Прекратите борьбу. Диктуйте условия.

На губах Куликова скользнула усмешка... Он отвечал не сразу.

– Извините, Ганя, я не совсем вас понимаю. Мне кажется, что вы вовсе напрасно обвиняете меня в какой-то войне против вас, чуть ли не в мучениях, причиненных вам. Могу вас уверить...

– Пойдите, – перебила его девушка, и глаза ее сверкнули, – вы хорошо понимаете, что я пришла к вам не для пустых фраз!.. Если вы продолжаете притворяться, то я буду говорить прямо. Вы завладели доверием и расположением моего отца... Вы получили согласие моего отца на то, чтобы сделаться моим женихом... Вы почти ежедневно настраиваете отца против меня и заставляете его подчинить меня своей воле и вашему решению!.. Я боролась сколько могла... Я положила все свои силы на эту борьбу!.. Теперь я вижу, что дальше бороться не в состоянии... Я пришла к вам, как к честному человеку, просить... Просить, во-первых, отказаться от видов на меня и, во-вторых, прекратить знакомство с моим отцом, перестать нас посещать...

Куликов слушал ее внимательно; его обычная злая, нехорошая улыбка не сходила все время с губ, но Ганя ни разу не взглянула ему прямо в лицо и не видала этой улыбки. Когда она кончила, Куликов готов был расхохотаться, но он сдержался и отвечал:

– Не слишком ли многого, Ганечка, вы у меня просите? Вы сами говорите, что я ваш жених, что бороться вы больше не можете, значит, должны уступить... По вашим же словам, я пользуюсь доверием и расположением вашего папеньки, человека богатого и почетного, с которым я могу породниться. Ради чего же я откажусь от всего этого?

Девушка задумалась.

– Я думаю, что вы, как честный человек, не захотите насильно, против воли пользоваться...

– Против чьей воли? Вы сами же говорите, что папенька ко мне расположен?

– Я говорю о себе, господин Куликов.

– Но почему же вы думаете, что ваша воля для меня дороже воли вашего отца?

– Потому, что вы собираетесь жениться на мне, а не на отце!

– Но сделаться зятем, ближайшим помощником вашего отца... К тому же вы забываете, что воля молодой девушки может меняться, может оказаться ошибочной, тогда как воля почтенного, старого человека должна бы, казалось, и для вас быть священной.

Ганя опустила голову. Из глаз покатались слезинки.

– А я мечтала! Думала, что вы... вы – порядочный человек!

– Сударыня! Какое вы право имеете меня оскорблять?

– Вы обманули, обошли отца и, разумеется, хотите пожинать плоды своего обмана, а я мечтала о вашем великодушии.

– Ганя?! Что это за объяснения?!

– Поймите же, что я вас ненавижу и никогда, никогда не буду вашей женой! Слышите ли? Никогда!

– Полноте, Ганя, любовь и симпатия супругов легко изобретаются впоследствии. Поверьте, что если мне удастся сделаться вашим мужем, а в этом я нисколько не сомневаюсь, то я сумею заставить вас любить и уважать меня.

Глаза Куликова заискрились так, что Ганя почувствовала его взгляд на себе и инстинктивно подняла голову. Встретившись глазами с ним, она вся задрожала от страха.

– Иван Степанович! Еще раз умоляю вас – оставьте меня! Ради всего святого умоляю вас: оставьте, откажитесь.

Куликов засмеялся:

– Не просите, Ганя, невозможного. Если бы на моем месте был ангел с неба, то и тот не внял бы вашим мольбам. Слишком вы хороши!

И он взял руку девушки, но она быстро ее отдернула.

– Значит, никакой надежды на пощаду с вашей стороны нет?

– Ах, какая вы, Ганя, наивная! Вы приходите просить, чтобы человек отказался от богатой красавицы-невесты, которая вся в его власти, а что же вы взамен этого предлагаете? Ну, допустим, я внял бы вашим просьбам, порвал бы с вашим домом все связи, а затем... что же дальше?

– Дальше... Ничего...

– Вот видите! Я потеряю красавицу-жену с хорошим приданым и взамен этого получу... ни-че-го?! Нет, давайте говорить, что же в самом деле вы могли бы мне предложить «на мировую» за мой отказ.

– Мне нечего предложить... У меня ничего нет!..

– Ай-яй-яй! И с такими ресурсами вы идете просить?! Неужели вы и поцелуя не дали бы?

Куликов хищническими глазами пожирал девушку.

– Наш разговор, кажется, перестал быть серьезным, – произнесла Ганя, – я вижу, что я ошиблась в своих мечтах...

– Мечтах о моем великодушии... Напрасно! Я, действительно, великодушен; но есть граница, за которой великодушие переходит в глупость... Я не хочу переходить эту границу... Но разве это не великодушно, что, беседуя целый час наедине с хорошенькой девушкой, я еще ни разу не поцеловал даже ее?

Ганя поспешно встала.

– Позвольте надеяться, что по крайней мере мой визит к вам останется тайной?

– Это что же? Опять требование великодушия? Разве я требовал вашего визита, просил вас пожаловать? Почему же я не должен говорить об этом хотя бы, например, вашему папеньке?

– Я прошу вас...

– Опять прошу, прошу и прошу. Все только просьбы. Приучайтесь, Ганя, не просить, а требовать, не выпрашивать, а расплачиваться! Вы желаете, чтобы я никому не говорил о вашем посещении? Извольте, но за это я желаю, чтобы вы позволили вас расцеловать. Вот мы и будем квиты, никому не придется просить. Поверьте, просьбы унижают человека, а вы...

– Молчите, негодяй! – произнесла девушка, выпрямившись и гордо подняв голову.

Куликов искривил рот, вскочив, схватил руку Гани и стиснул ее с такой силой, что она вскрикнула от нестерпимой боли.

– Вы, может быть, уже не к первому мужчине шляетесь на тайные свидания?! Знаешь ли ты, что в моей власти сделать с тобой что угодно?! Сколько бы ты ни кричала, никто тебя не услышит и никто не придет на помощь! Но я не сделаю этого, потому что скоро по праву, как муж, буду делать с тобой что захочу! И помни, ты дорого заплатишь мне за это оскорбление! А теперь я не выпущу тебя отсюда одну, а pošлю лакея за твоим отцом. Пусть он полюбуется на свою дочь, делающую визиты к холостым мужчинам.

Куликов с силой оттолкнул девушку в глубину комнаты и хотел позвонить.

– Ради бога! – упала Ганя на колени. – Не делайте скандала! Выпустите меня! Умоляю вас!

– Опять умоляешь! Опять зываешь к великодушию и в то же время наносишь оскорбления! Эх, ты! А еще умницей сльвешь, в школу ходила, образование получила!

Он опять взялся за колокольчик.

– Иван Степанович, – рыдала девушка, – пощадите!

– Дай мне клятву, что ты согласишься выйти за меня замуж! Клянись перестать мне сопротивляться!

– Не могу. Не могу. Пощадите!

– Поздно просить пощады! Теперь старик сам просить меня будет скорее повенчаться с тобой! Ты опозорила его седую голову! Вся застава завтра будет это знать! На тебя пальцами начнут показывать! Ворота дегтем вымажут!

– О, не говорите, не говорите, – ломала Ганя руки, ползая на коленях за Куликовым.

– Последний раз спрашиваю? Клянешься?

Ганя отвечала глухими рыданиями.

– Говори! – и Куликов взял в руки звонок.

– Клянусь.

– Клянись памятью матери!

– Клянусь...

– Ты помни! Если ты вздумаешь нарушить клятву, я сейчас же расскажу о твоём визите отцу. А чтобы ты не думала, что никто не видел тебя, я прикажу слуге провести тебя, и ты не смей закрываться вуалью.

Куликов позвонил. Явился буфетчик.

– Проводи, – сказал он, – девицу Петухову. Она приходила ко мне, как к своему жениху. Недельки через две наша свадьба. Правда, Ганя?

– Правда, – тихо произнесла девушка.

– Ну, прощай, дай я тебя поцелую.

Он подошел к девушке и поцеловал ее в губы. Ганя не сопротивлялась, но он почувствовал, как она вздрогнула всем телом.

12 Борьба

Сказать все мужу, или...

Елена Никитишна погрузилась в раздумья, и на лице ее появились морщинки. За эти несколько дней после загадочного разговора с Куликовым она осунулась, как бы постарела, похудела и сделалась еще более сумрачной. Она страдала и томилась не столько от страха, сколько от воскресших воспоминаний и проснувшейся совести. Темное прошлое, успевшее покрыться пеленой забвения и стусеваться всепоглощающим временем, вдруг восстало в памяти, как будто это было вчера или третьего дня. Призраки исчезнувшего мужа, умершего любовника, какого-то таинственного Макарки-душегуба стояли у нее перед глазами. Она видела перед собой дом в Саратове, где они жили, беседку в саду, где Сериков предложил ей избавиться от нелюбимого мужа; крутой берег Волги, где под старой березой была приготовлена заблаговременно могила для живого, здорового человека. Правда, во всем этом она не принимала ни малейшего участия, но... но разве не в ее власти было спасти мужа, предупредив его о сговоре?! А подложное письмо из Петербурга, которое она показывала всем, как полученное будто бы от мужа?

Она сама перестала верить в убийство мужа после крушения корабля. Почему же он во все время до отъезда не написал ей ни слова? И когда же это бывало, чтобы он отправился в Америку, не дав ей даже знать об этом?!

– Нет! Несомненно, они убили его тогда! Но... Но откуда же Куликов знает ее мужа? Что именно он знает?! А вдруг... вдруг он знает больше, чем она?! О, Господи!

Елену Никитишну бросало то в жар, то в холод. Она не находила себе места.

– Как поступить? Пойти к Куликову... Нет, ни за что! Сказать все мужу!.. Тоже невозможно... Ведь поверит ли он еще, что она воистину сама ничего не знает.

Илья Ильич видел странную перемену в жене и терялся в догадках, чему это приписать. Он хотел уже пригласить доктора, но Елена Никитишна резко протестовала:

– Не надо! Я совершенно здорова... Мне просто не по себе! Оставьте меня, пожалуйста, дай успокоиться...

Но могла ли она успокоиться? Напротив, с каждым днем ее беспокойство, волнение и угнетенное состояние все увеличивались. Однажды вечером, когда мужа не было дома, горничная подала ей письмо, принесенное каким-то посыльным.

Она быстро разорвала конверт... На маленьком клочке бумажки значилось:

«Я жду вашего ответа только до завтра. Буду ждать весь день».

Подпись «И. Куликов»... без всякого «имею честь»...

Елена Никитишна вызвала горничную.

– Посыльный ждет ответа?

– Никак нет, он подал письмо и ушел...

– Хорошо...

Она опустила руки и сидела, уставив взор в пространство.

– Господи! Я, кажется, с ума сойду! Нет, надо пойти! Нечего делать! Что бы ни было – все лучше этой неизвестности!..

И она стала ходить по комнате. Вернувшийся Илья Ильич тихонько вошел в залу.

– Леля, что это за письмо ты получила? – спросил он, указывая на валявшийся конверт.

Елена Никитишна вздрогнула от неожиданности и, быстро схватив записку, спрятала в карман.

– Ах, ты испугал меня! Можно ли так подкрадываться!..

– Я не подкрадывался! Я тихонько вошел, потому что не хотел тебя потревожить... Но что это за письмо, которое ты спрятала в карман?

– Это записка от моей портнихи...

– Покажи?

– Нечего смотреть... Не покажу!

– Леля, покажи, я тебе говорю.

– Не покажу!

– Я, наконец, требую как муж!

Елена Никитишна остановилась, смерила мужа взглядом и произнесла:

– С каких пор это вы стали требовать?! Вы забываете, что я свободна и, если вам угодно, мы можем сейчас же разъехаться!! А шпионить за собой я вам не позволю! Вам нет дела до моих писем, как и мне до ваших! Я вам сказала, что записка от портнихи, и больше ничего не скажу!..

– А, теперь я все понимаю!! Теперь понятно и ваше странное поведение, и ваша мнимая болезнь. Вы, сударыня, завели себе любовника и страдаете, что не можете от меня отделаться!

– Молчите, – произнесла грозно Елена Никитишна. – Вы говорите вздор! Но если бы я вздумала полюбить, поверьте, разрешения у вас не спросила бы и прятаться не стала бы!..

Илья Ильич стоял как убитый. Весь запас его угроз истощился и, как всегда, не привел ни к чему. Он смотрел на жену и вдруг зарыдал.

– Леля, ангел мой, счастье мое, скажи, что с тобой делается? Ты на себя не похожа, целые дни мучаешься, бегаешь из угла в угол, получаешь письма, которых не можешь мне показать... Леля! Что это?!

Илья Ильич, несмотря на свою тучную представительную фигуру, был в эту минуту так жалок, что Елена Никитишна забыла свое собственное горе и подошла к мужу. Она обняла его и тихо произнесла:

– Поверь, милый мой, что я и в мыслях даже не думала изменять тебе, никого не люблю, кроме тебя, и не мучай себя напрасно!..

– Я не знаю, Леля, – говорил рыдающий Илья Ильич, – но что-то такое есть у тебя, чего ты не говоришь мне... Я хорошо тебя знаю, привык к твоему спокойному, хладнокровному, невозмутимому характеру, а теперь ты сама не своя: волнуешься целые дни, меняешься в лице и, мне кажется, страдаешь... Скажи, ангел мой, все, скажи откровенно, подробно и мы вместе обсудим, постараемся помочь беде!

– Уверю тебя, у меня ничего нет!

– Отчего же ты не показываешь письма?

– Я хочу, чтобы ты верил мне! Я сказала тебе, что от портнихи, и ты должен верить.

– Леля! Меня поздно уже учить, воспитывать. Если все дело только в дрессировке, то покажи письмо! Тогда я успокоюсь и, клянусь, буду всегда тебе верить!

Елена Никитишна колебалась с минуту.

«Сказать ему все? Показать записку? А после что? Куликов предаст ее в руки правосудия, и никто, даже муж, не поверит ее невинности. Главный свидетель умер. Что она скажет в свое оправдание? Вся ответственность ляжет на нее».

– Ты колеблешься, Леля?! Видишь, я угадал, что у тебя есть тайна, которую ты прячешь от меня! До сих пор у нас не было тайн друг от друга.

– У меня нет, милый, от тебя тайн, но я колеблюсь, уступить ли тебе и отдать эту дурацкую записку... Нет, не хочу; ты должен уважать меня и верить!

Она поспешно вынула записку, небрежно показала ее издали мужу и тут же порвала в клочки, только фамилию «Куликов» она незаметно вырвала и зажала между пальцами, а клочки бросила в угол.

– На, собирай и читай, если хочешь, – прибавила она, смеясь, и поцеловала его в лоб.

Илья Ильич ожил, бросился целовать жену и весь его припадок прошел. Опять живой, веселый, с распухшими только глазами, он стал шутить:

– Ах, я дурак старый! Чуть было не приревновал тебя. И знаешь, к кому? К Куликову! Ха-ха-ха!

– К Куликову, – переспросила Елена Никитишна слегка дрогнувшим голосом. – Почему к Куликову?

– Да представь себе, что каждый раз, когда я у него бываю, он все спрашивает о тебе, интересуется разными мелочами, пристаёт ко мне с пустяками, точно влюбленный жених.

– Разве ты у него бываешь?

– Не у него, а в его «Красном кабачке». Он сейчас же подсаживается и начинает толковать. Что ни слово, то все о тебе. Я сегодня с ним даже поругался из-за этого.

– И сегодня ты у него был?

– Да, вот прямо от него.

Елена Никитишна сделала брезгливую гримасу.

– Хорошо же ты меня любишь, если мог приревновать к такой гадине, как этот Куликов! За кого же ты после этого меня считаешь?

– Прости, Лелечка, глупость, конечно, но ведь Куликов вовсе не плохой человек, и я не знаю, отчего он тебе так не нравится?

– Поди ты! Нашел человека! Кабатчик, содержатель вертепа!

– А представь, мне он нравится? Мы с ним даже на брудершафт выпили! Он такой добродушный, простой.

– Тебе с пьяных глаз все кажется в розовом свете!

– Ну, слава богу, что все кончилось по-хорошему! Мне кажется, ты даже лучше себя чувствуешь. Правда?

– Да, я совсем здорова. Тебе кажется только, что все.

– Хорошо, так хорошо! Давай бог! Я побегу, Лелечка, по лавкам! До свидания, мое сокровище.

– Чем в кабаках с жуликами сидеть, лучше бы дела делал.

– Не сердись, дружок, больше ноги моей у Куликова не будет, – проговорил Илья Ильич, уходя.

Елена Никитишна осталась одна. Начинало смеркаться.

«Что же, – думала она, – надо идти. А этот еще ревновать вздумал! Увидит кто-нибудь меня там – и пропала! Господи! Что мне делать?!»

И опять мрачные мысли о далеком минувшем целой волной хлынули на измученную Елену Никитишну. Она упала на диван и взялась за виски. Голова горела.

– Нет, не пойду! Пусть делает что хочет! Суд, Сибирь, каторга легче, чем это мучение! А может быть, он и не знает ничего?! Ведь прошло уж столько времени.

И Елена Никитишна, остановившись на этом решении, казалась несколько успокоенной. Она решила даже выйти погулять, пройти к мужу в лабаз, предложить ему поехать куда-нибудь: в театр, концерт или в гости к кому-нибудь. Ее начинало тяготить одиночество. Она позвонила горничной, оделась и вышла. Погода была прекрасная, вечер теплый, на улице тихо, дышалось легко.

«Убийца, убийца, – мелькало у нее в уме, – сейчас явится полиция, арестуют, начнется следствие, выколют труп».

– Господи, – ужаснулась она. – Ты свидетель, виновна ли я в этом? Тяжело мне было, но разве я согласилась? Если бы не обморок, я не допустила бы этого!

«А с убийцей ты венчаться собралась, – говорил громко голос внутри. – Почему ты тогда не пошла заявить куда следует? Может быть, он жив еще был! Зачем приняла подложное письмо?!»

Елена Никитишна испугалась этого голоса. Сердце забилося так, что она должна была остановиться, и схватилась за грудь.

– Да что же это со мной?! Нет! Пойду к Куликову!

Она повернула назад и пошла быстрыми шагами. На дороге ей встретился мальчик из их лабаза.

– Где хозяин?

– Сейчас ушли куда-то.

– Домой?

– Не могу знать.

Елена Никитишна ускорила шаги. Проходя мимо своего дома, она позвонила и спросила горничную:

– Барин дома?

– Нет, не приходили.

– Если придет, скажите, что я погулять вышла и скоро вернусь.

– Слушаюсь.

И она почти бегом пустилась к заставе. «Красный кабачок» был по левой стороне, около самых заставных ворот. Вот показалась уже и вывеска кабачка. Елена Никитишна не думала ни о чем, не замечала прохожих и бежала.

– Леля, Леля! – послышался голос сзади.

Она обернулась и увидела догонявшего ее мужа.

13

Мир водворяется

Между стариком Петуховым и его дочерью водворилось прежнее согласие, любовь и мир. Произошло это вполне неожиданно для старика. Однажды вечером, когда он, по обыкновению, сидел над своими счетами, вошла Ганя и тихо подошла к нему.

– Папенька! Если вы хотите, я согласна выйти за Куликова.

Петухов не поверил ушам, отодвинулся от стола, сбросил с носа очки и переспросил:

– Повтори, повтори, что ты сказала? Так ли я понял?!

– Если вы хотите отдать меня за Куликова, я согласна.

– Ах, ты голубушка моя, умница, да что же такое приключилось? Почему ты надумала? Что тебе в голову пришло меня, старика, пожалеть?! Ну, обними меня, доченька моя!

Ганя приласкалась к отцу и продолжала:

– Я много думала, папенька, и пришла к тому, что самое лучшее мне исполнить вашу волю. Вы не будете сердиться, да и я все-таки пристроюсь. Рано или поздно придется ведь выходить замуж. Может быть, Иван Степанович и в самом деле, не дурной человек, вы лучше ведь людей знаете, а я... я постараюсь его полюбить.

Ганя говорила дрожащим голосом, сама пугаясь своих слов, и слезы готовы были выступить у нее на глазах. Старик отец не заметил этого волнения или приписал его вообще новым ощущениям девушки и, не скрывая своего удовольствия, говорил:

– Уж как я рад, Ганя, что ты образумилась! Поверь, лучшего жениха тебе не сыскать! Куликов – человек деловой, умный и добрый. Он будет хорошим мужем. Ты будешь счастлива с ним. Неужели, посуди сама, я не желаю тебе добра?!

– Знаю, знаю, папенька, потому-то я и решилась! Только об одном я попрошу: не торопите очень свадьбой. Я хочу приготовить все не спеша. Пожалуйста, скажите Ивану Степановичу, что вы сами назначили свадьбу на Красную Горку.

– Ой! Что ты! До Красной Горки еще больше полгода! Нет, разве после Крещения, если уж не хочешь теперь...

– Ну, хорошо! А если он будет торопить, вы скажите, что это ваша воля!

– Скажу, скажу! Вы еще мало знаете друг друга, вам надо ближе сойтись, познакомиться. Это ничего. Пусть подождет. Спасибо, спасибо, дочка! Вот обрадовала меня, а то я своей Гани не узнал совсем! Теперь ты опять моя любимая доченька! Молодка, будь веселенькой, невесте не полагается грустить.

Ганя поспешила уйти, чтобы не разрыдаться и не выдать себя. Тимофей Тимофеевич не мог вытерпеть, чтобы не поделиться неожиданно новостью со своим приятелем, и послал за Куликовым. Иван Степанович явился через несколько минут.

Старик вышел к нему навстречу.

– Молись, – показал он ему на образа.

Они вместе перекрестились несколько раз, затем Тимофей Тимофеевич обнял его и трижды поцеловал.

– Поздравляю. Ганя сейчас приходила мне объявить, что она согласна выйти за тебя замуж, если ты сделаешь формальное предложение. Слава богу! Она образумилась, покори-лась и мне не надо теперь принимать против нее никаких мер. Больно было до слез ссориться с единственной дочерью. Ведь она не помнит своей матери, я почти с пеленок с нею нянчусь. Ангел девушка. Ну, Иван Степанович, будешь ты меня по гроб жизни благодарить за жену! Таких жен в наш век не много!

Куликов склонил голову на сторону и с самой умильной физиономией произнес:

– Не оратор я, Тимофей Тимофеевич, не умею высказать, что чувствую, но я до слез тронут... Вы... вы... благодетель мой, и сам Господь послал мне вас!.. Позвольте мне с этой минуты звать вас папенькой... Папенька! Дозвольте мне поцеловать вашу ручку!

– Полно, полно, Иван Степанович, ведь я о своей дочери пекусь! Дело обоюдное! Я тоже тебя благодарить должен... Ты будешь мою дочь беречь, лелеять, любить...

– Уж как икону беречь буду! На руках носить! Такого счастья я и не мечтал получить никогда...

– Я тебе за дочерью дам кроме тряпок пятьдесят тысяч рублей, а помру – все вам останется...

– Полно, папенька, пустое говорите, ничего нам не надо. Я прокормить могу жену, а вам дай бог дожить до взрослых внучат! Сумеем мы с Ганей вас поберечь!

– Спасибо на добром слове, а все-таки я без приданого дочери не отдам замуж! Одна ведь она у меня!.. Хочешь не хочешь, а пятьдесят тысяч я Гане даю... Не могу вот я только понять, что это с ней случилось? Почему она вдруг так переменила о вас свое мнение? Вы не видались с ней эти дни?

– Нет, я с ней почти совсем не видался! Мы, за все время нашего знакомства, десять слов не сказали друг другу!.. И я-то поражен таким неожиданным счастьем!

– Так или иначе, а я рад. Слава богу, что все так обошлось!

– Папенька! Что я вас попрошу! Позвольте пригласить вас сейчас ко мне, мы выпьем шипучего бутылочку за наш сговор!

– Что ты, милый! Мы и здесь выпьем! Ты не думай, что ты трактирщик, так у тебя погреб большой. У меня, пожалуй, погреб не хуже твоего!

Тимофей Тимофеевич позвонил.

– Попроси дочь принести нам бутылку старого цимлянского и три бокала, да пусть сама придет.

– Что ж, папенька, честным пирком и за свадьбу! Откладывать нечего... Правда?

– Нет, мы с дочкой решили после святок... Спешить-то очень не след... Ты сам говоришь, что десяти слов еще с невестой не сказал...

– Наговоримся еще! Нам ждать-то некого... Дело решенное... До святок почитай четыре месяца. Еще помереть можно.

– Воля Божья. Помрем – значит, не судьба. Ганя просила не торопиться. Она обдумать все исподволь хочет. Это ничего, резонно. Я обещал...

– Ваша воля, папенька, закон, как прикажете, а буде Агафья Тимофеевна сама пожелает ускорить...

– Разумеется, это ее воля! По мне, хоть завтра венчайтесь.

Двери распахнулись. Один из рабочих нес на подносе бутылку с бокалами, а за ним, как приговоренная к смерти, шла с распухшими глазами Ганя.

– Это что, – удивился старик, – ты опять плакала? Чего же ты?!

– Нет, это так, – проговорила Ганя, протягивая руку.

– Извините, Агафья Тимофеевна, на правах жениха я прошу в губки! Папенька, разрешите?

– Разрешаю, разрешаю! Теперь можно!

– Позвольте, Агафья Тимофеевна, выпить, – произнес Куликов, – ваше здоровье как моей невесты.

Он потянулся за бокалом и, обняв девушку за талию, хотел прижать ее к себе и поцеловать. Ганя энергично высвободилась и, вздрогнув от отвращения, робко произнесла:

– Пожалуйста, без поцелуев, я не привыкла.

Тимофей Тимофеевич расхохотался.

– Не привыкла, не привыкла, девчурочка, погоди, муженек приучит! Ха-ха-ха...

– Ну, во всяком случае, пьем ваше здоровье, Агафья Тимофеевна.

Старик взял бокал, Ганя – тоже. Они чокнулись и отпили по глотку.

– Я тебя, Ганя, пропиваю, – начал Тимофей Тимофеевич, – дай бог тебе так же счастливо жить с мужем, как ты жила с отцом! Не знаю, придется ли мне порадоваться на ваше житье! Но вы уж не маленькие, проживете и без меня, старика.

Они допили стаканы. Слуга налил вторично. Первый опять взял Куликов.

– Позвольте, папенька, теперь выпить ваше здоровье. Вы вырастили свою дочь и осчастливили меня такой женой, что нам остается только наслаждаться.

– Спасибо, Иван Степанович, но я предлагаю лучше выпить твое здоровье, потому что вам с Ганей предстоит впереди еще целая жизнь, а мне уж и помирать можно. Я свое дело сделал, а ты вот береги себя и мою дочь! Ганя, пьем за твоего жениха.

Бокал дрожал в руке девушки, когда она тянулась чокаться. Смертельная бледность покрывала ее лицо. Она не могла произнести ни слова.

– Теперь, детки, вы посидите, поворкуйте, а я схожу на фабрику, – сказал старик и тяжелой поступью направился к двери. Ганя хотела закричать ему «постой, не уходи», но, взглянув на Куликова, сразу потеряла всю энергию и обессиленная опустилась на кресло. Они остались одни.

– Агафья Тимофеевна, – начал ледяным голосом Куликов, – вы забыли ваше обещание.

– Кажется, вы видите, что я не забыла.

– Почему вы откладываете свадьбу до святок?

– Это желание отца.

– Неправда, Тимофей Тимофеевич сейчас мне говорил, что это ваше желание, которое он готов исполнить, но для него безразлично, хоть завтра под венец.

– Я не давала обещания венчаться завтра.

– Но вы забываете, что без моего согласия не вправе назначать срок. Я желал бы венчаться во всяком случае до рождественского поста и не позже как через месяц.

Ганя сидела ни жива, ни мертва, с свалившимися глазами. За это время, со дня появления Куликова, она похудела и подурнела до неузнаваемости. Но сегодня вид у нее был особенно убитый.

– Иван Степанович, я откровенно вам скажу, что для меня легче было бы лечь в гроб, чем идти с вами под венец.

– Странная откровенность! Вы могли бы таких откровенностей и не говорить жениху! К тому же теперь, мне кажется, эти разговоры уже запоздали и совершенно излишни. Вы гораздо больше выиграли бы, постаравшись примирить как-нибудь наши отношения. Не забывайте, что очень скоро я буду говорить с вами как муж.

– Муж?! О, боже! Нет, нет, я не могу, я не в состоянии.

Ганя откинулась на спинку кресла и казалась упавшей в обморок. В эту минуту вошел Тимофей Тимофеевич.

– Что с тобой, Ганя? Тебе дурно?!

– Ничего, ничего, – поспешил успокоить Куликов. – Агафья Тимофеевна не привыкла не только целоваться, но и пить цимлянское. А тут и то, и другое, так сразу, вдруг. Ничего, это скоро пройдет, не беспокойтесь... Вот уж ей и лучше.

– Ганя, ты здорова?

– Здорова, папенька, это пустяки!..

– А мы с Агафьей Тимофеевной толковали тут, как бы ускорить свадьбу. Она соглашается до рождественского поста венчаться, только боится не успеть со всеми приготовлениями. Я обещаю помочь всеми силами, посвятить все дни, и мы надеемся в месяц все справиться. Правда, Агафья Тимофеевна?

– Да, да, правда, я обещаю, я согласна, – прошептала девушка, делая усилие, чтобы подняться. У нее страшно заболела голова, и она схватилась за лоб.

– Видите, как все хорошо устраивается, – произнес Куликов.

– В добрый час! И по мне, чем скорее, тем лучше! Дело ваше, дети.

– О, папенька, как вы добры к нам! Агафья Тимофеевна, у вас с шампанского, верно, голова не по себе, вы пошли бы отдохнуть.

– Поди, Ганя, поди.

– И я откланяюсь, папенька, мне надо еще по делам пройтись. Завтра утром я забегу невесту посмотреть. Агафья Тимофеевна, вашу ручку.

Куликов поцеловал руку девушки, поцеловался с Петуховым и пошел к двери.

Встала и Ганя. Пошатываясь, бессмысленно вперив куда-то взгляд, она ощупью направилась за Куликовым. Но он был уже далеко.

– Смотрите, Агафья Тимофеевна, завтра чтобы молодцом быть, – слышался его голос.

14

На Горячем поле

– Настенька, – воскликнул Тумба, – ты уложила своего бутуза; иди-ка, посиди с нами. Смотри, Рябчик нас обыгрывает...

Настенька, спокойно, с достоинством на своем красивом лице, в довольно изящном черном платье, подошла, сложив руки на груди, к Тумбе и стала за его спиной. Игра шла в банк, который заложил Рябчик. Понтировали на серебро, только Пузан и Тумба ставили скомканные бумажки. Всех играющих было больше 20 человек. Некоторые играли пополам с другими или были в доле у играющих. Игроки увлеклись ставками. Тишина нарушалась только редкими возгласами при расчетах, когда возникало сомнение. Тумба взял руку Настеньки и приложил ее к своим губам.

– А ты не хочешь попробовать счастья? – спросил он ее.

– Ты знаешь, я терпеть не могу карт.

– Что это за Настенька у него? – спросил Сенька-косой у своего товарища Федьки-домушника. Они не играли и стояли поодаль.

– А разве ты не знаешь ее? Это, брат, особа из редких. Она года два тому назад была певичей в Приказчиьем клубе и водила за нос одного старика со звездой Льва и Солнца. Ей теперь разъезжать бы на рысаках, а она полюбила вот Тумбу, пошла за ним. Сначала они в городе жили, но, после разгрома в Конюшенной улице, пришлось сюда переселиться. Сыскная полиция разыскивает его по двадцати восьми кражам и грабёжам. Рисковать-то ему к ней ходить нельзя было, следили. Он и предложил ей сюда переселиться. Видишь, как отлично устроились! Зимой он ее с ребенком отсылает в деревню, а летом здесь вместе живут.

– А ее не ищут?

– То-то поговаривают, что и ей, кажется, эту зиму здесь придется провести! В нее Васька-форточник влюбился и из ревности выдал их сыщику, рассказав все, как они живут. Пожалуй, теперь и ей не миновать этапа, если поедет в деревню.

– А хороша ведь.

– Да, недурна. И фигурой, и рожицей взяла!

– Она, стало быть, участия не принимает в его работах?

– Нет. Видишь, какое она ему гнездышко устроила! И Тумбачонок маленький, и пища горячая, и уголок мягкий, теплый. Худо ли ему? Если бы нам с тобой по такому домику?! Умирать не надо!

– Это верно! Хорошая баба дороже всего! Всю жизнь скрасит.

Не безынтересно познакомить читателей с личностями Сеньки-косого и Федьки-домушника. Оба они начали свою карьеру в Вяземской лавре под ближайшим и непосредственным руководством Макарки-душегуба, который, после убийства семьи купца Смирнова и Алёнки, бесследно исчез из Петербурга. Сенька сделался преемником Макарки в Вяземской лавре. Он до сих пор наводил грозу на всех обитателей лавры. Курчавые волосы свешиваются в беспорядке на лоб и почти закрывают сильно разбегающиеся глаза. Густая растительность на щеках какими-то клочьями покрывает весь низ лица так, что издали он похож на какого-то орангутанга. Несмотря на свои 30–32 года, он выглядит стариком: совершенно желтая кожа лица и рук покрыта морщинами. Страх, который вселяет Сенька, объясняется его заведомой жестокостью.

Всем памятен изрубленный в котлету труп, найденный в стеклянном коридоре лавры. Многие видели, как Сенька душил и после рубил рябого Степку, сдавшего его полиции, но никто не смел сказать об этом, и Сенька вышел из суда оправданным. Долго не могли забыть, как Сенька заманил в лавру богатого купца, обобрал его, задушил и выбросил тело на двор. Так

никто после и не узнал, кто был этот человек, а в убийстве хотя и подозревали Сеньку, но улик никаких не было. Десятки раз Сеньку ловили, судили и всегда оправдывали, потому что на суде он защищался лучше всякого адвоката, а все дела свои обставлял так ловко и осторожно, что с поличным поймать его не удавалось. Сотни раз полиция его высылала, но всякий раз он тотчас же возвращался, потому что без труда убежал с этапа, не доходя даже до места административной высылки. В конце концов, на него рукой махнули и отступились, а товарищи-бродяги с умилением взирали на него как на достойного преемника Макарки-душегуба. Однако сходитья или дружитья с ним никто не решался за исключением одного Федьки-домушника.

Этот Федька – беглый из Сибири поселенец, успевший на своем веку загубить тоже немало христианских душ... Его специальность влезать в квартиры и дома для совершения краж – и отсюда его прозвище. Оба одних лет, одного внешнего вида и одних инстинктов, они сошлись близко и большую часть преступлений совершали сообща, вместе. Раньше их было трое, но третий – Ворон – исчез с прошлого года вот при каких обстоятельствах. Однажды в окрестностях Новгорода, в лесу, они повесили одного встретившегося им молодого человека. Просто повесили! Напали, повалили, сделали петлю и вздернули на дерево. А пока несчастный умирал в агонии, они его раздевали и грабили. После, при дележе добычи, Ворон остался недоволен и, ругаясь, погрозил, что он их выдаст.

Сенька переглянулся с Федькой – и участь Ворона была решена. Одним прыжком Сенька повалил Ворона, надавил на грудь коленом и стиснул горло пальцами. Федька быстро приготовил петлю, и через минуту Ворон висел рядом с окоченевшим уже юношей.

Когда на другой день новгородские власти нашли трупы повешенных, Сенька с Федькой были уже далеко.

Тумба, игравший довольно рассеянно, заметил пристальные взгляды подвыпивших друзей, любовавшихся Настенькой, и шепнул ей что-то на ухо. Настенька ушла в свою хату, к Тумбачонку. Игра принимала все более крупный и азартный характер. Рябчик, выигравший сначала около 300 рублей, стал теперь проигрывать. Скоро он объявил, что денег в банке нет.

– Без денег, брат, нет игры. Пусть другой закладывает банк.

– Дайте я заложу, – предложил Сенька-косой.

– Закладывай.

Сенька вынул пачку кредиток и бросил на траву.

– Ишь ты, и деньги-то в крови, не мог руки раньше вымыть! – укоризненно произнес

Тумба.

– Ладно, все равно. Не привыкать вам к крови-то!

– Тасуй карты.

– Отвечаю не больше ста, – произнес Сенька.

– Ого! Высока, значит.

Со всех сторон посыпались деньги. Сенька играл спокойно, хладнокровно. Отдавал и брал куши без всяких замечаний и возгласов.

– Банк утроился, – произнес он, пересчитывая грудку кредиток, – я кончил.

– Мечи еще.

– Не хочу.

– Что ж ты обыгрывать нас пришел?

– Я кончил по правилам.

Он напихал кредитки в карманы и вышел из круга.

– Ну, давайте я теперь заложу, – объявил Федька.

– Вот мы хотим, чтоб Сенька метал.

– А я не стану, – произнес он.

– Братцы, не ссориться, – вмешался в спор Тумба, – пожалуйста! Сенька утроил банк – и его право прекратить игру. Не все ли вам равно, кто мечет; ну я заложу.

– Зачем он уважить нас не хочет! Здесь не Вяземская лавра, мы его не боимся! Пусть играет.

– Не буду, – дразнил Сенька. Тумба подошел к нему.

– Я вас попрошу не заводить у меня скандала. Вы имеете право не играть, но дразнить моих гостей не смеете! Долг вежливости и товарищества обязывал бы вас сыграть, хотя вы можете этот долг не исполнить. Но во всяком случае поведение ваше заставляет меня просить вас оставить нашу компанию.

– Это изгнание?!

– Принимайте как хотите... Я не приглашал вас...

– Мы, кажется, привыкли все являться без приглашения и уходить против воли, но здесь я не разбойник, а гость!

– Вы гость незванный, а я хозяин, исполняющий желания гостей...

– Таких же бродяг, как и ты сам!..

– Но несколько не хуже тебя, – ответил Тумба, и в воздухе раздавалась звонкая пощечина. Удар был так силен, что Сенька упал. Вскочив на ноги, он бросился на Тумбу, но десятки рук оттащили его. Федька попробовал было выступить на защиту товарища, но его сейчас же оттерли.

– Ребята, – произнес Рябчик, – давайте пороть его!.. Пропишем ему полсотни ремennых...

– Браво, браво...

Несколько человек потащили Сеньку в кусты. Скоро оттуда стали раздаваться равномерные удары и монотонный свист в воздухе от взмаха ремня. Криков не было слышно...

– Довольно, братцы, – просил Тумба, – отпустите его...

– Прибавьте еще за меня пяток, – раздались возгласы.

Наконец все стихло. Товарищи вернулись, и игра продолжалась как ни в чем не бывало.

Сенька не мог сам встать. Федька взвалил его себе на плечи и потащил лесом к дому.

– Ты теперь смотри, Тумба, да поглядывай, как бы Сенька тебе не подстроил чего.

– Не подстроит! Он знает, что я тоже шутить не умею. У нас в тайге, в Енисейской губернии, за такие штуки против товарищей короткий суд: связывают по рукам и ногам и кладут на муравейник на съедение муравьям. И здесь с ним то же будет, если посмеет!

– А все-таки Настеньку ты поберегай. Не таковский человек Сенька, чтобы простить обиду.

– Сам виноват.

– Сам-то сам, а все-таки выпорол-то он не сам себя!

Солнце было уже высоко, когда товарищи кончили игру. Тумба предложил выпить разгонную. Встала Настенька, спавшая не раздеваясь. Все начали чокаяться, благодарить хозяев.

Через полчаса лужайка опустела. Тумба остался один со своей семьей. Он потянулся, зевнул и полез в свою хижину. Измученный Тумба скоро захрапел богатырски. Не спала только Настенька, укачивавшая ребенка. Вдруг она услышала какой-то шорох около хижины и увидела огненные языки. Она стала расталкивать мужа, но тот спал беспробудно. В хижине нельзя уже было дышать от дыма, когда наконец Тумба протер глаза, вскочил и стал отворять дверь. Она не подавалась, несколько сильных ударов плечом не могли распахнуть дверь. Дыму набралось столько, что Настенька с ребенком лежали уже неподвижно. Сам Тумба терял сознание.

15

Таинственный гость

Туманная, холодная, мокрая петербургская осень вступила в свои права и сделала окраины города непроходимыми. Топкая, жидкая грязь толстым слоем покрыла улицы, тротуары, а постоянная мокропогодица сверху окутывала обитателей пронизывающей сыростью. Неприглядны в эти осенние дни окраины столицы; но бойкие торговые заставы, где грязь превращается в месиво от постоянной сутолоки рабочего простонародья, представляют еще более неприглядную картину. Бедность населения, убожество обитателей, нечистоплотность домов и лавок, грубость нравов, бесцеремонность в отрицании самых элементарных правил и условий общежития – все это лишает наши заставы не только столичного, но и, вообще, городского облика. Здесь на каждом шагу вы встречаете полуголых пропойцев, разгуливающих по улицам свиней и коров, зловоние и клоаки нечистот на самых видных местах. Загляните в лавки, постоялые двory, «фатеры» рабочих – и вы увидите такие циничные картины, о которых не имели даже понятия. Каждая застава имеет своих нескольких «тузов-торговцев», держащих на откупе всю торговлю. Они упрощают требования потребителей до такого минимума, что в одной и той же бутылке поочередно отпускают квас и керосин, а мясо и рыбу продают непременно с вонью. За все это взимается настолько приличная контрибуция, что самый свежий и лучший товар в городе обходится 1–2 копейки на фунт дешевле заставного. И заставные жители не ропщут, но зато они, в свою очередь, не церемонятся обращаться с улицей, лавками, общественными площадями и прочим, как с помойной ямой.

Простота нравов доходит до того, что летом мужчины и женщины открыто купаются в прудах и канавах среди белого дня. Но летом общая картина патриархальной грязи окрашивается самой природой, зеленью, растительностью; осенью же мерзость запустения представляется во всей своей неприглядной наготе. Без особой нужды в эти мрачные дни никто из степенных жителей не выползает из своих щелей; только рабочие толпами ходят на свои фабрики и заводы, да забулдыги пьяницы таскаются по кабакам. Приличный экипаж, порядочно одетый прохожий здесь такая же редкость, как солнышко в хмурый день. Неудивительно, что все заставные аборигены разинули рты, когда увидели ландо на резиновых шинах, с трудом пробиравшееся к «Красному кабачку». Правда, ландо было настолько все забрызгано грязью, что стенок его не было вовсе видно, а лошади по брюхо покрыты слоем грязи, но, тем не менее, появление ландо за заставой во всяком случае – выдающееся событие. Целая толпа народа провожала редкого «гостя», тыкая на экипаж пальцами и задавая друг другу вопросы:

– Кто бы это мог быть? Не ревизовать ли нас енерал какой приехал?

Ландо остановилось у подъезда квартиры Куликова. Двери распахнулись, и молодой господин скрылся в подъезде.

– Э-э-э... – протянул Никола-кузнец, постоянный гость «Красного кабачка», – я видел этого господина. Он как-то недавно приезжал к хозяину. только тогда он на простом извозчике был.

– И то, верно, верно, – подтвердила женщина, стирающая белье для кабачка, – он самый! Ишь ведь какой хозяин-то наш важный!

Куликов был дома. Он ждал посетителя и вышел сам ему открыть двери. Это был тот самый молодой блондин, с которым недели две тому назад Куликов вел у себя таинственный разговор о графе, его камердинере и прочем.

– Наконец-то, Игнатий, – проговорил Куликов, – а то я начинал уже беспокоиться! Вы мне будете теперь очень нужны. Скоро ведь моя свадьба; а я хочу покончить до свадьбы все дела; у меня, кроме вашего, большое дело с богатой купчихой Коркиной.

– Но почему, Иван Степанович, вы торопитесь кончать все? Разве будущая жена вам помешает, или вы собираетесь медовый месяц за границей проводить?

– Ничуть не бывало. Садитесь. Выпить хотите? У нас будет после свадьбы масса возни с тестем, заводом, его капиталами. Ох, знаете, у меня от всех этих дел голова кругом идет. Больно уж много всего сразу прикопилось.

– Но все, кажется, идет благополучно?..

– Не клеится только у меня с Коркиной. Она еще до сих пор не являлась.

– Что же думаете делать?

– Послал ей записку. Жду только завтра... А там нужно будет что-нибудь придумать. Ну, рассказывайте у вас что? Все готово?

– Через несколько часов мы должны быть там. Все необходимое у меня в ландо. У вас никаких препятствий нет?

– Нет... Значит, можно собираться? Хотите выпить, закусить?

– Лучше поедем, некогда теперь. Нужно ведь еще в два места заехать.

– Да, правда. Поедем.

Они наскоро собрались. Куликов порылся в своих комодах, достал несколько свертков, засунул их в карманы и, накинув на плечи пальто, вышел вместе со своим гостем. Скоро ландо запрыгало по ухабистой, болотистой дороге и скрылось из виду.

В такие ненастные осенние дни «Красный кабачок» торговал еще лучше, чем обыкновенно. Большинство посетителей, забравшись в теплый, гостеприимный уголок, неохотно покидало его, стараясь по возможности дольше не выходить из-под кровли. Когда ландо с таинственным гостем увозило хозяина, в «Красном кабачке» на обеих половинах все столы были заняты. Старший приказчик Антонов отвел в сторону хозяина черной половины, так звали Митрича, и стал с ним шептаться.

– А ведь с нашим хозяином-то что-то неладное.

– Что?

– Третий раз это ландо приезжает. Прошлый раз ночью приехал, какой-то шум в квартире был, возня и потом уехал вместе с хозяином.

– Ерунда! Иван Степанович человек холостой, мало ли каких ландо приезжает!..

– Нет, не тем пахнет. Тут все один и тот же белобрысый господин приезжает, шепчутся. Я наемдни подслушать хотел, а они друг другу все на ухо, в потемках, никого не было и все-то на ухо.

– Это-то ничего! А он наемдни меня призывает, да и спрашивает: не хочешь ли, мол, заведение мое купить? Доставай денег, я дешево продам.

– Да заведение не его; он сам арендует.

– Обстановка, посуда, это все его; права, контракт, вот это все он и продает. Дешево, говорит.

– Заведение доход дает хороший, а он совсем им не интересуется! Никогда не проверит. Я полторы красненьких в день себе оставляю, а он и не замечает!

– Да и я не меньше. Что ж на него смотреть?!

– Не торговый он человек! Никаких понятий нет купецких!

– И странный какой-то! Все у него таинственное что-то. Помнишь, с этим Гусем?

– А что?

– Да как же? Гусь – мазурик и душегуб первой руки, а ты посмотрел бы, как они всегда здоровались за ручку, целовались, вместе пили, и Гусь к нему на квартиру ходил. А ведь живет хозяин так, что не принимает никого к себе и, кроме нас, никто из слуг с докладом не смеет войти. Что твой министр или енерал. И вдруг Гусь – приятель, да еще какой.

– А последний раз, когда Гусь был у него, куда он исчез? Я сам впускал Гуся, сам запираю двери и хорошо знаю, что выйти иначе, как в окно, Гусь не мог. Неужели он в окно его выпустил? Да и зачем?

– Не могу понять! Знаешь, когда после слышались у нас в подвалах крики, мне все думалось, не Гусь ли попал туда.

– Пустое!

– Но куда же он мог деться? Я впускал его к хозяину, и никто не выпускал.

– Не привыкать-стать Гусю в окно уходить. А может, пьяный проспал до утра и ушел. Ерунда, вот, что хозяин продавать «Красный кабачок» задумал и жениться – об этом нужно подумать. Слушай, Митрич, возьмем у него вместе в аренду трактор. Дело хорошее. Он нам на выплату отдаст, а тысячи две мы достанем.

– Согласен. Возьмем. Я думаю, он, как женится, займется заводом теста, ему уж не до трактора будет.

– Смотри, не уехать ли вовсе думает! Больно у него таинственности во всем много!

– Намедни записку посылал к Коркиной, секретно велел вручить. И там дела какие-то! Ох, грехи одни.

– Митрич, Митрич, – раздались крики на черной половине. Буфетчик побежал туда. На черной половине, переполненной народом, происходила свалка. Рабочие дрались с бродяжками и громилами, против которых давно имели зуб. Антагонизм между двумя категориями посетителей черной половины постепенно разрастался и вылился наконец в форму настоящего побоища. В воздухе носились бутылки, стаканы и табуреты... Размахивали палками, кулаками. Слышались удары, крики, стоны... Митрич остановился в недоумении и нерешительности... Войти в помещение не было возможности. Послать за полицией – более чем не желательно... Оставить драться – риск убийства может быть нескольких участников, и тогда закроют совсем заведение... Митрич начал выкрикивать:

– Господа, господа, прошу вас, позвольте, одну минуту... Дайте сказать... Господа... Господа...

Никто не слушал... Митрич созвал всех служащих в трактире и ринулся с ними в толпу... Он старался разредить толпу, разбить ее на части и тогда поодиночке приводить посетителей в себя... Старший буфетчик стоял у дверей и из ковша поливал дерущихся холодной водой... Добрых полчаса прошло, прежде чем удалось справиться с бушующими. Когда драка была прекращена, черная половина приняла вид какого-то разгрома... Весь пол был в остатках побоища, вся мебель переломана и валялась... Рядом с осколками битого стекла находились клоки волос, куски одежды... А фигуры участников сражения?! Растрепанные, истерзанные, разодранные, окровавленные, с подбитыми скулами, носами...

– Господа! За что же это мне, – взмолился Митрич, готовый расплакаться, глядя на останки своего зала и буфета...

– А ты не уважай мазуриков, не обижай нас перед ними, – заявил один из рабочих. – Мы честным трудом занимаемся, проживаем трудовые пятаки.

– На деньгах знака нет! Все деньги равны! Мы рубли проживаем, а вы гроши, нечего вам за нами и гоняться. Совсем Митрич не должен пущать голь эту, – вызывающе произнес один из громил.

– Мне все гости равны, я никому не могу... – начал было Митрич.

– Врешь! Не все! Коли не мы, вам лавочку закрывать пришлось бы! – кричали громилы.

– Позовите полицию, пусть разберут нас! – кричали рабочие.

– Господа! Только еще полиции не хватало! Спасибо вам! По миру совсем меня пустить хотите... Пожалуйста, господа, расходитесь, дайте привести все в порядок... Я уж и денег не спрашиваю...

– Полицию, полицию, – настаивали рабочие.

– Успокойтесь, успокойтесь...

Оба буфетчика, вместе со слугами, начали выводить гостей по одиночке. Каждый ломался, упрямялся, но, в конце концов, уходил, удовлетворенный: он душу отвел в драке, за себя постоял и угостился бесплатно. Совсем хорошо, и продолжать скандал ни у кого особенного желания не было. Покладистее других разошлись бродяги, которых Митрич увел задним ходом, через кухню.

Совсем уже стемнело, когда черная половина была окончательно расчищена. В это время к подъезду опять подкатило ландо. Хозяин с тем же незнакомцем вышли и скрылись в подъезде. Митрич пошел было доложить о происшедшем скандале и только что приоткрыл дверь, как отскочил назад. Хозяин и его гость, закутанные в какие-то пледы, с всклокоченными волосами, забрызганные кровью, прошмыгнули в квартиру, и дверь наглухо захлопнулась.

Митрич остановился с широко раскрытыми глазами.

– Это еще что?!

16 Призраки

– Лена, Лена, куда ты, – остановил Коркин жену, с трудом догнав ее около самого «Красного кабачка».

Елена Никитишна точно очнулась после летаргического сна и смотрела тупым взглядом на мужа.

– Куда ты, – повторил Коркин, со страхом смотря на побледневшую и растерявшуюся жену.

– Я... я... пройтись пошла.

– Чего же ты бежишь так?

– Я... я... не бегу, я шла. Разве скоро?

– Да помилуй, я едва бегом догнал тебя! Лена, что с тобой, ты дрожишь?! Пойдем скорее домой!

– Да, пойдем, мне худо.

Тяжело опираясь на руку мужа, Коркина едва-едва дошла до дому и упала на диван без чувств. Илья Ильич послал скорее за доктором, который велел немедленно раздеть больную, уложить в постель и прописал ей лекарства.

– Что с ней такое? – тревожно спрашивал Илья Ильич.

– Сильнейшее нервное потрясение. Не случилось ли у вас какого-нибудь, неожиданного горя? Семейное несчастье?

– Представьте, что решительно ничего не было! Как есть ничего! Все совершенно благополучно! Она несколько дней на себя не похожа.

– Право, не знаю. Но только нервы у нее возбуждены до крайности, я опасаясь, что у нее будет нервная горячка, если... если она не успокоится.

К вечеру Елене Никитишне стало лучше. Она потребовала священника, исповедывалась и долго-долго беседовала с ним. Эта беседа доставила ей утешение, и она скоро спокойно уснула. Доктор, захавший вечером, не велел ее беспокоить и прописал на случай успокоительную микстуру.

Илья Ильич не отходил от постели жены. Сон больной был тяжелый, она металась, вздрагивала и часто просыпалась, с ужасом всматриваясь в глубину комнаты.

– Ах, это ты, – говорила она, узнавая мужа, и несколько успокаивалась. – Ой! Тяжело, тяжело! Господи!

Прерывистое дыхание становилось ровнее, глаза закрывались, она впадала в забытие и засыпала.

Ночью Илья Ильич пошел отдохнуть и посадил у постели горничную, строго наказав ей сейчас же его разбудить, как только барыня проснется.

Елена Никитишна недолго спала. Вскочив с постели, она вытянула вперед руки и закричала:

– Не троньте, не троньте его! Не позволю! Не дам, не надо, не надо!

Горничная схватила ее за руки.

– Барыня, барыня, лягте, успокойтесь.

– Ах, это ты, Дуня, – очнулась она, – а барин спать ушел?

– Пошли отдохнуть, приказали разбудить их, как только вы проснетесь.

– Нет, нет, не буди, Дуня, не надо. Пусть спит. Знаешь, Дуня, у меня есть к тебе просьба.

– Приказывайте, барыня, я все исполню.

– Нет, Дуня, ты поклянись, что не выдашь меня и исполнишь. Никому, никому не скажешь?

– Помилуйте, барыня, зачем же я буду говорить, если вы не приказываете.

– Нет, ты поклянись.

– Клянусь.

– Перекрестись.

Горничная перекрестилась.

– Вот так. Ты меня любишь?

– Люблю, барыня, вы меня никогда не обижали.

– Я тебе приданое все сделаю, триста рублей деньгами дам.

– Очень вами благодарна, барыня, извольте приказывать.

– Постой, сходи посмотри, спит ли барин.

Дуняша ушла, а через минуту вернулась.

– Спят, не раздеваясь.

– Крепко?

– Крепко.

– Слушай, Дуня... Ты знаешь здесь недалеко трактир Куликова?

– Знаю, знаю: «Красный кабачок».

– Этот самый. Так слушай. Сходи завтра рано утром к Куликову, скажи, что я очень больна и прошу его написать все, что он хочет мне сказать. Я хотела принять его сама завтра, но не могу, а мне очень нужно узнать у него про одно дело. Только, понимаешь, ни Илья Ильич, ни другой кто-нибудь не должны никогда ничего об этом знать! Слышишь?! Ты клялась ведь!

– Не извольте беспокоиться, сударыня, никто не узнает.

– Спасибо! А я тебя не забуду! Ах, мне тяжело!

Елена Никитишна откинула голову и закрыла глаза. Тень Онуфрия Смалева, ее первого мужа, как кошмар, давила ее. То он являлся ей окровавленным, со страдальческим лицом, зияющей раной на шее, то грозным, величественным, гневным, с протянутой карающей рукой. Иногда ей явственно слышался голос Смалева, звавшего ее на помощь, просившего пощады, а иногда голос этот звучал так громко, что она вскакивала с постели и хотела бежать. С того самого вечера, когда Куликов таинственно намекнул ей на Серикова и на исчезновение Смалева, мысли о покойном муже не выходили у нее из головы и преследовали днем и ночью; во сне и наяву она переживала роковые события в Саратове. И странно: раньше как-то она никогда не вспоминала обо всем этом, была совершенно равнодушна к памяти мужа и Серикова, а тут... тут оба мертвеца поочередно мучают ее, требуют объяснения, ответов.

– Не ты ли заставила меня избавить тебя от нелюбимого старика-мужа? Разве мне нужно было его убивать, – говорил Сериков, явившийся перед нею с провалившимся лицом. – Кто же мог бы проникнуть в дом, если бы ты не оставила двери открытыми. Кто стал бы убивать старика, если бы не ты просила свободы?! Я исполнил твое желание и передал твое поручение Макарке-душегубу. Это ты, ты наняла его и ты же одна воспользовалась результатами злодеяствия! Я, видишь, в каком теперь виде! Я понес кару, страшную, жестокую кару! Я страдаю и буду вечно страдать, мучиться, а ты? За что ты наслаждаешься жизнью, когда ты виновнее всех?! Посмотри на него. – И призрак указывал на страдальческий, окровавленный лик с провалившимися глазами, но хорошо знакомыми ей чертами лица. – Мужеубийца! Предательница! Преступница!

И холодный пот выступал на лбу больной. Она вскакивала, протирала глаза, отгоняла от себя видение, звала близких.

– Боже! И как могла я отпустить Куликова, не расспросить его, что он знает?! Как могла я кричать на него, говорить дерзости, когда должна была на коленях просить у него помощи против всех этих призраков! Может быть, великая для меня тайна в его руках! Кто он? Что он знает и зачем намекал мне? Случайно нашел он меня или нарочно искал?!

Она готова была сейчас вскочить и бежать к Куликову, но голова, руки и ноги не повиновались ей. Силы покидали ее. А призраки опять выходили из глубины комнаты, подвигались все ближе к ней, готовы были, казалось, навалиться на нее.

– Уйдите, оставьте, – кричала она, – я не виновата. Не виновата: я никого не просила, не хотела, видит Бог, я не виновата.

Илья Ильич прибежал из кабинета, брал руку больной и нежно упрашивал:

– Леночка милая, успокойся, я ни в чем не виню тебя, я тебе верю, будь покойна; ведь я пошутил только с запиской от портнихи, я тебя не ревную.

– А? Что? Что ты говоришь? – приходила в сознание больная и смотрела на мужа. – Это ты? Ну, слава богу! А что я кричала?

– Ты все себя коришь, убиваешься! И что ты? Неужели все из-за той записки от портнихи?

Елена Никитишна горько улыбалась, хваталась за голову и ничего не отвечала.

Так прошла вся ночь, долгая томительная, показавшаяся всем целой вечностью. Казалось, конца не будет этой хмурой, мокрой, осенней ночи. С пяти часов дня и до девяти часов следующего утра стоял туманный сумрак, превративший чуть ли не целые сутки в ночь. Неудивительно, что Елене Никитишне эта ночь показалась целой вечностью и не было ей конца. Как радости великой, ждала она проблеска утренней зари, но густой туман и свинцовые тучи окутывали Петербург с его окрестностями. Елена Никитишна прислушивалась к ночной тишине, и до ее слуха доносился рев ветра, перемешивавшийся с ударами дождевых капель. Жутко делалось на душе от этого ненастья, но для больной оно вполне гармонировало с ее собственным настроением, и поэтому-то так невыносимо тяжело ей было.

– Дуня, Дуняша, – звала она горничную; но девушка под утро крепко уснула здоровым сном уставшего человека.

– Ильюша! – пробовала кричать Елена Никитишна, которой ночное одиночество было невыносимо, но муж тоже крепко спал в своем кабинете, положившись на горничную. Больная хотела встать, чтобы растолкать Дуню, и не могла. Хотела кричать и чувствовала, что звуки выходили слабые, чуть слышные, похожие на стоны. Она нехотя всматривалась вдаль и как-то особенно рельефно видела все те же странные призраки.

– Убийца, убийца, преступница. Куликов с жандармами и полицейскими идет за тобой. Вот, вот шаги их уже приближаются. Наступает час расплаты. Цепи готовы уже для тебя и кандалы припасены. Чу!.. Звонят уже у подъезда... Дуня, беги отворяй! Принимай, счастливая вдовушка, дорогих гостей.

– Лжете, лжете, – пробовала протестовать больная, и ее воспаленный мозг делал последние усилия. – Лжете! Никто не убивал его! Он умер по воле Божьей, погиб на корабле с другими пассажирами! Лжете!..

– Полно! Так ли?! Кто сказал это тебе? Как попал он на корабль? А чья это насыпь под тремя березами на берегу Волги?! Чей окровавленный труп зарыт там, без христианского погребения, без покаяния и молитвы?

– Ильюша! – закричала больная, собрав последние силы, и упала без чувств на подушки.

Илья Ильич услышал этот крик, прибежал в спальню и увидел храпевшую в углу горничную и бесчувственную жену, голова которой свесилась с постели. Он бросился к ней. Больная не приходила в сознание. Ногой растолкал он служанку и послал ее скорее за доктором. Весь дом поднялся на ноги. На дворе начало светать. Принесли лед, терли виски, давали нюхать нашатырный спирт. Только через полчаса, когда явился доктор, удалось вывести больную из продолжительного обморочного состояния. Она несколько раз вздохнула, открыла глаза, но сейчас же опять закрыла их от нестерпимой головной боли.

– Как могли вы оставить жену одну ночью! Верно, она чего-нибудь страшно испугалась, – укоризненно заметил доктор.

– Жена спокойно уснула с вечера, я долго сидел и оставил на смену горничную.
– Вон, негодяйка, – закричал Илья Ильич, увидев Дуню, – вон, чтобы тебя ни минуты не было здесь.

– Простите, барин, я...

Но Илья Ильич не дал ей договорить и, схватив за шиворот, вытолкнул из комнаты.

Елена Никитишна медленно приходила в себя, и только через несколько часов сознание совсем вернулось к ней и она, хотя с трудом, могла шепотом говорить.

– Дуня где? – был первый ее вопрос. Илья Ильич очень удивился.

– Зачем тебе Дуня?

– Позовите... Пусть тут сидит...

– Леночка, я прогнал ее, она всю ночь спала и чуть не убила тебя... Я велел приказчику рассчитать ее.

– Что?! Как?! Нет, нет, верни скорей! Она нужна мне, скорей, скорей. Ай, голова! Верни скорей.

– Не раздражайте больную, – шепнул доктор, – исполняйте все, что она приказывает.

Илья Ильич выбежал на кухню.

Старательный приказчик в точности исполнил приказание хозяина и, давно уже рассчитав горничную, выгнал ее из дому.

– Беги, разыщи ее, барыня требует.

– Да где же теперь ее разыщешь? Побегу, попробую.

– Сейчас она придет, – успокоил Илья Ильич жену, вернувшись в спальню.

– Спасибо, – прошептала больная. – Ильюша, худо мне. Пошли опять за священником.

– Полно, Леночка, успокойся! Ты изводишь себя только.

– Нет, пошли, пошли, мне надо, я хочу. Я могу... мо... – Она не договорила и закрыла глаза.

– Слабость очень велика, – заметил доктор, – она страшно измучена и нервы напряжены хуже вчерашнего. Не могу понять, что за причина такого потрясения? Нет ли у нее тайны какой-нибудь от вас?

– Помилуйте! Какие тайны, мы душа в душу живем, она без меня двух шагов никуда не делала!

– Непонятно! Непонятно! Но потрясение страшное. Что-нибудь должно быть! Без причины этого не бывает!

– Право, я меньше вас знаю.

– И давно вы заметили в ней перемену?

– Недели две.

– Ищите причину две недели тому назад! Без причины не могло быть!

– Дуня, где Дуня, пошлите ее ко мне скорей, – прошептала больная.

– Зачем ей эта Дуня? Допросите ее.

– Да где еще взять ее! Я прогнал, а приказчик поспешил! Вот еще горе-то!

– А за священником послали?

– Сейчас придет.

17

Луч спасения

– Что это Ивана Степановича четвертый день нет, – произнес за обедом старик Петухов, – не послать ли справиться, здоров ли он.

– Он сегодня мимо проезжал. Верно, занят, – ответил один из мастеров. – Говорят, он трактир свой продает.

– Продает, – протянул Петухов, – что так?! Он мне ничего не говорил. Может так, зря болтают! У него торговля хорошо идет, расчета нет продавать. Пустое, верно, толкуют.

– Скандалы, драки там все время происходят, мазурики разные собираются, полиция вмешалась, может быть, потому и продает.

– Не слышал, не слышал, он сказал бы, скрывать нечего.

– Да ему расчет прямой прикончить! Женится на Агафье Тимофеевне, заводом займется. Что же ему?

– Положим, это верно. Я сам просил его. Кому же как не зятю дела в руки взять. А работы у нас хватит ему по горло! Только все-таки, думается, он сказал бы мне.

– Мало вы его, папенька, знаете, – заметила Ганя. – Вы меня вот корили, что он мне не нравится, а спросите всех ваших мастеров, помощников, служащих, рабочих! Все говорят, что он им не нравится и человек, видимо, не из добрых.

– Правда, Тимофей Тимофеевич, – подтвердили в один голос трое мастеров. – Не пара он Агафье Тимофеевне.

– Поздно, господа, теперь об этом толковать. Мы пили уж за стговор. Но все же я в толк не возьму, почему может он не нравиться?

– Ходил он тут по заводу, спрашивал нас и сейчас ведь видно, по обращению груб, резок, смотрит исподлобья, спрашивает все только о барыше, а самое дело ему и неинтересно. Разве хороший хозяин так к людям относится? Почему мы преданы вам, готовы день и ночь для вас трудиться? Потому, что вы – человек и человека в другом видите. Цените людей, а такие, как Куликов, только барыш во всем ищут да свой интерес.

– Коммерческий он человек. Теперь только так и деньги нажить можно. Такой век – и винить его за это нельзя.

– Кажется, вы тоже кое-что нажили, а таким коммерческим человеком не были. И Агафье Тимофеевне после жизни в вашем доме трудно будет свыкаться с порядками и понятиями Ивана Степановича...

– Поздно, поздно толковать об этом. Ганя – невеста.

– Мы ведь к слову только. Конечно, ваша родительская воля.

– Ганя сама теперь хочет. Сама приходила просить меня!

– Дай бог всего хорошего. Мы обещаемся служить Агафье Тимофеевне, как вам служили, только наше дело ведь маленькое...

– Спасибо, господа, спасибо, я не сомневаюсь в вашей преданности нашему семейству и надеюсь на вас... Вы не оставите мою Ганю...

– Папенька, а я эти дни с Рудольфом изучала сорта кож и какие кожи на что идут. Теперь я и цену, и качество всех сортов знаю. Завтра я начну с Николаем Гавриловичем изучать заказы, поставки и скоро все дела завода знать буду. Вот вы жаловались, что я помогать вам не могу! Не знаю только, как деньги с заказчиков получать. Николай Гаврилович рассказывал мне, что одним за наличные только, другим на векселя, третьим безо всего. Вот уж это я в толк не возьму...

– Умница, умница, ты у меня! А деньги-то получить уметь – самое главное и есть. В этом весь секрет всех дел.

– Что вы, папенька, а разве не важнее уметь хорошо сделать товар, выгодно сработать, удешевить производство?

– Нет. Ты и хорошо сделаешь, и выгодно, прочно, да какой толк, если денег не получишь?! А кто деньги умеет получить, так и дрянной товар выгодно с рук сбудет. Это-то вот коммерцией и называется.

– Нехорошая это коммерция! Вы, папенька, не так торгуете!

– Я, дочка, торговал в старину, когда люди другие были и порядки другие. Тогда и наживал, и производил больше других. А теперь вот почти в убыток работаем, хоть завод закрывай! Один набрал в кредит и не платит, а другой предлагает двугривенный за рубль. Другой выдал векселя, а торговлю перевел на жену и сам из Петербурга отметился: ищи его на Руси!.. Третий жмет так, что и шести процентов пользы не хочет дать, хоть в убыток ему поставляй. Ну, как тут честно-то торговать? Как окупить расходы по заводу? А расходов-то до ста тысяч рублей в год! Ведь не шутка! Самому недолго обанкротиться!

Встали из-за стола. Ганя поцеловала руку отца и сделала Николаю Гавриловичу Степанову знак рукою. Они вышли вместе.

Николай Гаврилович был пожилой уже человек, около 20 лет управлявший конторой завода Петухова. Он был женат, имел большую семью и отличался редким добродушием, честностью и прямоотой характера. Он раньше старика Петухова заметил страдания и перемену в Гане, заметил изменившееся обращение с ней отца и наглое, грубое домогательство Куликова. Больше всего его возмущало циничное обхождение Куликова с хозяйской дочкой, который позволял себе третировать и дразнить Ганю, потешаясь над ее чувствами и душевными страданиями.

«Хорошо же должно быть ее супружеское счастье с таким муженьком», – думал Степанов и терялся в своих порывах помочь ей. В самом деле, как помочь, когда проходимец успел обойти, точно околдовать старика и расположить в свою пользу. Петухов уверился в нем, полюбил и решил, что лучшего зятя ему желать нельзя. Степанов, как и Ганя, не мог ничего сказать против Куликова, кроме своих личных антипатий, но такие доводы, разумеется, были бессильны и только раздражали старика. А Куликов не терял дорогого времени, ловко пользовался всеми обстоятельствами и окрутил свою свадьбу в какие-нибудь два-три месяца. Однажды Степанов увидел Ганю рыдающую на скамеечке в углу заводского садика. Ему стало жалко ее до слез. Он подошел и участливо произнес:

– Не плачьте, Агафья Тимофеевна, подумаем лучше вместе, как бы помочь вашему горю. Слезами не поможешь!

Девушка подняла голову на говорившего и, улыбнувшись сквозь слезы, протянула ему руку.

– Ах, что вы, Николай Гаврилович, спасибо вам, но вижу я, что нет мне ни выхода, ни спасения. Слезы все-таки несколько облегчают.

– Да вы попробовали бы решительно переговорить с отцом?

– Пробовала! Все пробовала, и ничего не выходит! Он свое говорит, что нужен ему помощник в делах, а я не могу помочь ему и должна дать ему зятя.

– Господи! Вот затмение нашло на человека! Знаете, ведь мы все его ненавидим!

– О! Если бы вы видели, каким зверем смотрит он на меня?! Его глаза говорят: «Погоди, тебе покажу после, каков я муж». И мороз пробирает по коже от этих взглядов! Меня трясет, когда я его вижу!

– Вы говорили об этом папеньке?

– Не смею! Он говорит, что все это ерунда, глупости. Я просила отпустить меня служить, он еще пуще рассердился. Господи! За что мне все это?

Долго думали они вместе и ничего не могли придумать.

Сегодня, после обеда, когда она вышла из столовой, Николай Гаврилович, удивленный, обратился к девушке:

– Неужели это правда: вы сами просили папеньку ускорить вашу свадьбу.

– Ах, Николай Гаврилович, не знаете вы всего!

– Неужели я не заслужил вашего доверия? Почему же вы не хотите сказать мне всего?

– Стыдно мне, Николай Гаврилович, наглупила я как девчонка и теперь приходится вот расхлебывать!

– Вы не хотите рассказать?

– Могу, могу. Слушайте.

Она низко опустила голову и вполголоса рассказала в подробностях весь свой визит к Куликову. Степанов слушал ее напряженно, боясь проронить слово. Когда девушка кончила, он воскликнул:

– Подлец! Вот ужасный подлец! И это ваш будущий муж! С таким негодяем вы обречены жить всегда?!

– Жить?! Не только жить, но находиться в его власти. Когда он стиснул мне тогда руку, я после два дня не могла владеть ею, распухла, покрылась багровыми пятнами! Воображаю, если бы он ударил меня!

– Ах, Агафья Тимофеевна, что вы наделали?! И как можно было так опрометчиво поступать! Знаете ведь, что он негодяй и живьем дались ему в руки! Он хуже еще мог что-нибудь сделать!

– Вы упрекаете вот, а сами думали, думали и ничего не могли придумать!..

– А вот и придумал!..

Ганя вскрикнула от радости и уставилась на него.

– Придумали?! Говорите, говорите скорей что?!

– Вот что! Мы с вами уверены, что он негодяй! Надо доказать это, надо скорее собрать сведения о нем! Вы старайтесь тянуть сколько можно свадьбу, а я займусь расследованием его прошлого, соберу справки, пойду хоть в Сибирь, за границу, все раскопаю, выкопаю! Возьму отпуск и уеду! Не может быть, чтобы мы ошибались! Когда мы привезем вашему папеньке доказательства, тогда разговор будет другой.

– Голубчик, Николай Гаврилович, как мне благодарить вас?!

– Нечего благодарить! Успеете еще поблагодарить, а теперь надо скорее действовать! Мы и так много времени потеряли! Вы продолжайте заниматься в конторе, учитесь на заводе, входите во все... Наши все помогут вам от души, а вы ведь умница. Постарайтесь только затянуть приготовления к свадьбе... Если я должен буду уехать, я буду писать вам все подробно... А теперь пойдемте в контору и сейчас же сделаем первый шаг.

Ганя пошла за Степановым. На лестнице они встретили мальчика, бежавшего с улицы.

– Ты откуда?

– Хозяин посылал к Куликову, справиться о здоровье.

– Ну и?

– Дома их нет... Квартира заперта...

– Иди, скажи...

Они прошли в комнату.

– Смешно ведь сказать... Папенька ваш человек старый, опытный... Выдает дочь и не знает за кого?! Куликов, Куликов... А кто такой этот Куликов? Мещанин, крестьянин, купец или дворянин? А может быть, он женат уж? Может, мазурик какой?! Эх! Ослепление как найдет – ничего мы, грешные, не видим!

– А разве, Николай Гаврилович, это не все равно, из каких он.

– Конечно, не все равно. Но главное-то в том дело, что при справках может истина обнаружиться, истина, которую он скрывает. Может, он судился и лишен прав?!

– Да разве такие могут в купцах состоять и рестораны держать?

– Временными купцами могут быть. А если и не могут, так скрыть ведь могут!

– А вы тогда как же узнаете?

– Кому надо, все узнает! Кому другому нужды нет справки наводить! Пусть себе торгует!

А единственную дочь замуж выдавать нельзя без справок! Если бы Тимофей Тимофеевич сызмальства знал Куликова, тогда другое дело!

– Что же вы намерены прежде всего делать? Где узнавать?

– А вот сейчас пошлю справку сделать в полицию – по какому документу он живет и прописан. Тогда обратимся туда, где документ выдан и где он раньше проживал.

– Он говорил – в Орловской губернии.

– В Орловскую поедем! Хоть на край света! Если бы вы знали, как мне тяжело видеть вашу горе, Агафья Тимофеевна!

– Николай Гаврилович, не сказать ли папеньке, что вы хотите собирать сведения? Это не худо ведь?

– Нет, нельзя! Папенька скажет, это лишнее, не нужно, что он и так людей насквозь видит, умеет узнавать, что теперь уж поздно и прочее... А когда он запретит, тогда нельзя уж будет ехать!

– Это верно! Правда! А как же вы уедете? Вы ему каждую минуту нужны.

– Скажу, что по неотложному, семейному делу.

– А Куликов воспользуется этим и заберет дела все в руки.

– Он уж и так почти все забрал! Пусть забирает до поры до времени!

– А что это значит, что его четвертый день нет? Не раздумал ли жениться?

– Не таковский небось! Случая не упустит! Красавицу-девушку берет, с заводом и с капиталом!

– Спасибо вам, Николай Гаврилович, спасибо!

Ганя с чувством пожала его руку и побежала домой. Она почувствовала облегчение. Мелькнул луч надежды!

18

Сенька-косой

После жестокой порки Сенька-косой часа полтора пролежал почти без чувств... Он слабо стонал и скрежетал зубами... Стонал от боли и скрежетал зубами от бешеной злобы.

Как?! Его, Сеньку-косого!!! Выдрали публично, позорно?! Нет!! Этого пережить он не может!! Он должен жестоко отомстить за свой позор и покрытую рубцами спину...

Федька-домушник не отходил от лежащего друга и прислушивался к каждому его вздоху.

– Сеня, плохо тебе? – спрашивал он шепотом стонавшего.

– Ничего... Вынесу, потому что... надо... перерезать их... всех... всех... и ее... и поро-сенка... всех... Слышишь? Ты поможешь мне!..

– Еще бы! Помогу, помогу, только отдохни... Чуть не убили проклятые... В три кнута, ракалии!.. Тебе не встать ведь?!

– Встану, – прохрипел Сенька, – и сегодня же отомщу!

И, несмотря на страшную боль, он приподнялся; опираясь на товарища, встал на ноги, но сейчас же застонав, опять лег на траву...

– Нет, еще надо полежать! Слышишь хохот какой? Это они веселятся! Веселитесь, веселитесь! Петух не пропоет, как мы сведем с вами счеты! Веселей смеется последний!.. Ох!

Сенька закрыл глаза... Сидевший рядом Федька прислушивался к отдельным звукам, долетавшим с полянки Тумбы... Прошло около часу... Шум и возгласы начинали стихать... Очевидно, пир приходил к концу... Дремавший Сенька вскочил... Его физиономия судорожно искривилась от боли, но он не произнес ни одного звука...

– Чего ты, – успокаивал его Федька, – ляг, еще полежи... Рано еще... Отдохни хорошенько...

– Пойдем, – глухо произнес Сенька и, повиснув на его руке, потащился сквозь кустарник... Федька не возражал... Он знал, что Косой не допускает никаких возражений; он обладает почти сверхъестественной силой воли... Однажды в борьбе он получил тяжкую рану. Зажав ее одной рукой, Сенька продолжал другой рукой состязание и вышел победителем; мало того, он не пошел даже к доктору или в больницу, излечил сам свою рану и скоро совсем был здоров. Так можно ли было удержать его теперь от мщения, которым он весь горел! Мщение теперь было единственным лекарством, способным поставить его на ноги, возвратить бодрость.

Они прошли кустарник и вскоре увидели лужайку пиршества, начинавшую пустеть. Осталось еще человек десять, но и они готовились откланяться хозяину.

– Собирай сухие сучья и камни, – шепнул Сенька товарищу.

Тот молча повиновался. Сенька не мог еще стоять на ногах без посторонней помощи и прилег на траву. Ему было видно все, что происходило у Тумбы. Вот он угощает гостей «по последней». Настенька подает закуску. Совсем рассвело уже, лучи солнца играют на верхушках деревьев. Хозяева утомились. Это видно во всех их движениях. Сейчас, проводив гостей, они заберутся в свою конуру и заснут беспробудным сном. Чудное утро совсем не походит на сентябрь. В такое утро спится на свежем воздухе после бессонной ночи – мертвецки! Это Сенька по опыту хорошо знает, особенно, если ночью привелось хорошо выпить. А Тумба выпил за эту ночь больше всех. Спите, спите, голубчики!

– Федька, еще, еще, больше собирай, больше, – шептал Сенька.

Домушник и так старался. Он смутно догадывался, что Косой задумал, но не смел подавать советов.

– Т-с! – произнес Сенька.

Федька залег в кусты, и оба они притаили дыхание. В нескольких шагах от них прошли четверо гостей Тумбы. Они весело болтали и смеялись:

– А что Сенька? Жив ли он после порки?

– Да, выпороли здорово! Я ему тоже подсыпал пяток горячих! Пусть помнит! Насолил он всем нам.

– Вот, уж не жаль будет, если подохнет.

– Где ему подохнуть, он нас с тобой переживет! Домушник его потащил; верно, дома уж теперь.

Сенька с блестящими глазами вслушивался в их разговор.

– И ты, каналья, пяток прибавил, – прошептал он, – ладно, попомним! Придет черед и твой!

Опять наступила тишина. Шаги последних гостей исчезли вдали. На лужайке Настенька все прибрала и спрятала. Тумба ушел в хижинку. Вошла и Настенька. Все стихло.

– Еще полчаса, – прошептал Сенька, – пусть крепче уснут.

Федька продолжал носить хворост, сучья. Тишина ясного солнечного утра ничем не нарушалась, кроме веселого щебетания и чириканья пташек.

– Ну, пора, – произнес Сенька и пополз на лужайку. На корточках он подполз к хижине и, как собака, стал ее обнюхивать. Обитатели спали. Знаком он подозвал к себе Федьку и шепнул:

– Таскай скорее камни и хворост, я не могу сам...

Федька начал работу. Сенька сам раскладывал большие камни, заваливая входную дверь, острые камни он клал в виде подпор, наперекоски, под углом, а остальные наваливал сверху. Хворост охапками он накладывал кругом всей хижинки и на крышу. Работа шла быстро.

– Теперь хорошо, – произнес Сенька и пополз за кусты, на противоположную сторону лужайки.

– Федька, давай огня! – крикнул он. – И беги сюда, будем любоваться!

Молча домушник достал коробку спичек, зажег одну и подпалил хворост в нескольких местах. Огонь быстро вспыхнул. Федька залег в кустах рядом с Сенькой. Пламя обхватило сразу всю избушку. Внутри было тихо.

– Нескоро проснутся, – шепнул Федька.

– Еще проснутся ли! – злорадно произнес Сенька.

– Не тронуться ли нам в путь? – предложил Федька.

– Постой. Дай полюбоваться! Ага, смотри, проснулись, ломаются... Слышишь...

– Да, да.

– Шутишь! Не скоро, брат!

Вдруг дверь хижины вылетела, и из нее выскочил, с опаленными уже волосами, Тумба. За Тумбой выползала полубесчувственная Настенька с ребенком.

Молодецки, в несколько мгновений, Тумба разбросал хворост и потушил огонь. Затем он начал давать тревожные частые свистки и бросился искать по кустам.

– Сенька, погибли мы, – прошептал Федька. – Говорил, надо было бежать!

– Поздно теперь, молчи, авось не найдет!

– Как не найдет?! Смотри, их наберется сейчас много. Приготовь ножи, будем защищаться!

Говоря это, Федька вдруг быстро стал пробираться в чащу кустов. Сенька позвал его раз, другой – ответа нет. Он попробовал тоже податься в чащу, но был не в силах.

– Неужели он бросил меня? – мелькнуло в голове Сеньки. – Нет, быть не может!

А Федька, между тем, не показывался. Тумба продолжал свистеть все громче и чаще. Он тщательно осматривал все соседние кусты, но искал не в той стороне, где было нужно. Если бы Сенька имел силы, он давно мог бы убежать. Очевидно, Федька сообразил это и удрал.

– Негодяй, он бросил меня в такую критическую минуту!

Скоро в чаще и глубине леса начали раздаваться ответные свистки. Тревога приняла широкие размеры. Свистки слышались по всем направлениям и со всех сторон. Тумба еще с

большим остервенением искал кругом и осматривал каждый кустик. Постепенно он переходил и на ту сторону, где лежал в 20 шагах от лужайки Сенька. Холодный пот начал выступать у последнего. Он хорошо понимал, что сопротивление его, когда он почти не может двигаться, похоже на кукольную комедию, а пощадить ждать от Тумбы смешно. Надо было готовиться к какой-нибудь пытке и лютой казни. Кусты и деревья запрыгали у него в глазах. Руки и ноги казались парализованными.

– Тумба, Тумба, – послышался крик сзади него. – Сюда!

Тумба повернулся в его сторону и легкими скачками в одно мгновение очутился тут.

– Вот он, бери его. Я вернулся на твои свистки и случайно наткнулся на него.

Сенька не верил своим ушам. Это говорил Федька-домушник, его сообщник и неразлучный друг, товарищ.

Рядом с Федькой стоял Пузан, тоже вернувшийся на свист.

– Спасибо, товарищи, – произнес Тумба, – но откуда ты, Федька, знаешь, зачем я давал свистки и кого мне нужно.

– А нешто мы не видим, – показал Федька на опаленную хижину, – и не догадываемся? – ткнул он пальцем на Сеньку.

– Ой, так ли, – произнес Тумба, подходя к Сеньке. Он осторожно, точно гадину, надавил сначала коленом в спину Сеньку, затем осмотрел его карманы, сапоги и вытащил из-за пазухи большой нож. Обезоружив врага, он взял его за шиворот, вытащил на лужайку и здесь, скрутив руки и ноги веревками, положил на спину.

– Надо наших подождать. А ты, Федька, покажи-ка за пазухой?

Домушник добровольно вытащил такой же большой нож, как и у Сеньки.

– Я не расстаюсь с ним, – произнес он.

– Даже когда к товарищам в гости идешь? Постой! Мы тебя попросим подробно рассказать, где ты расстался с Сенькой!

– Я его встретил в версте отсюда, – произнес Пузан, – и мы вместе вернулись.

– Он сам пошел сюда?

– Нет, я сказал ему, что нужно идти, а то...

– А то насильно поведут! Т-а-ак! Я думаю, – заметил Тумба, – что все это дело рук Федьки, потому что Сенька не мог один все это устроить! Он и ходить еще не может после порки!

Между тем обитатели Горячего поля продолжали собираться на лужайке. Когда набралось человек тридцать, Тумба объявил, что можно начинать.

– Ну-ка, Федька, выходи.

Домушника поставили рядом с лежавшим Сенькой.

– Смотрите, братцы, подвиг этих товарищей, – указал Тумба на свою опаленную хижину, обложенную хворостом и камнями. – Кто-то задумал меня вместе с семьей заживо спалить? Казнь хорошая и верно рассчитанная, потому что если бы не проснувшийся ребенок, то меня с Настенькой не было бы теперь в живых! Чье это дело? Федька! Говори.

Федька упал на колени.

– Клянусь всем, что есть у меня святого!

– Стой! – резко воскликнул Тумба. – Ничего святого у тебя нет, и никаким клятвам твоим никто не поверит. Говори, что хочешь, а мы знаем, как поступить.

– Он, – Федька указал на Сеньку, – заставил меня собирать хворост и камни. Я ничего не знал, а когда он велел таскать к будке, я убежал. Больше ничего не знаю!

– Врешь! Тебя Пузан поймал за версту, а если бы ты тогда убежал, когда хворост таскать начали, то был бы у себя в лавре! Говори, где был!

– Я... я... я смотрел из-за кустов, что хочет делать Сенька.

– Смотрел? И рисковал попасться из-за любопытства? Врешь, не похоже это на тебя! Если ты остался, то ради одного из двух: помочь Сеньке или спасти меня! Меня ты не спасал, значит, помогал Сеньке! Говори все или под кнутом околеешь! Ты ведь понимаешь, что все равно спасения тебе нет! От нас ты не уйдешь! Пузан, что он говорил дорогой?

– Он, братцы, все порывался отстать от меня и задать тягу. Я, говорит, к Тумбе не принадлежу; я вяземский, а не заставный, не с поля, мне делать там нечего.

– А про Сеньку не вспоминал?

– Говорил, что Сенька верно там натворил...

– А как он шел, когда ты его задержал?

– Скоро шел. Удирал. Когда мы встретились, он испугался и хотел спрятаться, да негде было.

– Слышишь, Федька? И теперь ты будешь запираяться?

Домушник молчал.

– Дайте кнуты! Разложите его!

Федька закричал:

– Не надо, не надо! Все расскажу!

Домушник начал в подробностях все рассказывать. Когда он дошел до момента поджога, голос его дрогнул:

– Сенька подполз и зажег хворост.

– Как же он поджег, когда на ногах стоять не мог? Ведь он обжегся бы!

– Нет, ничего, зажег.

– А у кого спички? Осмотреть их карманы.

Коробку спичек нашли у Федьки.

Он стоял ни жив ни мертв.

19

В крови

– Ракалия, – воскликнул таинственный гость, – нас кто-то видел!!

– Что вы?! Не может быть!!

Они оба разом обернулись и увидели фигуру удаляющегося буфетчика.

– Ах, черт возьми, это мой старший буфетчик! И чего он сунулся? Верно, дело серьезное у него! Они без приглашения не смеют ко мне соваться!

– Однако, это неприятно! Уверены ли вы, что он не опасен?

– Разумеется! Это пустяки, хотя лучше, если бы этого не было.

Они вошли в квартиру. Куликов и его гость имели ужасный вид. Все платье и руки забрызганы кровью. Костюмы растерзаны. В руках какие-то узлы.

– Прежде всего нужно переодеться и сжечь наши костюмы.

– Я побреюсь у вас и снесу свои усы. Это необходимо.

– Сделайте милость, все к вашим услугам. В нашем распоряжении хоть вся ночь. Только вот кучер...

– Вы забываете, что это третье ландо сегодня! Каждый из них в отдельности ровно ничего не знает!

– Это правда! Давайте, однако, торопиться!

Они пошли в кухню мыться и затем в спальню. Куликов сам затопил плиту, в которую вместо дров были запихнуты с растопками все принадлежности их гардероба.

– Здесь же спалим и все ненужное из узлов, – заметил Куликов.

– Разумеется.

Они быстро переоделись и приняли свой обычный вид. Гость уселся бриться, а Куликов стал развязывать узлы. Что это? Футляры, пачки серебряных вещей, портфели, маленькая картонки, бумаги. Куликов поочередно все развертывал. Он принес большую корзину и начал туда складывать браслеты, колье, броши, серьги, кольца, ложки, совочки, статуэтки. Целая корзина драгоценностей. Затем пошли бумаги. Пачка выигрышных билетов, другая пачка банковских серий, векселя, гербовые листы, ассигнации, наконец, кредитные билеты. Куликов с любовью пересчитывал их и складывал в пачки. Много оказалось этих пачек. Все драгоценности, процентные бумаги и деньги Куликов сложил в корзину, а все остальное, вместе с пустыми футлярами, понес под плиту. В результате в квартире не осталось никаких признаков только что происшедшего. Корзину с этими ценностями Куликов понес в подвал и спрятал там в одном из тайных помещений.

– Теперь едем, – объявил Куликов, – еще только одиннадцать часов с небольшим.

– Куда?

– Поедем в «Шато-Варьете» и отпустим там ландо.

– А когда мы сведем, Иван Степанович, наши счета?

– Давайте сейчас. Но условно, вам следует тысячу рублей, вы получили двести, остается восемьсот. Хотите – сейчас получите, а то подождите несколько дней. Понимаете?

– Пожалуй. Дайте мне пока сто.

– Извольте... Ну, едемте... Ах, да, меня хотел видеть буфетчик. Нет, впрочем, теперь неудобно. Надо мне скорее развязаться с моим «Красным кабачком»... По многим причинам неудобно.

– Особенно теперь, после того, как он видел вас всего в крови и может не весть что подумать!

– Все вместе. У меня несколько причин и без этого есть.

Они вышли. Кучер подал ландо, но Куликов удивленно посмотрел на фасад своего кабака и вынул часы.

– Что-то неладно. Двенадцатый час, а заведение не закрыто, когда в одиннадцать часов все должно быть погашено. Знаете что, поезжайте вы в варьете и отпустите там ландо, а я приеду после. Нужно здесь распорядиться.

– Хорошо. До свидания. Я буду вас ждать. Куликов вошел в двери заведения и застал там целое собрание. Местный пристав, несколько полицейских и человек пятнадцать посторонних.

– А-а-а... вот и хозяин. Прекрасно, очень кстати.

– Что это такое? – спросил дрогнувшим голосом Куликов буфетчика.

– Скандал тут произошел, – отвечал тот растерянно, – жалобы какие-то, доносы.

– Скоты! – прошипел Куликов в ответ буфетчику и, сняв шляпу, почтительно подошел к приставу.

– Простите за неприятности для вас, но, право, я ни при чем тут. Занялся подрядами, сейчас только с работ, не смотрю за заведением. Продать его совсем решил. Надоели эти скандалы. Положиться ни на кого нельзя.

– Да у вас, оказывается, не скандалы только, а настоящий притон. Вот, чиновники сыскальной полиции сделали обыск и целую кучу краденых вещей нашли у буфетчика. Понимаете? У вашего буфетчика?! Что же это такое?

– Смее уверить вас, что меня это удивляет не меньше, чем вас! Я никогда этого не ожидал от Митрича.

Митрич стоял, опустив голову и как бы говоря: «Берите! Ваша взяла! Попался!»

– Вот как полагаться на людей! Митрич, что это значит?

Буфетчик молчал.

– Да говори же: от кого ты принял на хранение?

– Да это еще неизвестно, – перебил пристав, – на хранение или купил он, или за выпитое взамен взял.

– На хранение, клянусь, на хранение, – произнес Митрич.

– Вам известно, – спросил один из полицейских, – какое побоище сегодня происходило у вас в заведении?

– Ничего неизвестно.

– То-то! Даже градоначальнику дали знать! Скандал на всю заставу.

Куликов опять гневно посмотрел на буфетчиков.

– Нельзя на день из дому отлучиться, – вздохнул он.

– Вам придется прекратить торговлю, впредь до распоряжения господина градоначальника, – объявил пристав. – Дело осложнилось и приняло серьезный характер. Может быть, ваш «Красный кабачок» навсегда будет закрыт!

Куликов пожал плечами.

– Воля ваша. Лично моей вины тут нет! У меня оба буфетчика имеют законные доверенности и отвечают за все.

– Да, но ведь заведение все-таки ваше, и превращать его в притон для воров и бродяг вы едва ли имеете право.

– Я не превращал. Напротив, я наблюдал за чистотой, аккуратностью и приличием! – Это уж Митрич.

– Буфетчик сам по себе отвечает, а вы сами по себе. Его мы теперь же арестуем. А вы потрудитесь завтра утром пожаловать в участок для дополнительных объяснений.

– А теперь я свободен?

– Нет, мы попросим вас остаться до составления протокола и подписать его.

– Но меня ждут.

– Что делать! Вина не наша!

Протокол занял несколько часов времени и оказался объемом в 14 листов писчей бумаги. Сначала подробно излагалась драка, происшедшая на черной половине. Рабочие заявили, что буфетчик давно уже ведет близкую дружбу с ворами и бродягами, давая им разные привилегии и преимущества, в ущерб другим посетителям. Не раз случалось, что он запирает двери трактира, когда воры и громилы кутили с маклаками, скупавшими у них краденые вещи. Постоянно, если возникали пререкания между рабочими и бродягами, буфетчик был на стороне последних и удалял первых из заведения. Все это обострило настолько их отношения, что они ждали только случая устроить форменную драку и побоище. Случай представился сегодня, когда буфетчик стал просить компанию рабочих очистить стол и уступить его громилам. Рабочие не согласились, громилы попробовали было употребить силу. Это послужило сигналом, и скандал разыгрался.

Один из постоянных посетителей заявил, что он часто присутствовал при переговорах буфетчика с ворами; буфетчик постоянно брал на хранение не только заведомо краденые вещи, но часто и со следами крови; он хорошо знал, что все эти Тумба, Пузан, Рябчик, Васька, Федька, Алешка-кривой и другие заведомые воры не могут иметь золотых часов, собольих воротников, серебряных ложек и прочего, однако он принимал от них эти вещи, часто сам продавал и вырученные деньги, с какими-то вычетами, вручал ворами; деньги эти тут же пропивались. Хотя никто из воров, бродяг и громил не был задержан при полицейском обыске, но это относится только к случайности, потому что после побоища все разбежались. Пребывание этих лиц в заведении не отрицается самим буфетчиком.

– Да, – говорил Митрич, – точно, эти лица ходили, но откуда могу я знать, что они воры и душегубы? Да и какое мне до этого дело? Я не сыщик. Они все для меня посетители. Попросят оставить вещь полежать, я оставлял. Отчего же не оставить? Отчего не услужить своему покупателю? Место есть, возьму и спрячу. Но только я и в уме не держал, что вещи краденые. И знать не мог! На вещах метки нет! Была, правда, раз пачка в крови, но Артамон Ильич показал палец порезанный; оттого и в крови была. Что же тут преступного? Никаких особых различий между рабочими и бродягами я не мог делать, потому что и сейчас не знаю, который из них рабочий, который бродяга. Паспортов мы не спрашиваем, где кто работает – не справляемся. Правда, иные гости, которые больше расходуют и скромнее себя ведут, никогда не скандалят – приятнее для заведения. Так то же самое везде. И у Палкина пьющим шампанское низко кланяются, а бутылку пива и не подадут, пожалуй. Это дело коммерческое, и обижаться на это нельзя! Во всем, всегда и везде богатому отдается предпочтение перед бедным, и никто не спрашивает, честно или бесчестно богач добыл свои средства.

Куликов вполне присоединился к объяснениям своего буфетчика, прибавив, что он имеет двух ответственных буфетчиков и не может отвечать еще сам за их действия.

Вторая половина протокола была посвящена результатам осмотра и обыска. У Митрича в выручке нашли 1900 рублей деньгами, 4 золотых часов, 8 серебряных часов, 19 серебряных ложек, 11 золотых колец и еще около 30 разных мелких вещей из золота и серебра. Митрич не мог объяснить, кому в отдельности принадлежит каждая вещь, и не мог назвать никого из их владельцев.

– Право не знаю, ни где они живут, ни как их фамилии... Ходят сюда давно, а кто такие – не приходилось спрашивать!.. Ведь они мне доверие оказывают, они вещи оставляют, так чего мне заботиться об их адресах... Вот если бы я дал им свои часы, то, несомненно, узнал бы сперва, кто такой и где живет...

При осмотре комнаты буфетчика и кладовой, где хранилось белье, нашли целые груды узлов... Шубы, пальто, платье, далее мокрое белье в узлах...

– И это все на хранение отдано неизвестными людьми?

– На хранение, клянусь, на хранение... Я даже не видел многих узлов. Спрашивают: «Можно спрятать до завтра?» Можно, отчего же нельзя... И сами снесут в кладовушку...

– Да кто же это они?

– Посетители... Гости... разные... А кто именно, не могу знать...

– А клички их знаешь?

– И кличек не знаю... Дразнят их иногда кого Гусь, кого Рябчик, так ведь прозвища такие и у рабочих есть... Какое же мне дело входить в это?

В протокол занесли подробную опись всех вещей и узлов, которые тут же были опечатаны и сданы на хранение в полицейский участок. Куликов просил, чтобы объяснения его и буфетчика были занесены в протокол, что пристав и исполнил. Покончив со всеми формальностями, пристав попросил всех выйти из трактира и на замке дверей наложил сургучные печати.

Был уже четвертый час ночи, когда все было покончено. Митрич, арестованный, был отправлен с городовым в Казанскую часть, а остальные стали расходиться.

Куликов вышел на улицу.

– Куда же теперь? – произнес он вслух. – Он ждал меня и верно решил, что я обманул его! Теперь варьете закрыто... Эх! Не вздумал бы еще он обидеться? Куда? Домой идти не хочется... А что моя невеста? Что почтенная Елена Никитишна? Надо с ними кончать, а тут не вовремя эта глупая история с Митричем! Что бы им подождать, пока я продал бы заведение? Досадно...

И, рассуждая сам с собой, Куликов пошел тихонько к заставе...

20

Исповедь

Илья Ильич разослал гонцов во все стороны, но горничной не нашли... Очевидно, она ушла в город, но никому из прислуги ничего не сказала... Когда Елене Никитишне сказали, что горничная ушла неизвестно куда, она стала еще больше беспокоиться.

– Не могу, не могу, – кричала она, – нет больше моих сил!..

– Голубушка, Лена, успокойся, – молил Илья Ильич.

– Пригласите ко мне священника, я ему все, все расскажу... Я не переживу этой ночи! Опять столько мучений, столько призраков...

Коркин послал за батюшкой. Седой, маститый пастырь с добрым выражением лица поспешно вошел в комнату больной. Он благословил ее и опустился на стул, рядом с кроватью. Елена Никитишна тихо плакала.

– Батюшка, – начала она, – примирите меня с совестью, с церковью, с Богом... Лучше в Сибирь идти, чем переносить такие муки...

– Говори, дочь моя, что лежит у тебя на совести.

Елена Никитишна начала свою исповедь... Слабым, чуть слышным голосом она рассказывала все то, что знают уже читатели... Пастырь с поникшей головой слушал и предлагал изредка вопросы:

– Отчего ты, не найдя мужа в его комнате, не потребовала сейчас следствия?

– Батюшка, я два месяца пролежала в чахотке... Три недели была без памяти...

– А когда поправилась?

– Я говорила, требовала, но меня Сериков уверил, что муж уехал в Петербург и все устроилось по-хорошему...

Пастырь покачал головой. Когда больная закончила, он ничего не сказал.

– Что же, батюшка, мне теперь делать?

– Поговори с мужем... Надо рассказать все это властям... Это темное дело... Нехорошее дело... Сериков умер; тебе нельзя ссылаться на него... Ты отвечаешь и за него.

– Боже! Да как же я могу отвечать, когда ничего не знаю.

– Ты сделалась сообщницей его, потому что молчала, потакала, когда нужно было говорить, кричать. Твоя вина во всем, если окажется, что муж твой точно убит. Во всяком случае это дело должно расследовать. Страшный грех уже потому, что покойный умер без покаяния и никто не молился за него. Служила ли ты хоть одну панихиду?

– Ни одной...

– Видишь! Что ж удивительного, что совесть рисует тебе призрак несчастного убитого.

– Батюшка!..

– Ничего, дочь моя, не могу тебе сказать. Это необходимо сообщить властям. Скажи мужу, пусть он просит произвести следствие. Да свершится воля Божия! Дай Бог, чтобы опасения твои не сбылись!

– А этот Куликов?

– Я не знаю его, но не советую тебе с ним толковать. Не добро это! Первый раз он тебя видел и в твоём же доме дерзко намекнул... Мало того, потребовал, чтобы ты, мужняя жена, пошла к нему, холостому! Слишком дерзко, и добра он тебе желать не может. Скажи и об этом мужу, пусть его потребуют к прокурору, и если он говорит правду... Помни, дочь моя, что бы ни последовало, все будет для тебя лучше неизвестности и угрызений совести. Благодарю Бога, что Куликов заставил твою совесть проснуться! Покайся, пока есть еще время! А то как предстала бы ты пред Судьею Праведным на небесах?!

– Батюшка, я теперь уже чувствую облегчение: мне гораздо лучше стало после того, как я рассказала все вам.

– Совсем поправишься, когда дело расследуют. В каторге тебе лучше будет, чем теперь, потому что в каторге скорее ты можешь примириться с Богом, чем теперь, наслаждаясь жизнью и храня на совести такой ужасный грех.

Батюшка опустил на колени и помолился вместе с больной. Слова молитвы действовали на больную целительным бальзамом.

Когда священник кончил и стал прощаться, она почувствовала себя почти здоровой и позвала девушку помочь ей одеться. У нее была только еще боль в голове и общая слабость, усталость.

Когда Илья Ильич увидел чудом выздоровевшую жену, он чуть не заплакал от радости.

– Постой, – остановила она его, – дело гораздо серьезнее, чем ты думаешь, и радоваться тебе нечего. Я... я... убийца! Завтра, быть может, я буду сидеть в тюрьме, и мы никогда, никогда больше не увидимся.

Она зарыдала и бросилась в объятия мужа. У Коркина мелькнуло в голове, что жена сошла с ума.

– Успокойся, друг мой, ты пустое говоришь, ничего этого нет.

– Нет, нет, выслушай меня и ты сам узнаешь.

Она опустилась на диван и несколько минут молчала. В ней происходила борьба. Она решила говорить, но язык не хотел повиноваться; ее охватывал какой-то ужас. То, что она могла сказать Богу перед лицом духовника, невозможно было, казалось, громко произнести перед мужем. Она пугалась звука собственного голоса, и дыхание ее спиралось. Прошло более получаса в томительном молчании. Наконец, собрав все свои силы, Елена Никитишна начала тихо, полушепотом, обрываясь на полуслове:

– Да, Илья, я убийца. Слышишь – убийца мужа. Я не душила и не рубила своего мужа. О! Нет, нет, но я пустила его убить. Я дала молчаливое согласие, я сделалась сообщницей. Ты знал Серикова, моего бывшего сожителя. Я жила с ним еще при покойном муже. Ах, он... он предложил мне... Он сказал мне, что какой-то Макарка-душегуб может дать мне свободу, может приготовить моему мужу могилу под тремя березами на берегу Волги; мы будем свободны, счастливы, будем наслаждаться жизнью – мы еще так молоды. Я слушала его. Я не кричала, не пошла предупредить мужа. Я упала в обморок. А на другой день мужа не стало. Сериков уверял меня, что муж уехал в Петербург, оттуда в Америку, что он погиб на корабле. Я не верила, но хотела верить, молчала. Я готовилась выйти замуж за него, я любила – и эта любовь заглушала совесть. Но суд Божий не допустил этого. Сериков умер, не назвав меня своей женой. Потеря любимого человека подавила во мне все другие заботы и мысли. Я вовсе не думала о покойном муже. Я жила в каком-то опьянении. Вы посватались. Я приняла предложение. Как-то все это совершилось само собой. Точно корабль, который потерял все снасти, – и волны бросают его, куда хотят. Так и я. Но корабль ищет, молит спасения, а мне было все безразлично. Я не жила, а прозябала.

Елена Никитишна смолкла. Коркин слушал ее с напряженным вниманием, и лицо его становилось все мрачнее. Сам того не замечая, он как будто перестал видеть в говорившей свою нежно любимую жену. Перед ним была преступница, сообщница какого-то Макарки-душегуба, случайно попавшая в его дом. Ему казалось, что и он в том же положении, как первый муж этой женщины. Об этом говорили ее странное поведение за последние дни, записка, которую она ему не показала. Постоянные заботливые вопросы о здоровье Куликова. Что все это значит? Может быть, Куликов исполнял роль Серикова? Может быть, они порешили уже отравлять его медленным ядом?

И по мере того, как эти мысли вихрем неслись в голове Коркина, росло его презрение к этой женщине; он выпустил ее руки из своих, инстинктивно отодвинулся и смотрел без всякого участия на ее страдания. Она была ему в эту минуту чужая. Елена Никитишна очнулась:

– Вот видишь, Илья, ты признаешь меня убийцей! И ты меня уже обвиняешь! Ты не веришь мне, моей искренности! Я сваливаю вину на покойного. Я лгу! Я одна во всем виновата! Я сама, с помощью Макарки, умертвила мужа, чтобы получить свободу! О, боже, боже!

Коркин схватился за лоб, испугавшись своих мыслей и отгоняя вздорные подозрение.

– Глупости! Лена, ты мужа неспособна убить. Кто же поверит, что ты могла умертвить своего мужа. Не бредишь ли ты? Скажи, что все это плод твоей болезненной фантазии! Забудь все это!

Елена Никитишна отрицательно покачала головой.

– Я не в бреду. Увы! Все, что я говорю – истина. До сих пор я еще готова была верить в гибель моего мужа на «Свифте», но теперь... теперь... не может быть сомнения.

– Почему же теперь?! Что случилось теперь?!

Елена Никитишна помолчала.

– Вот почему...

И она подробно рассказала о своем разговоре с Куликовым в гостиной, о его требовании, чтобы она пришла к нему, о записке, которую получила от него, сказав, что это от модистки... Коркин вскочил.

– Куликов?! Куликов?! Так вот почему он интересовался твоим здоровьем?! Подлец! А я-то... Я чуть не приревновал тебя к нему!! Нет, я ему этого не прощу. Я...

– Постой, Илья, не торопись! Ты, конечно, вправе не верить мне, ты можешь презирать меня после всего, что ты узнал, но ты должен исполнить мою последнюю волю!

– Дорогая Леночка, жена моя!

– Постой! Я не жена тебе больше. Разве убийца мужа, любовница Серикова, сообщница Макарки может быть твоею женою?! Ты честный, добрый человек, и тебе не пара такая преступница, как я... Между нами все кончено... Но я...

– Лена, что ты говоришь?! Перестань. Я люблю тебя так же, как и прежде.

– Этого не может быть! Не обманывай себя! Но не будем говорить о том, чего вернуть теперь невозможно! Исполни только мою последнюю просьбу. Скажи, исполнишь?

– Леночка, не убивай меня! Умоляю тебя! Приказывай.

– Теперь только девять часов утра. Поезжай сегодня же к прокурору и расскажи ему все, все, что я тебе сказала. Я поехала бы сама, но у меня нет сил. Проси, чтобы немедленно начали следствие, чтобы допросили Куликова; пусть он скажет все, что знает. Пусть разроют холмик на Волге под тремя березами, в полверсте от пароходной пристани. Я сама покажу эти березки. Ради бога, умоляю тебя, поезжай сейчас!

– Леночка, успокойся, предоставь это дело мне; я повидеюсь с этим подлецом и задую его, если...

– Нет! Оставь! Это бесполезно! Я хочу непременно суда строгого, безжалостного, хочу каторги, виселицы, если действительно там, под холмом, лежит мой убитый муж! О! Боже, боже!!

Она тихо плакала. Коркин молчал. Он понимал, что не в состоянии не только утешить, но сколько-нибудь облегчить горе своей несчастной жены. В таких положениях помочь невозможно. Нет выхода. Он сделал еще слабую попытку:

– А если Куликов только гнусный шантажист и ничего не знает? Может быть, все окончится несколькими пощечинами?! Позволь...

Елена Никитишна опять покачала головой.

– Я почти уверена, что преступление совершено и Куликов знает все подробности. Я это чувствую. Если это так, то одна лишь каторга примирит меня с совестью. Во всяком случае,

одно следствие, самое строжайшее следствие может раскрыть все. Умоляю тебя, поезжай к прокурору.

– Твое желание, Леночка, всегда было для меня законом. Если ты непременно потребуешь – изволь.

– Ах, милый, милый... Благодарю тебя. Поезжай скорей, я с нетерпением буду ждать твоего возвращения.

Коркин встал, поцеловал руку жены и вышел. Он был бледен, как полотно, и чувствовал, что ноги его подкашиваются. За тот час он постарел на несколько лет.

Когда муж вышел, Елена Никитишна опустила голову на подушки и закрыла глаза. Она была в эту минуту счастлива, как никогда в жизни! В мозгу ее воскресло счастливое, веселое детство в родительском доме, беззаботные игры на привольных полях Волги, катание в утлом челноке с подругами, песня бурлаков, раскатывавшаяся печальным, заунывным эхом. Со времен этого детства у нее не было светлой минуты в жизни. Сначала мрачная жизнь с болезненным стариком мужем, потом воровские, тайные свидания с возлюбленным, затем ужасное преступление, тяжелым камнем давившее на сердце. Наконец, смерть Серикова и какое-то угнетенное прозябание после. Она не смела никогда думать о прошлом, боялась будущего и тяготилась настоящим. Одна гробовая доска могла, казалось, успокоить ее.

И вдруг... вдруг теперь она счастлива, как была во времена детства. Тяжелый камень сброшен. Мир в душе, надежда на будущее и свобода, свобода совести!

О, как она счастлива!

21

Розыски

Ганя ожила. У нее нашелся, кроме Николая Гавриловича, еще один союзник – совершенно новая личность, появившаяся на их горизонте и случайно попавшая в дом Петухова. Это был начетчик-раскольник филипповского согласия, Дмитрий Ильич Павлов, посетивший Петухова, как бывшего их сочлена, присоединившегося впоследствии к единоверчеству. Петухов порвал все отношения с покинутым им согласием, но Павлов пришел просить его совета по случаю своего тоже присоединения к церкви. Тимофей Тимофеевич очень любезно принял нового знакомого, изъявил полную готовность помочь ему и в первый же визит оставил его обедать. Представляя Дмитрию Ильичу дочь, старик прибавил:

– Поздравить можете. Невеста. Скоро свадьба.

– За кого, позвольте полюбопытствовать?

– За Куликова. Сосед наш, содержатель «Красного кабачка».

Павлов вытянул свою длинную шею, вытаращил глаза и наморщил лоб.

– За кабатчика? – переспросил он.

– Это только название «кабачок», хороший трактир.

Павлов взъерошил свои начинавшие сесть волосы и, сделав самую кислую гримасу, произнес:

– А я слышал, что кабак Куликова – притон всех бродяг и мазуриков Горячего поля, что сам Куликов очень темная личность и что трактир его на днях полиция опечатала.

– Пустяки! Вы верно что-нибудь путаете!

– Может быть, только фамилию Куликова я хорошо запомнил. Это у самой заставы.

– Да, у заставы, только это очень приличное заведение.

– Не смею спорить, но если позволите, я проверю и в следующий раз точно сообщу вам.

А позвольте спросить – Агафья Тимофеевна увлеклись верно женихом?

– Сначала он ей не нравился и она слышать не хотела, а потом ничего... понравился... сама теперь свадьбой торопит.

Павлов пристально посмотрел на Ганю и заметил, как она вздрогнула, побледнела и опустила голову.

«Гм! – подумал он, – влюбленные краснеют, а не бледнеют. Нет, тут что-то не ладно».

Вид кроткой, красивой девушки, пугливой, как птичка, робкой и покорной, как дитя, тронул Павлова, и он тут же в душе дал себе слово разузнать, в чем здесь дело.

– Только не могу вот понять: что это с женихом случилось? Вторую неделю не вижу. Посылал справиться, сказали дома нет, – проговорил Петухов после небольшого перерыва.

– Если это тот Куликов, то весьма возможно, что он...

Павлов поперхнулся. Слово «арестован» не сошло у него с языка; все-таки ведь жених. И сказать такое предположение будущему тестю гость не решился.

– Что, что? – спросили в один голос отец и дочь.

– Что... что он уехал или занялся ликвидацией дел после закрытия заведения.

– Нет, помилуйте, разве он уехал бы, не повидавшись и не предупредив нас, – отвечал Петухов.

Павлов и сам понимал, что сказал глупость, но ничего другого он не нашелся сказать. Он продолжал пристально следить за девушкой и видел, как она взволновалась, но это волнение не было беспокойным трепетом влюбленной, боящейся за своего жениха. Совсем нет.

«Э-э... Да не согласилась ли она выйти за жениха под каким-нибудь гнетом, помимо своей воли», – думал Павлов.

– Ганя, – спросил отец, – а где Николай Гаврилович? Я не видал его в конторе и к обеду он не явился. Он ничего тебе не говорил?

– Он в город с утра уехал с образчиками.

– Куда?

– К ротмистру Галкину насчет кавалерийских седел.

– Да, да, он говорил мне. А ты теперь все время на заводе сидишь?

– Я хочу познакомиться, папенька.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.